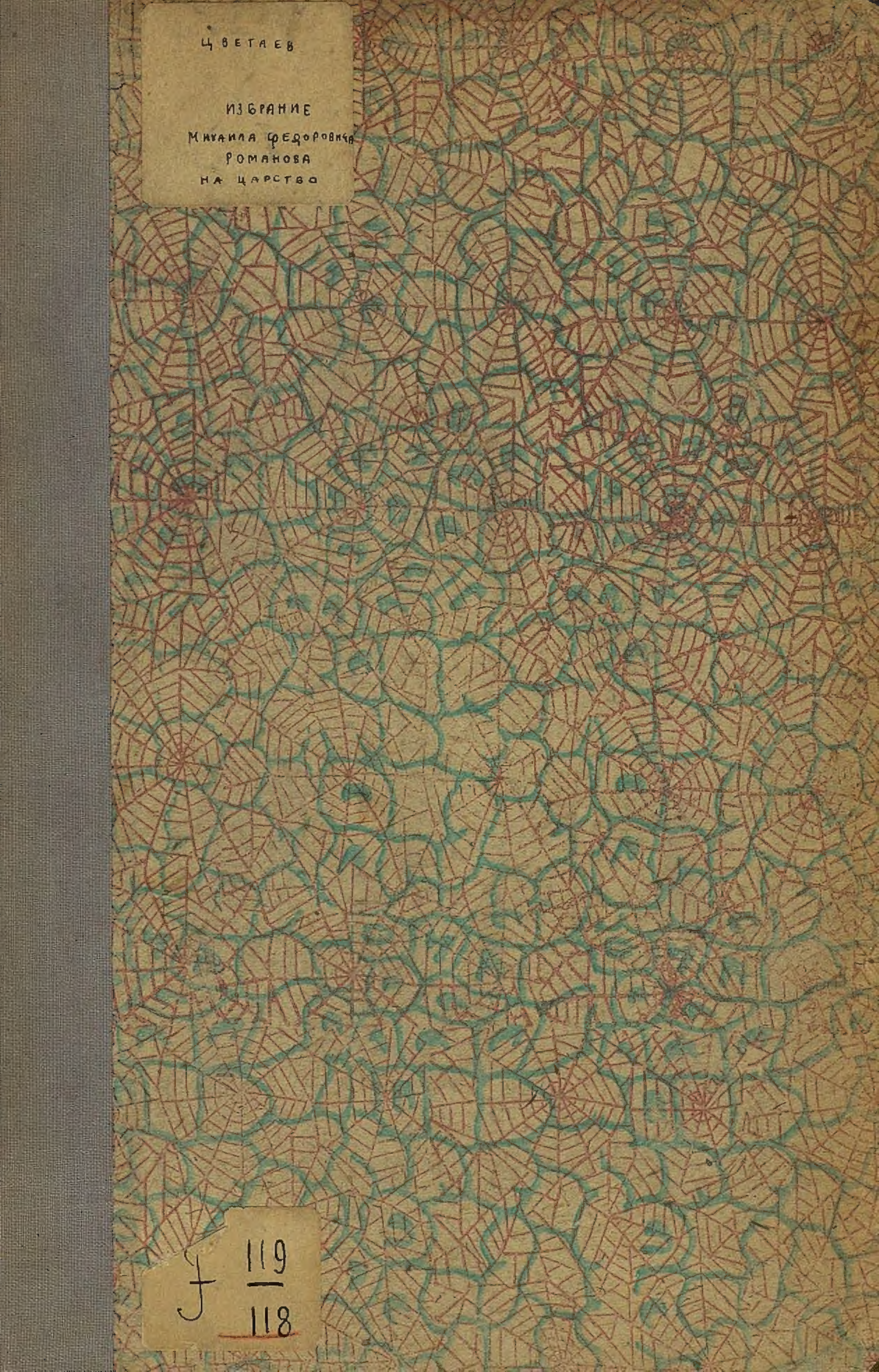
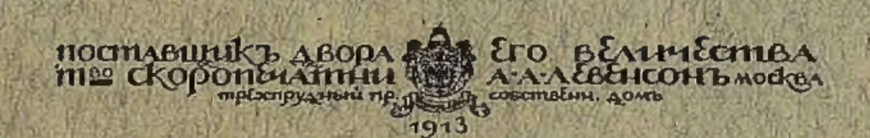

Цветаев
Избрание
Михаила Федоровича
Романова
на царство

ИЗБРАНІЕ
МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА
НА ЦАРСТВО.

Профессора Д. В. ЦВѢТАЕВА
Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи.

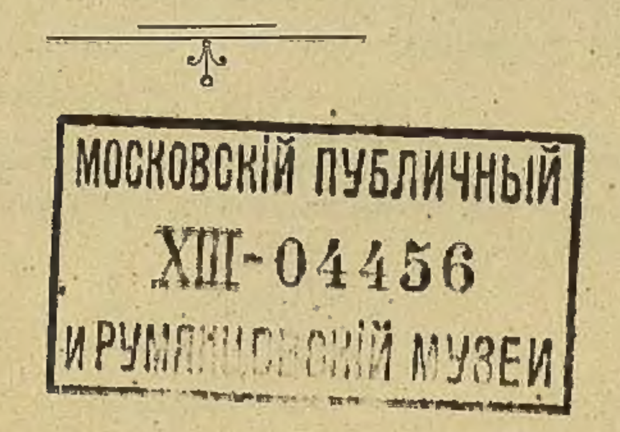
ИЗБРАНІЕ

МИХАИЛА ӨЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА

НА ЦАРСТВО.

Профессора **Д. В. Цвѣтаева**

Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи.

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

2007058731

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1) «Безъ государя ни на малое время быть не мочно, и досталь Московскому государству быть въ разореніи».

Дворцовые Разряды, I, 34.

2) «Не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа, но да изберемъ собѣ царя на царство».

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63.

Избирательный авторитетъ земскихъ соборовъ.—Вопросъ объ избраніи царя на земскомъ соборѣ при второмъ ополченіи.—Составъ земскаго собора 1613 года.—Ходъ избирательныхъ занятій собора.—Романовы, ихъ дѣятельность и землевладѣніе.—Причины успѣха кандидатуры Михаила Θеодоровича Романова.—Избраніе Михаила Θеодоровича и принятіе имъ избранія [1]).

I.

Избирательный авторитетъ земскихъ соборовъ.

Когда, по освобожденіи Москвы отъ поляковъ, передъ русскою землею сталъ на первую очередь вопросъ о замѣщеніи престола, лишь одно учрежденіе обладало въ глазахъ страны всѣмъ авторитетомъ для избранія государя: такимъ учрежденіемъ исторія сдѣлала къ тому времени земскій соборъ. При этомъ соборъ, которому суждено было совершить «великое дѣло» избранія Михаила Θеодоровича Романова на царство, достигъ такой

[1]) Самымъ раннимъ изъ дошедшихъ до насъ основныхъ источниковъ по вопросу объ избраніи и вступленіи на престолъ Михаила Θеодоровича являются грамоты, которыми сносился земскій соборъ съ государемъ, его матерью Марθою Ивановною и съ отправленнымъ къ нимъ посольствомъ, въ періодъ отъ избранія Михаила до прибытія его въ Москву. Грамоты эти долгое время хранились въ Сенатскомъ Разрядномъ Архивѣ, съ 1852 года входящемъ въ составъ учрежденнаго тогда Московскаго Архива Министер-

полноты въ своемъ составѣ и компетенціи, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ; ему болѣе, чѣмъ предыдущимъ, соотвѣтствовало тогдашнее наименованіе соборовъ «Совѣтомъ всей земли» и «Вселенскимъ совѣтомъ».

Вызванное жизненными потребностями государства и народа, учрежденіе это, само по себѣ высокое по идеѣ, укрѣплялось еще болѣе въ уваженіи къ нему населенія своей дѣятельностью [1]). Созываемые по разнымъ поводамъ, соборы, за время своего полуторавѣковаго существованія, при-

---

ства Юстиціи. Онѣ были напечатаны въ «Описаніи Государственнаго Разряднаго Архива» П. И. Ивановымъ (М. 1842) и въ «Дворцовыхъ Разрядахъ», т. I (Спб. 1850). Въ 1858 году архивный столбецъ съ этими документами переданъ былъ, согласно Высочайшему повелѣнію, въ Государственное Древлехранилище. Однако Московскій Архивъ Министерства Юстиціи и теперь обладаетъ богатымъ матеріаломъ, важнымъ для выясненія обстановки народнаго избранія Михаила Θеодоровича: таковы документы, которые касаются экономическаго положенія новой династіи; заключая точныя первостепенныя данныя объ ея землевладѣніи, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, они проливаютъ свѣтъ на связи рода Романовыхъ, по землевладѣнію, съ очень многими мѣстностями страны. Въ настоящее время Архивомъ приступлено къ изданію, въ двухъ первыхъ томахъ его «Сборника», этихъ документовъ; для полноты въ «Сборникъ» включается нѣсколько цѣнныхъ документовъ и изъ другихъ архивовъ.— Избранію и вступленію на царство Михаила Θеодоровича посвященъ рядъ работъ: Н. А. Лавровскаго, Избраніе Михаила Θеодоровича на царство (Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института. Спб., 1852); М. Д. Хмырова, Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Спб., 1863; Von Erwin Bauer, Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanow's zum Zaren von Russland (Sybel, Historische Zeitschrift, 1886, I); А. И. Маркевича, Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова (Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, IX—X); С. И. Чернышева, Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова (вступительная лекція, Труды Кіевской Духовной Академіи, 1912, I, и отдѣльною брошюрой, Кіевъ, 1912).—Дальнѣйшія указанія на источники и пособія будутъ даны ниже. Настоящая монографія составлена нами при сотрудничествѣ дѣлопроизводителя Архива Министерства Юстиціи Н. Г. Бережкова въ предварительной разработкѣ частныхъ вопросовъ. Работа по изданію документовъ о землевладѣніи бояръ Романовыхъ производится нами вмѣстѣ со служащими въ Архивѣ.

[1]) Главная литература о земскихъ соборахъ: К. С. Аксаковъ, Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ (Собраніе сочиненій. М., 1861); Б. Н. Чичеринъ, О народномъ представительствѣ. М., 1886, стр. 355 слл.; И. Д. Бѣляевъ, Земскіе соборы на Руси (Отчетъ Московскаго Университета за 1867 годъ); В. И. Сергѣевичъ, Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ (Сборникъ государственныхъ знаній. Спб., 1875, т. II) и Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883; М. Ф. Владимірскій-Будановъ, рецензія на изслѣдованіе Сергѣевича (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1875, X) и Обзоръ исторіи русскаго права. Спб.—Кіевъ, 1905, четвертое изданіе съ дополненіями; Н. П. Загоскинъ, Земскіе соборы (въ Исторіи права Московскаго государства. Казань, 1877, т. I); С. Θ. Платоновъ, Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1883, и въ Статьяхъ по русской исторіи. Спб., 1903); В. Н. Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси. Спб., 1885; В. О. Ключевскій, Составъ представительства на зем-

нимали участіе въ обсужденіи, а иногда, по требованію обстоятельствъ, и въ рѣшеніи весьма разнообразныхъ и для своей поры самыхъ жгучихъ вопросовъ. Вопросы эти относились къ внутреннему управленію, начиная съ избранія главы государства, выполненія верховнаго политическаго суда, составленія общаго и частнаго законодательства и кончая дѣлами установленія и умиротворенія отношеній между правящими и управляемыми, устройства административнаго и сословнаго, изысканія денежныхъ средствъ и проч. Соборы касались также и дѣлъ внѣшней политики—войны и мира, заключенія договоровъ, уступки своей области или присоединенія новой. Трудно указать примѣръ, когда бы рѣшеніе менѣе удовлетворило населеніе, чѣмъ если бъ оно состоялось безъ участія собора, хотя представительство у насъ никогда не достигало всей полноты, какъ и на Западѣ, гдѣ оно тоже не было всесословнымъ. И въ англійскомъ парламентѣ, въ первоначальномъ его видѣ, и во французскихъ генеральныхъ штатахъ, и въ нѣмецкихъ ландтагахъ отъ имени всего народа выступали члены и представители правящихъ и привилегированныхъ классовъ и сословій; не говоримъ уже объ областныхъ и генеральныхъ сеймахъ сосѣдняго польско-литовскаго государства.

Въ кругъ важныхъ дѣлъ, которыми занимались земскіе соборы, вопросъ о престолонаслѣдіи вошелъ еще при сынѣ государя, установившаго это новое учрежденіе. Къ содѣйствію собора обращается правитель-

---

скихъ соборахъ древней Руси (Русская Мысль, 1890, № 1, 1891, № 1, 1892, №№ 1 и 2 и въ Опытахъ и изслѣдованіяхъ. М., 1912, цитируемъ по этому изданію); И. И. Дитятинъ, Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства (въ Статьяхъ по исторіи русскаго права. Спб., 1896). Въ недавніе годы появились работы М. В. Клочкова, Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 года (Вѣстникъ Права, 1904, ноябрь); С. Ѳ. Платонова, Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ (въ «Журналѣ для всѣхъ» 1905, отдѣльно, Спб., 1905, и въ изданіи «Москва въ ея прошломъ и настоящемъ»); А. И. Заозерскаго, Къ вопросу о составѣ и значеніи земскихъ соборовъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1909, VI, 299—352, также въ изданіи «Три вѣка». М., 1912, I); И. А. Стратонова, Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси (Записки Казанскаго Унив., 1905 и слѣд., отдѣльно, Казань, 1912); С. Авалiани, Земскіе соборы (исторіографія и представительство). Одесса, 1910.—Сначала занимались изученіемъ преимущественно внѣшней судьбы, круга дѣятельности и значенія соборовъ; съ М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. О. Ключевскаго обратились къ уясненію ихъ состава и постепеннаго внутренняго развитія въ связи со свойствами и условіями московской исторической жизни. Аналогія между земскими соборами и западными сословными собраніями проведена въ трудахъ В. И. Сергѣевича и В. Н. Латкина и особенно полно у Н. П. Павлова-Сильванскаго, Феодализмъ въ удѣльной Руси. Спб., 1910. Г. Авалiани въ своей «Исторіографіи земскихъ соборовъ», поставивъ своею задачею «безъ цѣли рѣшенія спорныхъ вопросовъ» «подвести итоги работамъ, посвященнымъ земскимъ соборамъ», сжато передаетъ содержаніе и выводы большинства этихъ работъ.

ство для укрѣпленія престола за Ѳеодоромъ Ивановичемъ, воцареніе котораго, въ нарушеніе обычая, не было оформлено завѣщаніемъ предшественника и вызвало нѣкоторые происки и замѣшательства. Въ данномъ случаѣ нормальнымъ порядкомъ наслѣдованія былъ переходъ престола отъ отца къ старшему сыну, и роль учрежденія была еще небольшой и пассивной. Хотя, по лѣтописи, соборные члены «молили со слезами» Ѳеодора Ивановича скорѣе сѣсть на престолъ отца своего, и онъ вѣнчался царскимъ вѣнцомъ «по ихъ моленію», но соборъ 1584 года лишь подтверждалъ то, что̀ было нормою, былъ въ сущности оффиціальнымъ свидѣтелемъ вступленія на престолъ прямого законнаго наслѣдника, замѣнить котораго никто не былъ въ правѣ. По прекращеніи же династіи, Борисъ Годуновъ, безспорно сильнѣйшій изъ кандидатовъ на царство, принялъ, однако, престолъ не прежде, чѣмъ его избралъ нарочито созванный земскій соборъ. Требуя его созыва, Борисъ руководствовался не столько соображеніями о правахъ этого учрежденія, сколько стремленіемъ путемъ такого избранія найти почву для обезпеченія себѣ въ своемъ царствованіи возможно большей независимости отъ притязаній со стороны соперниковъ и боярства; и все же нельзя не видѣть здѣсь проявленія, пока косвеннаго, мысли о томъ, что въ безгосударное время именно земскому собору принадлежитъ право избранія государя, иными словами, верховная власть. Существованіе этой мысли, такимъ образомъ, замѣтно еще въ тотъ начальный періодъ исторіи даннаго учрежденія, когда по своему составу оно являлось ничѣмъ инымъ, какъ совѣщаніемъ правительства со своими собственными призываемыми агентами, и когда представленія объ иномъ, выборномъ, составѣ собора только еще нарождались. Созывъ собора въ 1598 г. для избранія Годунова, являясь выраженіемъ этой мысли, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ прецедента, содѣйствовать укрѣпленію ея въ сознаніи населенія на будущее время; на немъ же впервые является небольшая часть, очевидно, выборныхъ, представителей провинціальнаго служилаго дворянства, близкаго Годунову, и призывомъ ихъ кладется первый строительный камень къ расширенію представительства, пока въ пользу одного средняго провинціальнаго класса.

Въ эпоху смуты, среди общаго потрясенія государственнаго строя, земскій соборъ оказался единственнымъ учрежденіемъ, къ которому общественная мысль могла обратиться, какъ къ точкѣ опоры, и ростъ соборнаго авторитета особенно интенсивенъ именно въ этотъ періодъ: можно сказать, что смутные годы сами дали странѣ учрежденіе, достаточно авторитетное для того, чтобы избраніемъ династіи, прочно занявшей престолъ, поло-

жить конецъ неурядицамъ. Воцареніе Василія Шуйскаго безъ соборнаго избранія было уже принято, какъ прямое нарушеніе правъ земскаго собора [1]). Обстоятельства, сдѣлавшія одно время неизбѣжнымъ призваніе на престолъ иноземца, вызываютъ попытки (1610 г.) даже формальнаго закрѣпленія мѣста земскаго собора въ системѣ государственныхъ учрежденій. Боярское избраніе королевича Владислава было прикрыто авторитетомъ собора, на которомъ въ значительномъ числѣ были представители мѣстныхъ дворянскихъ обществъ. Въ заявленіяхъ и образѣ дѣйствій пословъ, отправленныхъ затѣмъ къ Сигизмунду съ предложеніемъ короны его сыну, настойчиво проводится мысль о верховномъ въ безгосударное время авторитетѣ земскаго собора [2]). Одновременно съ тѣмъ въ странѣ развивается политическое движеніе по городамъ и уѣздамъ, которое получаетъ большое значеніе въ дѣлѣ роста представительства и компетенціи собора.

Движеніе это пошло наперекоръ смутѣ. Послѣдняя вызывала населеніе на необычную, энергическую и напряженную политическую самодѣятельность. При ослабленіи государства заговорили въ великорусской землѣ мѣстные міры, получившіе отъ Грознаго земское самоуправленіе, заговорила община, пробудились отчасти навыки и практика преж-

---

[1]) «О царствѣ царя Ѳеодора Ивановича, како сяде на царьство: Того же году по преставленіи царя Ивана Васильевича пріидоша къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ Московского государства и молили со слезами царевича Ѳеодора Ивановича, чтобъ не мѣшкалъ, сѣлъ на Московское государство и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Онъ же, государь, не презрѣ моленія всѣхъ православныхъ христіянъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ вскорѣ послѣ преставленія отца своего царя Ивана Васильевича». Новый лѣтописецъ, 35 (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I); Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб., 1792, 5—6. О неудовольствіи, вызванномъ тѣмъ, что кн. Шуйскій безъ соборнаго избранія принялъ престолъ, см. Новый лѣтописецъ, 69; Русская Историческая Библіотека, XIII: Временникъ дьяка Ив. Тимоѳеева, 377, 389—390, Повѣсть Хворостинина, 542. Въ данную эпоху возникла даже мысль о правѣ земскаго собора не только избирать въ безгосударное время государя, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и судить и низлагать его, что съ необычною энергіею и убѣдительностью выражено самимъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ мятежникамъ, когда ему грозила отъ нихъ опасность сведенія съ престола: «аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся всѣ большіе боляре и всѣхъ чиновъ люди, и азъ съ ними; и какъ вся земля совѣтъ положить, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити». А. Поповъ, Изборникъ. М., 1869, 198—199; В. О. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. М., 1902 г., 367.

[2]) Договоры: Приложенія №№ 20 и 24 къ Запискамъ гетмана Жолкѣвскаго о Московской войнѣ, изд. П. А. Муханова, Спб., 1871; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, №№ 199 и 120; Д. В. Цвѣтаевъ, Къ исторіи Смутнаго времени, сборникъ. М., 1913 г., №№ 8 и 9. Рѣчи пословъ: Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго. М., 1790, 40 и слѣд.

ніе, временъ удѣловъ и вѣчевого уклада. По мѣрѣ того, какъ расшатывалась въ смутѣ государственная власть, мѣстнымъ мірамъ приходилось проявлять все больше самостоятельности въ заботахъ о поддержаніи въ нихъ порядка и о самозащитѣ, и все больше увеличивался кругъ вѣдѣнія мѣстныхъ выборныхъ органовъ. Когда же, по низверженіи Шуйскаго и за неприбытіемъ Владислава, разруха достигла крайней степени, выявилась въ полной силѣ роль мѣстныхъ обществъ и выборнаго начала. По всѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера возникаютъ совѣты изъ выборныхъ всѣхъ свободныхъ сословій мѣстнаго населенія, сосредоточивающіе въ своемъ вѣдѣніи дѣло обороны областей. Въ цѣляхъ согласованія своихъ дѣйствій, взаимной поддержки и сообщенія другъ другу о «вѣстехъ», совѣты эти вступаютъ между собою въ сношенія. Покуда въ перепискѣ и сношеніяхъ между общинами преслѣдуются задачи узкія, защита своихъ мѣстъ,—слышатся скорѣе взаимныя увѣщанія, укоры, обличенія. Съ увеличеніемъ же районовъ, находящихся въ вѣдѣніи связанныхъ одна съ другой выборныхъ организацій, и съ уясненіемъ опасности отъ надвигавшагося польско-литовскаго господства, кругозоръ расширяется, сношенія получаютъ направленіе въ духѣ взаимнаго союза и единенія. Мѣстные и районные совѣты, сначала дѣйствовавшіе ощупью и въ кругѣ замкнутыхъ интересовъ, смѣлѣе и сознательнѣе затрогиваютъ вопросы, касающіеся уже всей страны. При этомъ ни по городамъ, ни въ объединенныхъ районахъ никто не подаетъ голоса о возвращеніи къ старой мѣстной обособленности и независимости. Ослабивъ центробѣжныя стремленія, московская политическая система крѣпко связала съ центромъ самостоятельныя княжества и земли, представители которыхъ стали также принимать участіе и встрѣчаться на земскихъ соборахъ. Бѣдствія смутъ пріучали сознательнѣе цѣнить государственность, выработанную историческою жизнью, и побуждали поддерживать и возстановлять ее въ ея лучшихъ свойствахъ. И земля, казалось, распадавшаяся, собиралась вокругъ Москвы, съ которою была соединена жизнью на однѣхъ общихъ основахъ. Мѣстные міры думаютъ и сносятся между собою объ освобожденіи общей столицы и о возстановленіи общегосударственнаго порядка.

Незамѣнимую услугу изнемогавшему государству оказываетъ русская церковь, которая, по освобожденіи отъ Византіи, шедшей на уніатскія уступки Риму, какъ самостоятельная, сдѣлалась къ этому времени вполнѣ національной. Всею своею нравственною и матеріальною силою стремится она теперь поддержать идею и интересы русской государственности, воодушевить и поднять на ратные за нее подвиги во имя высшихъ

вѣчныхъ побужденій; она начинаетъ говорить о возстановленіи общаго порядка избраніемъ государя тѣмъ же совѣтомъ всей земли. Въ мѣстные городскіе совѣты духовныя власти входили въ полномъ своемъ составѣ. Грамоты, пересылаемыя отъ городовъ и монастырей, обращались совмѣстно ко всѣмъ чинамъ совѣта и города, духовнымъ, военно-служилымъ и тяглымъ.

При столь исключительныхъ обстоятельствахъ быстро развертывавшейся политической и соціальной жизни, все сильнѣе и настойчивѣе стала укрѣпляться мысль объ образованіи такого общаго совѣта, въ который сошлись бы «всѣхъ чиновъ» люди изо всѣхъ областей государства и который взялъ бы въ свои руки судьбы цѣлой страны. На совѣтѣ новаго типа должны были отразиться свойства ведшихъ къ нему организацій; вмѣстѣ съ прежними служебными чинами должны были явиться теперь многочисленные и разнообразные выборные представители общественныхъ слоевъ. Принципъ выборнаго представительства переносился изъ мѣстнаго управленія въ центральное, и новый земскій соборъ такимъ образомъ долженъ былъ облечься довѣріемъ земли еще въ большей степени, чѣмъ соборъ прежняго типа. Въ немъ получаетъ фактическое и юридическое торжество идея полномочнаго государственнаго учрежденія для безспорнаго рѣшенія дѣлъ въ государствѣ и прежде всего важнѣйшаго тогда дѣла—избранія государя, замѣщенія престола.

Слѣдуетъ отмѣтить, что успѣшному осуществленію стоявшей на очереди задачи помогало то обстоятельство, что никакого другого идеала, кромѣ царскаго, не выставляли даже тѣ элементы, которые, за разрушительныя тенденціи и необузданныя поживы на счетъ мирнаго, земскаго населенія, прослыли въ народной молвѣ «ворами», а въ исторической наукѣ признаны анархическими. Когда, послѣ гибели Прокопія Ляпунова, распалось первое ополченіе и подъ Москвою стали хозяйничать примкнувшіе было къ нему приверженцы второго Самозванца съ кн. Дм. Трубецкимъ во главѣ и казаки Ив. Заруцкаго, то раздачу помѣстій оба эти предводителя, «по совѣту всей земли», состоявшему при нихъ, обусловливали тѣмъ, что «какъ на Московское государство Богъ дастъ государя, и тогда велитъ государь на ту вотчину дать вотчинную жалованную грамоту».

Выборный совѣтъ перваго ополченія уже формально, въ приговорѣ 30 іюня 1611 года, признавалъ за собою право распоряжаться какъ дѣлами военными, такъ и по внутреннему управленію и устройству государства. Образовавшійся изъ представителей слоевъ, создавшихъ ополченіе, онъ значительно пополнился провинціальнымъ служилымъ классомъ,

получившимъ доступъ въ соборъ при избраніи Годунова, и имѣлъ въ себѣ, кромѣ того, атамановъ и сотниковъ казачества и «дворовыхъ людей». Такой совѣтъ, а еще менѣе тотъ, что остался при Трубецкомъ и Заруцкомъ, не являлись по своему составу «совѣтомъ всей земли», земскимъ соборомъ въ собственномъ смыслѣ. Сами Трубецкой и Заруцкій дѣлали распоряженія и производили раздачу земель не всегда по этому «совѣту», дѣйствовали и помимо его, а земская рать собиралась и противъ нихъ, объявляя, что они, присягнувъ новому Самозванцу, хотятъ разоренія и пагубы «всякихъ чиновъ, земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей», чтобы «владѣти имъ по своему воровскому казацкому обычаю» [1]).

Во второмъ ополченіи, при князѣ Дмитріи Михайловичѣ Пожарскомъ, сначала возникаетъ совѣтъ представителей, служилыхъ и тяглыхъ, главнымъ образомъ среднихъ классовъ, отъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые постепенно присоединяются къ движенію. Это ополченіе Руси сѣверо-восточной, помѣщичьей и торгово-промышленной, въ отличіе отъ перваго, явившагося главнымъ образомъ отъ служилаго сословія и казачества, оказывалось по преимуществу земскимъ, и такой характеръ оно все яснѣе сообщаетъ и совѣту, на которомъ, какъ на городскихъ совѣтахъ, сталъ принимать очень замѣтное участіе выборный посадскій элементъ. «Бояре, и окольничіе, и Дмитрій Пожарскій» съ товарищами разсылали

---

[1]) Грамота кн. Пожарскаго о Трубецкомъ и Заруцкомъ, 7 апрѣля 1612 г. изъ Ярославля: Акты Археографической Экспедиціи, II, № 203, стр. 255—256. Вотчинныя жалованныя грамоты кн. Трубецкого и Заруцкаго «по совѣту всей земли»: 24 ноября 1611 г. и 26 іюля 1612 г. (Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, опис. Д. Лебедева. М., 1881 г., №№ 247, 251), 15 іюня 1612 г. (Акты Археографической Экспедиціи, II, № 207), безъ упоминанія о соборѣ: 17 марта 1612 г. (С. Б. Веселовскій, Акты подмосковныхъ ополченій и земскаго собора 1611—1613 гг. М., 1911, № 69). Участвовавшіе въ соборѣ перваго ополченія «дворовые люди», это, по мнѣнію однихъ,— «боярскіе холопы» (И. Е. Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій. М., 1896 г., 65), «холопы, освобожденные смутой» (Латкинъ, 115), по мнѣнію другихъ,—«представители тяглыхъ людей, мелкихъ собственниковъ» (Аваліани, вып. II, 74). Приговоръ Ляпуновскаго ополченія 30 іюня 1611 г. у Забѣлина, прилож. № I, стр. 269—278. Указанія представителей духовенства на необходимость общаго совѣта русскихъ людей для избранія государя изъ природныхъ русскихъ, въ мартѣ 1611 г., апрѣлѣ 1612 г.: Акты Археографической Экспедиціи, II, №№ 180, 202, и др.; объ иниціативѣ Гермогена и о служеніи церкви: С. Кедровъ, Жизнеописаніе святѣйшаго Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи. М., 1912, 86 и слѣд.; прот. П. Скубачевскій, Гермогенъ, патріархъ Московскій и всея Руси, и его служеніе отечеству въ Смутное время (Вѣра и Разумъ, 1912, кн. IV—V); проф. А. Дмитріевскій, Патріархъ Гермогенъ и русское духовенство въ ихъ служеніи отечеству въ Смутное время. О политическомъ движеніи по областямъ, между прочимъ, А. П. Щапова— Великорусскія области и Смутное время (Сочиненія. Спб., 1906, I, 648—709) и проф. Платонова, Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ.

изъ Ярославля по городамъ приглашенія прислать возможно скорѣе «изъ всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Грамоты эти, какъ предъ тѣмъ отъ городскихъ совѣтовъ, обращались къ духовнымъ властямъ или всему освященному собору, къ служилымъ чинамъ и къ посадскимъ и всякимъ жилецкимъ и уѣзднымъ людямъ [1]). Вмѣстѣ съ выборными, которые были присланы по этому приглашенію, въ ополченіи дѣйствуютъ «освященный соборъ» въ видѣ духовнаго совѣта при ростовско-ярославскомъ митрополитѣ Кириллѣ, вызванномъ изъ лавры [2]), и «синклитъ» начальниковъ, въ извѣстной мѣрѣ замѣнявшій собою въ ополченіи боярскую думу, и такимъ образомъ при ополченіи образуется земскій соборъ новаго, свойственнаго XVII вѣку, типа, принимающій на себя руководство всѣмъ управленіемъ.

II.

Вопросъ объ избраніи царя на земскомъ соборѣ при второмъ ополченіи.

На этотъ соборъ первоначально предполагалось возложить избраніе государя. Намѣреніе произвести избраніе возможно скорѣе, даже прежде освобожденія столицы, начальники ополченія со своими сподвижниками

---

[1]) Акты Археографической Экспедиціи, II, № 203.

[2]) «Бысть въ начальникехъ въ Ярославлѣ и во всякихъ людехъ бысть смута великая, прибѣгнути не х кому и разсудити ихъ некому. Они же, совѣтовавъ, и послаша въ Троицкой монастырь къ бывшему митрополиту ростовскому Кириллу молити ево, чтобы онъ былъ на прежнемъ своемъ престолѣ въ Ростовѣ. Онъ же не презри ихъ челобитья, пріиде въ Ростовъ, а изъ Ростова приде въ Ярославль и люди Божія укрѣпляше, а которая ссора учинитца, и началники во всемъ докладываху ево». Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 120. Этому іерарху, непосредственно знакомому съ дѣлами центральной Россіи и Новгорода, пришлось потомъ занять первенствующее положеніе—и при ополченіи, и на избирательномъ соборѣ. Игуменомъ Новгородскаго Антоніева монастыря онъ присутствовалъ въ маѣ 1589 г. на московскомъ соборѣ о возвышеніи епархій (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, 99); изъ архимандритовъ Троице-Сергіева монастыря (1594—1605) посвященный въ митрополита ростовскаго и ярославскаго (18 марта 1605 г.), онъ присутствовалъ (13 апрѣля) при смерти царя Бориса Годунова, но въ апрѣлѣ 1606 г. Самозванецъ I замѣстилъ его въ Ростовѣ Филаретомъ Никитичемъ, послѣ чего онъ жилъ на покоѣ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ до возвращенія (весной 1612 г.), по просьбѣ начальниковъ ополченія и ярославцевъ, на свою каѳедру; скончался на ней 7 мая 1619 г. Прот. Діевъ, Ростовская іерархія, изд. Т. А. Титова. М., 1890; Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, 1894, № 11; Смирновъ, Патріархъ Филаретъ Никитичъ (Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, М., 1873, I, 330 и слѣд.).

выражали еще въ грамотахъ изъ Нижняго, куда съ разныхъ мѣстъ шли толпами и отрядами ратные люди и куда призывались новые. «Какъ будемъ»,—писали приглашавшіе [1]),—«всѣ верховые и понизовые города въ сходѣ, и мы всею землею совѣтъ учинимъ... и всею землею выберемъ на Московское государство государя, кого намъ Богъ дастъ». По указаніямъ пригласительныхъ грамотъ изъ Ярославля (7 апрѣля 1612 г.), письменные «совѣты» городовъ своимъ представителямъ должны были касаться прежде всего именно немедленнаго царскаго избранія, отъ котораго ставилась въ зависимость успѣшность дальнѣйшей борьбы противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, «польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь въ государствѣ вчинаютъ» [2]). Съ задачами объ избраніи до выхода ополченія изъ Ярославля согласовались желанія троицкихъ властей и широкихъ круговъ населенія имѣть скорѣе государя [3]).

Вопросъ объ избраніи царя былъ, дѣйствительно, поднятъ на соборѣ при ополченіи. Обсуждалась кандидатура шведскаго королевича Карла-Филиппа, котораго новгородцы вынуждены были признать своимъ царемъ и кандидатуру котораго на русскій престолъ теперь предлагали и поддерживали. Хотя народное чувство стремилось не къ такому кандидату, и въ призывныхъ грамотахъ изъ Ярославля шведы наравнѣ съ другими объявлялись врагами государства, однако избраніе на престолъ кого-либо изъ значительнѣйшихъ лицъ русскаго происхожденія было затруднено тѣмъ, что всѣ подобныя лица находились въ польскомъ плѣну—

---

[1]) Акты Археографической Экспедиціи, II, 250. Сборникъ документовъ, относящихся къ Нижегородскому ополченію: Памятники исторіи Нижегородскаго движенія въ эпоху Смуты и Земскаго ополченія 1611—1612 гг. (Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ, т. XI, 1912 г., здѣсь въ довольно полномъ составѣ переизданы вышедшіе до него въ печати «памятники документальные» и «памятники литературные»); наиболѣе обстоятельное послѣднее изложеніе объ этомъ ополченіи у Д. И. Иловайскаго, Исторія Россіи, IV, вып. 1: Смутное время Московскаго государства. М., 1894, гл. VI; въ послѣднее время, но въ популярной формѣ, у И. М. Катаева, Смута Московскаго государства и отраженіе ея въ Нижнемъ Новгородѣ, изд. Нижегород. Уч. Арх. Комиссіи, 1912 г., 52 и слѣд.

[2]) «И вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою Православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быти небезгосударнымъ, чтобы намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосердый Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ, чтобы во многое время, отъ такихъ находящихъ бѣдъ, безъ государя Московское государство до конца не разорилося». Акты Археографической Экспедиціи, II, 256, № 203.

[3]) Акты Археографической Экспедиціи, II, №№ 202, 194; Акты Историческіе, II, № 333; свидѣтельство Массы: Вѣстникъ Европы, 1868, I, 235.

въ Москвѣ или въ самой Польшѣ—,а окончательнаго рѣшенія не избирать царя изъ иноземцевъ тогда еще не созрѣло. Между тѣмъ необходимо было, чтобы «не помѣшали нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго государства», не воспрепятствовали идти подъ Москву; и мелькала мысль, если не о помощи со стороны шведовъ, то о томъ, чтобы выиграть время, поудержать ихъ отъ нападенія на поморскіе города и отъ другихъ дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не поставить на обсужденіе кандидатуры Карла-Филиппа, подъ условіемъ, конечно, принятія королевичемъ православія, и не завести дипломатическихъ сношеній съ Делагарди. Запросы о шведскомъ кандидатѣ были посланы по разнымъ городамъ и, не безъ намѣренія, по самымъ отдаленнымъ [1]). Делагарди усвоилъ мысль о важности не раздражать русскихъ и не мѣшать имъ наступательными дѣйствіями. Съ самомнѣніемъ о своихъ дипломатическихъ успѣхахъ онъ доносилъ (23 августа) королю: «и князь Димитрій Пожарскій, равно как нѣкоторые другіе знатные бояре, писалъ мнѣ особенно и довѣрительно, что знатнѣйшіе бояре, которые теперь находятся по всей странѣ, всѣ другъ съ другомъ соединились и согласились, что они не пожелаютъ никакого другого государя, кромѣ его великокняжеской милости». Онъ не подозрѣвалъ, что, въ противовѣсъ сему кандидату, Пожарскій воспользовался остановкой въ Ярославлѣ на пути изъ Персіи посла римскаго императора и, прося о помощи, подавалъ надежду объ избраніи на русскій престолъ кого-либо изъ членовъ

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, №№ 278—280; Археографической Экспедиціи, II, №№ 208, 210, іюнь—іюль 1612 г.; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, I, № 164, 26 іюля 1612 г.; Лѣтопись о многихъ мятежахъ, М., 1788, 248; Никонова лѣтопись, VIII, 181, 184, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, ч. 1, стр. 119 и 121; Памятники исторіи Нижегородскаго движенія, №№ 143—145. Игуменъ Соловецкаго монастыря, правда, еще въ мартѣ 1611 г. писалъ шведскому королю, что всѣ города Московскаго государства «хотятъ выбирати... царя и великого князя изъ своихъ прироженныхъ бояръ..., а иныхъ земель иновѣрцевъ никого не хотятъ» (А. Э., II, № 180). Но, если бы рѣшеніе «всѣхъ городовъ» къ тому времени дѣйствительно опредѣлилось окончательно, было бы непонятно состоявшееся въ іюнѣ 1612 г. обращеніе собора къ городамъ съ просьбой высказаться по поводу кандидатуры Карла-Филиппа. Сохранились грамоты такого содержанія въ Путивль (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, № 281), въ Тобольскъ (тамъ же, № 282); были, несомнѣнно, и въ другіе города. Листъ Соловецкаго игумена важенъ, какъ свидѣтельство народнаго настроенія не на одномъ сѣверѣ противъ шведскаго и вообще всякаго другого инороднаго кандидата; а такія грамоты, какъ въ сибирскій Тобольскъ, говорятъ о дипломатическомъ искусствѣ правительства при кн. Пожарскомъ: отвѣты на нихъ могли получиться не скоро, во всякомъ случаѣ не въ Ярославлѣ.

Габсбургскаго дома [1]), въ расчетѣ, что это побудитъ императора оказать свое примиряющее воздѣйствіе на польскаго короля.

Вопросъ объ избраніи Карла-Филиппа оставался открытымъ до выступленія ополченія изъ Ярославля. Затѣмъ, очевидно, было признано за лучшее вообще не производить избранія царя на соборѣ, состоявшемъ при ополченіи, отложить его до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Сформированіе этого собора произошло въ условіяхъ, мало обезпечивавшихъ такую полноту представительства, при которой этотъ совѣтъ былъ бы достаточно авторитетнымъ для избранія государя. И кн. Пожарскій не чувствовалъ въ это время за собою необходимой силы, чтобы руководить соборомъ при избраніи государя; въ самомъ ополченіи Пожарскому приходилось дѣйствовать очень осторожно въ виду «междоусобныхъ смутныхъ словесъ». Поддержка же неожиданно объявившагося кандидата, котораго потребовалось бы навязывать земской Россіи, вела бы только къ опаснымъ осложненіямъ и къ повторенію несчастнаго опыта царя Шуйскаго. Когда царь Василій Ивановичъ заключилъ союзъ съ Швеціей, Сигизмундъ немедля двинулся въ московскіе предѣлы, не испросивъ даже согласія и средствъ на войну у государственныхъ чиновъ. Русско-шведскій союзъ ему угрожалъ бы не только пресѣченіемъ осуществленія притязаній на восточной границѣ, но и потерею надежды на шведскую корону, между тѣмъ «въ своей личной шведской политикѣ» онъ, по признанію и польскихъ историковъ, жертвовалъ наиболѣе «жизненными интересами страны», сама же «Польша въ его рукахъ была только удобнымъ орудіемъ для шведско-католической политики» [2]). Принятіе шведской кандидатуры теперь осложняло бы враждебныя отношенія съ Сигизмундомъ при еще болѣе невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Вожди осторожно устраняли все, что̀ ослабляло религіозно-народное воодушевленіе, необходимое для успѣховъ ополченія. Призывъ изъ Нижняго посылался, вмѣстѣ съ русскими, отъ «нѣмцевъ»; ярославскія грамоты, отправляемыя по внутреннимъ областямъ, не упоминаютъ о нихъ; изъ лагеря подъ Троице-Сергіевымъ монастыремъ кн. Пожарскій прямо отказывалъ иностраннымъ офи-

---

[1]) Арсеньевскія шведскія бумаги 1611—1615 гг., 16 (Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности, 1911 г., вып. V; 1912 г., вып. VI); Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, № 15. Ср. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, II, 1004 и слѣд.

[2]) Проф. М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши. Спб. 1891, 177; Цвѣтаевъ, Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. Москва—Варшава, 1910 г., I, 28—29.

церамъ, предлагавшимъ свои услуги: полагались лишь на собственныя силы [1]). Народное движенiе непремѣнно ослабло бы, если бы обнаружилось, что оно на своихъ плечахъ несетъ иноземца. Еще неудобнѣе казалось избранiе шведа до освобожденiя столицы и выхода изъ польскаго плѣна по крайней мѣрѣ тѣхъ представителей «великихъ родовъ», которые находились въ Москвѣ. Да и вообще для избранiя каждаго кандидата на престолъ Москва, съ ея царскимъ Кремлемъ, была въ народномъ воззрѣнiи самымъ подобающимъ мѣстомъ. Сюда твердо и двинулась нижегородская рать: за время своей остановки въ Ярославлѣ она преобразовалась во внушительное ополченiе, сумѣвъ при этомъ обезпечить отъ шведовъ и отъ казацкихъ отрядовъ безпрепятственность своего наступленiя.

III.

Составъ избирательнаго земскаго собора 1613 года.

Занявъ и поочистивъ Кремль, бояринъ кн. Дмитрiй Тимоѳеевичъ Трубецкой и стольникъ князь Дмитрiй Михайловичъ Пожарскiй, стоявшiе во главѣ временнаго правительства, начали немедленно готовиться къ скорѣйшему созыву полномочнаго собора. Теперь, казалось, наступало самое удобное время для неотложнаго осуществленiя назрѣвшей у всѣхъ мысли: «безъ государя ни на малое время быть не мочно, и досталь Московскому государству быть въ разоренiи»; «не возможно намъ пребыти безъ царя ни единаго часа, по да изберемъ себѣ царя на царство».

Воеводы дѣйствовали тутъ въ согласiи со всѣми бывшими съ ними чинами государства, т.-е. съ земскимъ совѣтомъ или соборомъ, который образовался изъ совѣтовъ, состоявшихъ при ополченiяхъ; во главѣ освященнаго собора былъ попрежнему, какъ и въ Ярославлѣ, митрополитъ ростовскiй и ярославскiй Кириллъ. Если прежде оба вождя могли ссылаться только съ тѣми городами, которые примыкали къ каждому изъ

---

[1]) Собранiе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, № 285; Акты Археографической Экспедицiи, II, № 201, стр. 248; Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россiи. М., 1890 г., 32, 119, 247—248. Упоминаемые въ нижегородской грамотѣ «нѣмцы», очевидно, служилые въ Московскомъ государствѣ, жители нижегородскаго селенiя и разсѣянной смутою подмосковной Нѣмецкой слободы. Тамъ же; Акты Экспедицiи, II, стр. 246; Книга Нижегородскаго уѣзда боярскихъ, дворянскихъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ... лѣта 121 (1613 г.). (Дѣйствiя Нижегород. Уч. Арх. Ком., 1912 г., VII). Въ грамотѣ изъ Ярославля въ Новгородъ о нѣмцахъ, конечно, упоминается. Дополненiя къ Актамъ Историческимъ, I, № 164, стр. 284.

нихъ въ отдѣльности, то теперь практика созыва измѣнилась. Было положено «сослаться во всѣ города со всякими людьми отъ мала до велика», дабы «обрати на Владимерское и на Московское государство и на всѣ великія государства Россійскаго царствія государя царя и великаго князя, ково Богъ дастъ».

И вотъ черезъ гонцовъ понеслись созывныя грамоты, по выраженію оффиціальнаго повѣствованія, «въ Московское государство, въ Понизовые, и въ Поморскіе, и въ Сѣверскіе, и въ Украинные во всѣ городы». Грамоты были обращены ко всѣмъ чинамъ: освященному собору, боярамъ, дворянамъ, служилымъ, гостямъ, посадскимъ и уѣзднымъ. Высшихъ духовныхъ властей призывали «прибыть въ Москву», какъ входившихъ въ составъ освященнаго собора, по положенію; города приглашались, «учиня у себя совѣтъ и приговоръ крѣпкой», прислать «для земскаго великаго совѣту и государскаго обиранья» «по десяти человѣкъ лучшихъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей», или «по скольку пригоже», выбирая ихъ изо всѣхъ чиновъ: «изъ дворянъ, и изъ дѣтей боярскихъ, и изъ гостей, и исъ торговыхъ, и исъ посатцкихъ, и изъ уѣздныхъ людей» [1]). Выборнымъ своимъ города должны были дать «полной и крѣпкой достаточный приказъ», чтобъ отъ имени своего города и уѣзда могли они «о государственномъ дѣлѣ говорити вольно и безстрашно», и предупредить ихъ, чтобы на соборѣ они были «прямы безо всякіе хитрости».

Выборы должно было производить немедля, «мимо иныхъ всѣхъ дѣлъ». Срокомъ для съѣзда въ Москвѣ устанавливался Николинъ день осенній (6 декабря). «А то вамъ—писалось въ концѣ грамотъ—даемъ вѣдати, да и сами вы то знаете, только у насъ вскорѣ въ Московскомъ государствѣ государя не будетъ, и намъ безъ государя нисколько быть невозможно; да и въ никоторыхъ государствахъ нигдѣ безъ государя государство не стоитъ». Новгородскаго митрополита, грамота которому должна была стать извѣстной шведскому правительству, дипломатично увѣдомили (15 ноября), что когда соберется въ Москвѣ соборъ и ему будетъ извѣстно о приходѣ въ Новгородъ королевича князя Карла-Филиппа Карлусовича,

---

[1]) Въ виду неодинаковости состава населенія въ городахъ, грамотами (напр., адресованною въ Бѣлоозеро) предписывалось производить выборъ «изъ игуменовъ, и исъ протопоповъ, и исъ посадцкихъ, и изъ уѣздныхъ людей, и изъ дворцовыхъ селъ, и исъ черныхъ волостей», «и уѣздныхъ крестьянъ» (добавляла другая); или же требовали (напр., въ Осташковъ), чтобы «десять разумныхъ и надежныхъ людей» присылались «отъ поповъ, дворянъ, горожанъ и крестьянъ», живущихъ въ такомъ-то городѣ и его уѣздѣ. Акты подмосковныхъ ополченій, №№ 82, 89; Арсеньевскія тверскія бумаги, 19—20.

то къ послѣднему отправятъ пословъ съ полнымъ договоромъ о государственныхъ и о земскихъ дѣлахъ. О срокѣ созыва тутъ не упоминалось, за то оповѣстили, что «о обиранье государскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь и въ Астрахань». Упоминаніе это показываетъ, что руководили тутъ тѣ же лица, что̀ были и въ Ярославлѣ: вызывать на соборъ представителей отдаленной и неустроенной Сибири, въ глубь которой постепенно завоевательно двигались, не было въ обычаѣ; да изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ депутаты никакъ не могли бы и прибыть къ дѣйствительному сроку созыва. Оповѣщеніемъ искусно давалось какъ бы понять шведамъ, что соборъ начнется еще нескоро, и такимъ образомъ старались въ отношеніи ихъ выиграть время.

Выборные съѣзжались въ Москву исподволь, сильно запаздывая по сравненію съ указаннымъ въ грамотахъ срокомъ; по трудности сборовъ и по неудобству и опасности путей сообщенія, многіе не могли поспѣть къ нему. За первыми призывными грамотами посылались вторыя, съ требованіемъ, чтобы не медлили съ отправкою уполномоченныхъ; предписывалось снаряжать и не стѣсняясь числомъ, «сколько человѣкъ пригоже». Первые слѣды дѣятельности собора сохранились отъ января слѣдующаго 1613 года, когда онъ далеко еще не былъ въ полномъ составѣ [1]).

Говоря о составѣ соборномъ, надо отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ въ

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63; Дворцовые Разряды, I, 9—12, 34, 183; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 612; III, 1—2, 6; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, I, № 166; Акты подмосковныхъ ополченій, № 82.— Что же касается сообщенія властей новгородскому митрополиту о писаньи «въ Сибирь», то надо замѣтить, что въ сохранившейся окружной грамотѣ черезъ Пермь въ сибирскіе города князья Пожарскій и Трубецкой лишь увѣдомляли эти города о состоявшемся освобожденіи Москвы и наказывали имъ пѣть молебны со звономъ по поводу столь радостнаго событія, а о присылкѣ уполномоченныхъ на соборъ и о самомъ соборѣ ничего не говорятъ (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, № 205); не упоминается о приглашеніи изъ Сибири и въ оффиціальныхъ Дворцовыхъ Разрядахъ (I, 10).

Разсылка вызывныхъ грамотъ началась ранѣе 15 ноября 1612 года: Дополненія къ Актамъ Историческимъ, I, 294. Грамота въ Бѣлоозеро отправлена 19 ноября, доставлена быстро, 4 декабря; но къ сроку бѣлоозерцы, которымъ надобно было время еще на производство выборовъ, попасть на соборъ никакъ не могли. Второю грамотою, полученною 27 декабря, наказывалось—выборныхъ послать тотчасъ, «сроку имъ не давать нисколько». Доѣхать до Москвы они могли не ранѣе второй половины и даже конца января (Акты подмосковныхъ ополченій, 99, 107, и предисловіе, XII; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 637). Члены собора изъ болѣе дальнихъ пунктовъ и болѣе опасныхъ по пути могли прибыть еще позднѣе. Первый по времени документъ изъ дѣятельности собора—жалованная грамота кн. Трубецкому на Вагу, въ январѣ 1613 г., подъ ней 25 подписей. Приложеніе № 2 къ сочиненію И. Е. Забѣлина «Мининъ и Пожарскій». М., 1896 г., 278—283.

земскіе соборы входили: освященный соборъ, боярская дума и представители разныхъ сословій или общественныхъ группъ и слоевъ, служилыхъ и тяглыхъ. Члены освященнаго собора и боярской думы (въ силу положенія этихъ двухъ правительственныхъ учрежденій) присутствовали на соборахъ въ полномъ своемъ составѣ. Однако событія смуты не могли не отразиться на многихъ этихъ членахъ: часть была въ плѣну или неволѣ, часть попала въ подозрѣніе. Послѣдняя судьба постигла виднѣйшихъ членовъ думы. Если правительство вождей, освободившихъ Москву, явилось на соборъ безпрепятственно, то тѣхъ членовъ думы, которые впустили въ Москву польскій гарнизонъ и писали и дѣйствовали противъ Трубецкого и Пожарскаго, ожидали иныя перспективы. Менѣе знатные и болѣе скомпрометированные службой полякамъ были заключены и подвергнуты наказанію. «Знатнѣйшіе же бояре—какъ передаютъ о нихъ—выѣхали изъ Москвы и отправились въ разныя мѣста подъ предлогомъ, что хотятъ съѣздить на богомолье, но больше по той причинѣ, что къ нимъ враждебно относятся всѣ простые люди страны изъ-за поляковъ, съ которыми были за-одно, потому имъ надо нѣкоторое время не показываться, но скрыться отъ глазъ». Разсказываютъ даже, что они «были объявлены бунтовщиками» и что по городамъ наводили справки, пускать ли ихъ въ думу. Дальновидные правители, устроивъ этимъ знатнымъ лицамъ почетную встрѣчу при выходѣ изъ Кремля и оказавъ защиту отъ грабежа казаковъ, старались и потомъ поддержать ихъ въ общественномъ мнѣніи, указывая, что они терпѣли отъ поляковъ всякую тѣсноту: «были всѣ въ неволѣ, а иные и за приставы», князя Мстиславскаго «литовскіе люди били чеканы, и голова у него во многихъ мѣстахъ была избита». Какъ бы ни объяснять отъѣздъ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищами изъ Москвы, личнымъ ли желаніемъ отдыха или внѣшними побужденіями,—несомнѣнно, что они не присутствовали на первыхъ засѣданіяхъ собора и были позваны на него позднѣе, собственно для участія въ торжественномъ провозглашеніи уже избраннаго государя.

Однако изъ Москвы выѣхали не всѣ бояре. Остался, напримѣръ, бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ. Онъ тоже подписывался на грамотахъ, которыми кремлевскіе думные бояре увѣщевали (26 января 1612 г.) «православныхъ крестьянъ» отстать «отъ воровскія смуты», не идти за Пожарскимъ, а «къ великому государю нашему царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу всеа Русіи вина своя принести и покрыти нынѣшнею своею службою». Двоюродный племянникъ его, Иванъ Петровичъ Шереметевъ, сторонникъ Владислава, не пускалъ нижегородское

ополченіе въ Кострому, за что костромичи свели его съ воеводства и едва не убили. Спасенный отъ смерти кн. Пожарскимъ, онъ вступилъ въ ряды нижегородской рати; кн. Пожарскій до того убѣдился въ его благонадежности, что при выходѣ изъ Ярославля оставилъ его тамъ воеводою. Другой племянникъ Өеодора Ивановича пришелъ въ нижегородскомъ ополченіи въ Москву. И то, и другое должно было сближать Өеодора Ивановича Шереметева съ кн. Пожарскимъ. Во время осады онъ вѣдалъ въ Кремлѣ Казеннымъ дворомъ, отчетъ о состояніи котораго долженъ былъ теперь представить; со своими товарищами онъ дѣлалъ тогда, что могъ, для сбереженія регалій и нѣкоторыхъ другихъ царскихъ сокровищъ, а также для охраненія своихъ близкихъ, по женѣ, родственниковъ—старицы Марѳы Ивановны Романовой съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ (Шереметевъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Михаила Өеодоровича). Не успѣли разослать всѣхъ грамотъ съ призывомъ на соборъ, какъ онъ получилъ (25 ноября 1612 г.) отъ Трубецкого и Пожарскаго большое дворовое въ Кремлѣ мѣсто, «чтобы на томъ мѣстѣ дворъ строить». Шереметевъ такимъ образомъ занялся строительствомъ тамъ, гдѣ собирался и засѣдалъ соборъ; онъ удобно могъ быть въ курсѣ всего дѣла, а затѣмъ сталъ участвовать въ самомъ соборѣ. При обсужденіи кандидатуры Михаила Өеодоровича это обстоятельство могло имѣть свое значеніе [1]).

Такимъ образомъ въ началѣ избирательнаго собора засѣдали и дѣйствовали на немъ въ качествѣ членовъ думы преимущественно сановники ополченія во главѣ съ князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ, которые, конечно, открывали соборъ и руководили занятіями его. На заключитель-

---

[1]) Strahlenberg, Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, 204—205; Alex. Hirschberg, Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. We Lwowie, 1901, 363; Арсеньевскія шведскія бумаги 1611—1615 гг., 30; Русская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, 196, 194; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 124; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 613, II, №№ 276, 277; Акты подмосковныхъ ополченій, № 80; Ал. Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ. Спб., 1882, II, гл. XIV—XVII. На январьской грамотѣ собора Трубецкому подписи Ө. И. Шереметева еще нѣтъ. Относительно бояръ прежней думы у Страленберга: «Diesen Brief (митр. Филарета) legte der Scheremetow denen übrigen Senatoren und Generalen für, worauf denn auch alsobald resolviret wurde, zu einer neuen Wahl zu schreiten, zu welcher alle übrige, als Fürst Gallizin und andere, die sonst vor Rebellen erkläret worden, invitiret, und nach Moscow, mit Versicherung der Fergessenheit aller Feindschafft, ja des particulairen und allgemeinen Verbrechens, beruffen wurden». S. 204. Однако сомнительно, чтобы ихъ «выслали изъ Москвы» (проф. С. Ө. Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ, Жур. Мин. Нар. Просв., 1906, XII, 306): такой образъ дѣйствій относительно ихъ не былъ въ характерѣ вдумчиваго и осторожнаго кн. Пожарскаго. Какъ «высланные», кн. Мстиславскій и иные изъ его товарищей потомъ едва ли бы и поѣхали на засѣданія собора.

ныя, торжественныя засѣданія явились бояре, члены прежняго правительства, которые по своей знатности заняли въ большинствѣ случаевъ первенствующія мѣста. Князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій подписался на Утвержденной грамотѣ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича первымъ изъ свѣтскихъ сановниковъ [1]), тотчасъ послѣ невыборныхъ членовъ освященнаго собора (33-мъ), подъ нимъ подписались бояре князья Иванъ Голицынъ, Андр. Сицкой и Ив. Воротынскій. Князья-освободители заняли въ подписяхъ на одномъ экземплярѣ грамоты только 4 и 10, на другомъ даже 7 и 11 мѣста. Думныхъ чиновъ, высшихъ чиновъ придворныхъ и дьяковъ поименовано на грамотѣ всего до 84 лицъ [2]). Остальная часть свѣтскихъ невыборныхъ членовъ собора принадлежала также

---

[1]) Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳеодоровича Романова. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, первое (1904) и второе (1906). Ранѣе напечатана въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, т. V перваго изданія и т. VII второго, и въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 203. За отсутствіемъ списка членовъ собора и извѣстій о количествѣ ихъ, подписи на ней являются главнѣйшимъ, хотя и весьма несовершеннымъ, источникомъ свѣдѣній о составѣ собора.

Грамота эта была изготовлена въ двухъ экземплярахъ. Болѣе ранній повидимому (см. «Утверженная грамота», изд. 2, предисловіе, стр. 11) хранится нынѣ въ Оружейной Палатѣ; второй—въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ обоихъ подписи раздѣлены незаполненными промежутками на 4 отдѣла: 1) чины освященнаго собора и думные; 2) придворные; 3) остальные невыборные; 4) выборные члены. Послѣдовательность въ распредѣленіи подписей между отдѣлами не всегда выдержана. Вслѣдствіе того, что рукоприкладчикъ часто подписывался не только за себя, но и за другихъ лицъ, по порученію, число поименованныхъ въ рукоприкладствахъ лицъ больше числа рукоприкладствъ: по нашему исчисленію, 238 подписей перваго экземпляра даютъ 256 именъ; 235 второго—272 имени. Именъ, встрѣчающихся одинаково въ томъ и другомъ,—265. Всего именъ на обоихъ экземплярахъ—283, со скрѣпою думнаго дьяка П. Третьякова—284. Эта цифра не совпадаетъ съ подсчетами предыдущихъ изслѣдователей (проф. Платонова, Аваліани и др.). Грамота была составлена мѣсяца два спустя послѣ совершившагося факта, подписи собирались еще дольше; кромѣ того, не всѣ участники избранія могли дать свои подписи, а съ другой стороны—давали подписи лица, не бывшія на соборѣ въ періодъ избранія.

[2]) Именно: 11 бояръ, 7 окольничихъ, 54 высшихъ придворныхъ чиновъ, не менѣе 11 дьяковъ, изъ нихъ 1 думный. При этомъ подсчетѣ имѣется въ виду званіе, какое носили подписавшіеся въ періодъ царскаго избранія, а не въ моментъ подписанія грамоты. Изъ окольничихъ кн. Григор. Петров. Ромодановскій и Бор. Мих. Салтыковъ подписались на грамотѣ уже послѣ полученія боярства, Мих. Мих. Салтыковъ—послѣ полученія званія крайчаго. Въ числѣ подписавшихся на грамотѣ высшихъ придворныхъ чиновъ насчитывается 1 чашникъ, 34 стольника, 19 стряпчихъ. Изъ стольниковъ кн. Дм. Мих. Пожарскій и кн. Ив. Бор. Черкасскій подписались послѣ полученія боярства. Также уже бояриномъ подписался князь Ив. Андр. Хованскій, и число высшихъ придворныхъ чиновъ во время царскаго избранія увеличивается съ нимъ еще на 1. Степанъ Милюковъ, подписавшійся стряпчимъ, во время царскаго избранія не носилъ еще этого званія. Нѣкоторые изъ рукоприкладчиковъ подписались безъ обозначенія званія; напр., стольники кн. Ив. Катыревъ-Ростовскій и кн. Ив. Буйносовъ,

къ верхнимъ слоямъ служилаго сословія. Среди невыборныхъ членовъ находилось не мало лицъ, имѣвшихъ родственныя связи съ Романовыми: кромѣ Ѳ. И. Шереметева,—Салтыковы, князья Сицкіе, князья Черкасскіе, кн. Ив. Катыревъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Львовъ и другіе.

Событія Смутнаго времени выдвинули моральное значеніе освященнаго собора: русскіе члены его неуклонно ратовали за православно-русскія начала. Послѣ мученической смерти Гермогена патріаршій престолъ оставался свободнымъ; митрополитъ ростовскій Филаретъ и архіепископъ смоленскій Сергій томились съ кн. Вас. Вас. Голицынымъ, Шеинымъ и товарищами въ польскомъ плѣну, новгородскаго митрополита связывала шведская власть. Во главѣ освященнаго собора стоялъ прежній его предсѣдатель, митрополитъ Кириллъ, который удерживалъ долгое время первенство и былъ единственнымъ изъ митрополитовъ какъ въ выборныхъ соборныхъ засѣданіяхъ, такъ и во время посольства къ Михаилу Ѳеодоровичу съ приглашеніемъ на царство. На встрѣчу и коронованіе пріѣхалъ митрополитъ казанскій Ефремъ, преемникъ Гермогена, считавшійся во главѣ духовной іерархіи; онъ занялъ въ освященномъ соборѣ первенствующее мѣсто и на Утвержденной грамотѣ подписался первымъ. По своемъ прибытіи въ Москву онъ посвятилъ въ митрополита сарскаго и подонскаго Іону, который потомъ управлялъ русскою церковью до возвращенія Филарета Никитича. На Утвержденной грамотѣ подписались всѣ три митрополита [1]). За ними слѣдовали трое архіепископовъ—въ томъ числѣ рязанскій Ѳеодоритъ,—двое епископовъ, архимандриты, игумены, келари. Отъ московскихъ обителей присутствовали настоятели пяти мо-

---

стряпчій—Дементій Погожевъ, всѣ дьяки, кромѣ Петра Третьякова и Сыдавноя Васильева. Ко времени избранія царя думнымъ дьякомъ былъ изъ этихъ двухъ лишь послѣдній. См. Авалiани, Земскіе соборы, ч. II, стр. 81 и 82.

[1]) На жалованной грамотѣ земскаго собора кн. Трубецкому на Вагу въ январѣ 1613 года митрополитъ Кириллъ подписался первымъ, и другихъ митрополичьихъ подписей на ней нѣтъ (у Забѣлина, № II, стр. 282). Грамота собора, отправленная къ избранному Михаилу Ѳеодоровичу въ мартѣ, начинается: «Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Россіи богомольцы твои государевы: ростовскій митрополитъ Кириллъ, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и холопы твои: бояре, и окольничіе...» Онъ одинъ изъ митрополитовъ обозначался и въ перепискѣ между соборомъ и послами и въ царской грамотѣ съ увѣдомленіемъ о днѣ пріѣзда въ Москву. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, №№ 2—6; Дворцовые Разряды, I, 18, 24, 32, 35, 1185, 1191, 1195, 1209, 1214 и др. Митрополитъ Ефремъ былъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, когда государь останавливался въ ней на пути въ Москву, 27 апрѣля. Дворцовые Разряды, I, 1199. Іона былъ поставленъ въ митрополита вскорѣ послѣ 24 мая 1613 г. Преосвященный Макарій, Исторія русской церкви, т. X, Спб., 1881, 169.

настырей, при чемъ отъ Кремлевскаго Чудова монастыря, гдѣ скончался Гермогенъ, былъ, кромѣ архимандрита, и келарь. Троицко-Сергіеву лавру представляли сначала оба знаменитые ея дѣятели, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, который потомъ замѣстилъ Діонисія и на грамотѣ подписался одинъ; изъ Костромского Ипатьевскаго монастыря присутствовалъ архимандритъ Кириллъ. Всего членовъ освященнаго собора по іерархическому положенію насчитывалось 32. Многіе города въ числѣ своихъ выборныхъ прислали лицъ духовнаго званія, протопоповъ и поповъ мѣстныхъ церквей и настоятелей монастырей.

Изъ невыборной, должностной части земскаго собора поименовано въ рукоприкладствахъ вообще 171 лицо. Это число, вѣроятно, довольно близко къ дѣйствительности: нѣтъ основанія думать, чтобы не дала своихъ подписей значительная часть невыборныхъ членовъ.

Выборныхъ свѣтскихъ членовъ собора поименовано въ рукоприкладствахъ 87. Несомнѣнно, ихъ было значительно больше [1]). Среди нихъ численно преобладали лица, принадлежавшія къ среднимъ слоямъ служилаго класса, и посадскіе люди, были также дворцовые и черные крестьяне, приборные люди и даже представители восточныхъ инородцевъ [2]). Что касается территоріальнаго распредѣленія выборныхъ, то, какъ видно изъ грамоты, они явились не менѣе, чѣмъ отъ 46 городовъ. Особенно полно было представлено Замосковье, въ частности его главная, сѣверо-восточная часть. Это обстоятельство легко объясняется размѣрами замосковной территоріи, обиліемъ городовъ на ней, ближайшимъ участіемъ городовъ, именно ея сѣверо-восточной части въ предшествующихъ мѣропріятіяхъ по возстановленію государственнаго порядка и, наконецъ, тѣмъ, что въ предѣлахъ Замосковья былъ самый соборъ.

---

[1]) Несоотвѣтствіе числа именъ дѣйствительному числу членовъ собора объясняется главнымъ образомъ практиковавшимся при подписаніи грамоты замѣстительствомъ: подписываясь за другихъ выборныхъ отъ того же города и уѣзда, рукоприкладчикъ обыкновенно не поименовывалъ ихъ, а ограничивался общимъ указаніемъ, что подписывается «и въ товарищовъ своихъ, выборныхъ людей, мѣсто», иногда онъ подписывался за представителей другого города. Прибавимъ, что и изъ числа поименованныхъ въ рукоприкладствахъ выборныхъ общественное и служебное положеніе многихъ остается неизвѣстнымъ.

[2]) Среди извѣстныхъ намъ по своему общественному положенію выборныхъ (свѣтскихъ и духовныхъ) представители среднихъ слоевъ служилаго класса составляютъ 50% (42 изъ 84), духовныя лица—болѣе 30% (26); въ несравненно меньшемъ числѣ извѣстны поименно выборные изъ посадскихъ (7) и приборныхъ (5) людей. Но относительно посадскихъ въ самихъ же рукоприкладствахъ находятся указанія на то, что они присутствовали въ качествѣ выборныхъ отъ многихъ городовъ. Изъ представителей крестьянства поименно не названъ никто.

Дѣятельное участіе, принимавшееся въ событіяхъ городами Поморскаго края, заставляетъ предполагать, что и этотъ край былъ хорошо представленъ на соборѣ; отсутствіе на соборной грамотѣ подписей выборныхъ, кромѣ одного, отъ городовъ этого края приходится всецѣло отнести на счетъ неполноты, съ какой вообще отразилось въ рукоприкладствахъ выборное представительство. Зато изъ земель, тянувшихъ къ Поморью, представители Вятки извѣстны поименно въ числѣ четырехъ.

На второмъ мѣстѣ по числу названныхъ въ рукоприкладствахъ именъ стоитъ область Украинныхъ городовъ, изъ которыхъ Калугою былъ присланъ, между прочимъ, Смирной-Судовщиковъ, съ дѣятельностью котораго намъ придется встрѣтиться. Затѣмъ идутъ остальныя области, примыкавшія къ Замосковью съ юга: Заоцкіе города, Рязанскій край, а также юго-востока—Низъ, съ его прежней татарской столицей Казанью; прислалъ своихъ выборныхъ и дальній югъ: Сѣвера и Поле, въ частности, изъ другого источника, узнаемъ объ энергичномъ представителѣ «славнаго Дона». Въ крайне неблагопріятномъ положеніи въ отношеніи возможности принять участіе въ соборѣ находились въ то время, конечно, города, отъ украинъ Нѣмецкой и Литовской, которые, судя по рукоприкладствамъ, были представлены дѣйствительно всего слабѣе; все же и они участвовали въ дѣлѣ соборнаго избранія государя[1]).

---

[1]) Въ рукоприкладствахъ поименованы: 38 выборныхъ отъ 15 замосковныхъ городовъ, 16 выборныхъ отъ 7 украинскихъ городовъ, 13 выборныхъ отъ 5 заоцкихъ городовъ, 10 выборныхъ отъ 3 городовъ Рязанскаго края, 12 выборныхъ отъ 5 городовъ Низа, 9 выборныхъ отъ 2 городовъ Сѣверы, 4 выборныхъ отъ 4 городовъ Поля. Въ число выборныхъ отъ городовъ Низа включаемъ 4 татарскихъ «князей», они дали рукоприкладства на татарскомъ языкѣ. Одинъ изъ нихъ—Василій мирза, очевидно, христіанинъ.

Кто этотъ «Василій мирза», видно изъ его прошенія, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи: «Царю, государю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой государевъ Кадомскаго уѣзду татаринъ Васка мурза Черментѣевъ. Милосердый государь царь и великій князь Михайла Өедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня, холопа своего за мое службишка и за радѣня, что я, холопъ твой, присланъ къ Москвѣ для царского обиранія; и я, холопъ твой, билъ челомъ тебѣ, государю, о грамотѣхъ, и ты, государь, меня, холопа своего, пожаловалъ, велѣлъ свою царскіе грамоты дать. Милосердый государь, пожалуй меня холопа своего, не вели печатной пошлины на мнѣ, холопѣ своемъ, взяти, что я, холопъ твой, государь, разоренъ до основанія. Царь государь и великій князь Михайла Өедоровичъ всея Русіи смилуйся, пожалуй». П о м ѣ т а: «Государь пожаловалъ, пошлинъ зъ грамотъ имати не велѣлъ, потому—сидитъ у государева дѣла въ Посольскомъ приказѣ у татарского переводу. Думной діакъ Петръ Третьяковъ» (Преображенскаго приказа, столб. № 1, л. 56, даты на документѣ нѣтъ). Этого мурзу Черментѣева встрѣчаемъ, по документамъ Архива, также въ качествѣ кадомскаго помѣщика, отыскивающаго бѣглыхъ крѣпостныхъ. «Лѣта 7133 (1625) г. марта въ 11 день, послана государева грамота въ Кадомъ къ воеводѣ по челобитью кадомсково Василія мурзы Чермонтѣева

Въ общемъ, на соборѣ 1613 года его невыборными и выборными участниками были представлены всѣ крупныя группы населенія Московскаго государства, кромѣ частновладѣльческаго крестьянства[1]) и холоповъ.

на бѣглыхъ людей на Ивашка Иванова да на жонокъ на Окульку да на Ненилку, судъ велѣно дать. Пошлинъ полполтины взято» (Печатной конторы пошлинная книга, № 8, л. 675). Первая его челобитная показываетъ, что инородцы участвовали въ избирательномъ соборѣ, чѣмъ отвергается распространенное въ наукѣ положеніе, что они дали только подписи на грамотѣ, на соборѣ же не были.

На Утвержденной грамотѣ объ избраніи этотъ мирза подписался, на одномъ ея экземплярѣ (какъ читаемъ въ переводѣ, по нашей просьбѣ вновь сдѣланномъ теперь, при участіи проф. Ѳ. Е. Корша, преподавателями татарскаго языка въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ): «За выборныхъ своихъ товарищей отъ крѣпости (города) Тюмени и отъ крѣпости (города) Кадыма я, Василій мирза, руку приложилъ»; или на другомъ экземплярѣ: «За кадомскихъ (?)... симбирскихъ (? *вопросы переводчиковъ*) людей (я), Василій мирза, руку приложилъ». Подъ Тюменью, очевидно, слѣдуетъ разумѣть одинъ изъ укрѣпленныхъ городовъ, на нижней оборонительной линіи, къ которой принадлежалъ и Кадомъ. Поэтому, хотя въ указанной выше извѣстительной грамотѣ къ новгородскому митрополиту и говорилось о писаньи «въ Сибирь», рукоприкладство это мирзы Василія «за городъ Тюмень» и «за Симбирскихъ (Тюменскихъ?) людей» (по прежнему переводу, въ примѣчаніяхъ къ Утвержденной грамотѣ въ издан. Общества, 88, 90) не можетъ, вопреки высказанному нами прежде мнѣнію, служить свидѣтельствомъ о представительствѣ на соборѣ Сибири, въ частности Тюмени.

Изъ выборныхъ съ Поморья свое имя оставилъ на грамотѣ только одинъ «з Двины Антоньева монастыря Сійскаго выборный игуменъ Іона», засвидѣтельствовавшій, правда, въ своемъ рукоприкладствѣ присутствіе и другихъ выборныхъ съ Поморья. Изъ земель, тянувшихъ къ Поморью, сравнительно хорошо отразилось представительство Вятки (4) и вовсе не отразилось представительство Перми. Изъ городовъ отъ Нѣмецкой украины были представлены лишь два города, лежавшіе въ юго-западномъ углу того района, Торжокъ и Осташковъ. Изъ городовъ отъ Литовской украины удостовѣрено присутствіе выборныхъ отъ Вязьмы и отъ Торопца; о выборныхъ отъ послѣдняго узнаемъ не изъ грамоты, а изъ другого источника—изъ сообщеній о плѣненныхъ Гонсѣвскимъ пословъ отъ Торопца (Археографическій сборникъ. Вильна, 1870, VII, № 48, стр. 73).— Въ перечнѣ, дѣлаемомъ П. Г. Васенкомъ (прим. 27 къ гл. VI, «Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова». Спб. 1913), городовъ, присутствіе выборныхъ отъ которыхъ удостовѣрено подписями на грамотѣ, означено 43 города; не упомянуты еще Старица, Кадомъ и Тюмень.

[1]) Среди выборныхъ отъ 12 городовъ засвидѣтельствовано въ рукоприкладствахъ присутствіе «уѣздныхъ людей». Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ послѣднихъ не названъ по имени. «Уѣздные люди» явились на соборъ почти изо всѣхъ областей государства; нѣтъ только указаній на прибытіе ихъ съ Нѣмецкой и Литовской украинъ и съ Низа. Въ «уѣздные люди» съ Поморья входили, конечно, и крестьяне дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, выборные отъ которыхъ прямо призывались на соборъ боярскою грамотою бѣлозерскому воеводѣ (Акты подмосковныхъ ополченій, 99). Однако, основаніемъ къ положенію о призывѣ на соборъ вообще крестьянъ не могутъ, по нашему мнѣнію, служить вторая грамота на Бѣлоозеро (тамъ же, 107), гдѣ подразумѣваются прежде названные крестьяне, и грамота въ Осташковъ (Арсеньевскія шведскія бумаги, 19), какъ переводная, гдѣ нѣтъ точности въ выраженіяхъ, напр., вмѣсто «уѣздъ» стоитъ въ ней «округъ» и т. п. (См. выше, 14, примѣч.) Извѣстно, что нѣкоторые изслѣдователи (напр., В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи. М., 1908, III, стр. 246)

Въ территоріальномъ же отношеніи представительство на немъ выступаетъ передъ нами еще болѣе полнымъ, если принять во вниманіе, изъ какихъ городовъ явились на соборъ духовныя лица, присутствовавшія тутъ въ силу служебнаго положенія, а не по выбору: тогда къ вышеуказанному числу городовъ (46), несомнѣнно представленныхъ на соборѣ, слѣдуетъ присоединить еще не менѣе 13, не считая столицы. Если города въ общемъ слѣдовали указанной въ пригласительныхъ грамотахъ нормѣ относительно числа выборныхъ и если даже выборныхъ прислали лишь около 46 городовъ, то число всѣхъ членовъ собора превышало 600.

Такъ, несмотря на спѣшность, съ которою пришлось производить выборы, и на затрудненія при съѣздѣ членовъ въ столицу, соборъ 1613 года былъ по своему составу полнымъ. При этомъ ясно на немъ обрисовываются средніе классы населенія, далекіе отъ олигархическихъ или чужеземныхъ тенденцій верхняго слоя и отъ стремленій своевольной казатчины, ясно на немъ отраженіе широкаго движенія земщины на защиту и возстановленіе русской государственности.

IV.

Ходъ и характеръ избирательныхъ занятій собора. Рѣшеніе вопроса объ иноземныхъ кандидатахъ и о сынѣ Марины.

Открытію избирательныхъ засѣданій собора предшествовали молитва въ Кремлевскомъ Успенскомъ храмѣ и трехдневный строгій постъ. Постились не только члены собора и москвичи, но, какъ свидѣтельствуетъ Авраамій Палицынъ, «по всей Россіи всѣ православные христіане», по крайней мѣрѣ, жители тѣхъ городовъ, до которыхъ дошло приглашеніе освященнаго собора, старавшагося, для успѣшнаго завершенія дѣла, прежде всего поднять душевное настроеніе, возбудить высшія духовныя свойства.

Надо хотя на короткое время перенестись мыслью въ ту эпоху и обстановку, вдуматься въ тогдашнія политическія, соціальныя и личныя воззрѣнія и интересы и въ тяжелое политическое и экономическое поло-

---

разумѣютъ подъ «уѣздными людьми», явившимися отъ мѣстностей, гдѣ чернаго крестьянства не было, частновладѣльческихъ крестьянъ. Но нельзя не признать, что присутствіе на соборѣ 1613 года представителей частновладѣльческаго крестьянства мало соотвѣтствовало бы общему тогдашнему положенію этого крестьянства и являлось бы рѣзкимъ отличіемъ собора 1613 года отъ послѣдующихъ земскихъ соборовъ, на которыхъ представителей владѣльческаго крестьянства, несомнѣнно, уже не было.

женіе страны, чтобы понять и почувствовать важность и трудность предстоявшаго дѣла и тѣ чувства, что̀ переживали лица, которымъ предстояло осуществить его.

При всей общности желанія имѣть возможно скорѣе царя, который въ народномъ сознаніи являлся бы символомъ государственности и залогомъ и обезпеченіемъ внутренняго умиротворенія и внѣшней безопасности, избраніе встрѣчало большія трудности. Какъ ни «наказалися» русскіе люди бѣдствіями и розныю смуты, они пришли пока «въ соединеніе» лишь на почвѣ сознанной необходимости немедленнаго избранія царя именно совѣтомъ всей земли. Однако ни относительно своихъ частныхъ цѣлей, ни личности избранника они еще не сговорились. Акты, начиная съ Бориса Годунова и перваго Самозванца, не создали царствующей династіи, а вмѣстѣ съ нею и умиротворенія. Избранію сулилась прочность, если оно возстановитъ династію въ согласіи съ лучшими преданіями, соотвѣтственно съ русскимъ идеаломъ царя и съ основными началами народной жизни. Служа тяжелымъ искусомъ началамъ русскаго государственнаго строя и обнаруживая ихъ непреодолимую жизненность. Смутное время дало также широкій просторъ къ проявленію разныхъ теченій и интересовъ. Объявлявшіеся претенденты на престолъ искали себѣ почвы, подъ личиной государственности, именно въ этихъ теченіяхъ и интересахъ, иные изъ нихъ имѣли опору внѣ страны. Бурныя волны народной жизни многихъ изъ нихъ унесли и потопили въ своихъ глубинахъ; но текущая дѣйствительность создавала и новыхъ кандидатовъ; на окраинныхъ областяхъ продолжали еще стоять претенденты, опиравшіеся на шведское и польское оружіе, на таборы и толпы казаковъ и всякой вольницы. За кандидатами стояли не одни личные интересы ихъ и приверженцевъ: продолжали еще дѣйствовать непримиримыя между собою воззрѣнія на желательный характеръ общегосударственнаго управленія, неугасшая борьба между ними.

Цѣлый рядъ свидѣтельствъ, своихъ и чужихъ, кратко, но ярко говоритъ о разногласіяхъ и о силѣ и продолжительности преній, возникшихъ на соборѣ, когда «начаша избирати государя». «Многое было волненіе людямъ», записалъ лѣтописецъ: «койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коего говоряше». «Не возмогоша вси на одинаго согласитися»,— читаемъ въ другомъ спискѣ,—«овіи глаголаху того, иніи же иного, и всѣ разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша немалые дни». Лицо, родственное будущему царю, участникъ собора, разсказываетъ: «собирашася людіе ото всѣхъ градовъ во царствую-

щій градъ Москву и ту совѣтують, да изберетца царь на царство; и тако бысть по многіе дни собраніе людемъ, дѣла же толикія вещи утвердити не возмогутъ. Во единый же день снидошася вси людіе въ сонмъ едину по обычаю своему, и начаша сѣтовати, и завѣщаніе полагають, да не отступятъ отъ мѣста сего, прежде даже не изберетца царь Московскому царству»... Даже свидѣтельства правительственнаго происхожденія, старавшіяся изобразить избраніе дѣломъ согласнаго, единомышленнаго совѣта, не умалчиваютъ, что избранію предшествовали продолжительныя совѣщанія. Въ грамотѣ собора къ Михаилу Θеодоровичу съ убѣжденіемъ изъявить свое согласіе на избраніе и въ наказѣ посламъ къ нему читаемъ, что, съѣхавшись въ Москву, «изъ городовъ власти и выборные люди лучшіе» «о государевомъ обираньѣ мыслили многое время». То же подтверждали извѣстительныя грамоты собора по городамъ объ избраніи государя: «о томъ, кому благоволитъ Богъ... государемъ, царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи быти, многіе соборы у насъ были». «И по многіе дни на соборѣ изо всѣхъ городовъ всего Россійскаго царствія всякіе люди не обинуяся говорили»,—сообщала Утвержденная грамота объ избраніи Михаила Θеодоровича [1]). Сторонними свидѣтельствами отмѣчалась борьба между нѣкоторыми кандидатами, и въ особенности рознь между боярами и простыми классами во взглядѣ на пригодность иностранныхъ претендентовъ.

Первыми на обсужденіе были внесены кандидатуры королевичей Владислава и Карла-Филиппа: съ этими претендентами связывали прежнія обѣщанія, и войска ихъ, казалось, готовы были къ дальнѣйшимъ движеніямъ; относительно Карла-Филиппа ждали въ Швеціи чуть не прямого приглашенія, торжественнаго посольства.

Раньше къ нимъ оказывали склонность знатные, родовитые люди. И теперь «восхотѣша начальницы паки себѣ царя изъ иновѣрныхъ», говоритъ одно лѣтописное извѣстіе. Разные агенты польской и шведской политики поддерживали въ своихъ правительствахъ мысль о готовности русской знати держаться этихъ кандидатовъ; увѣряли, будто «особенно

---

[1]) Авраамій Палицынъ, Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М., 1822 г., 289—290; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 129; Временникъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, XVII, 161; Русская Историческая Библіотека, XIII, 618, 1233—1234; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 6; Дворцовые Разряды, I, 20, 48—49, ср. стр. 65 примѣч.; Утвержденная грамота въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 612, въ изданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 43.

князь Пожарскій открыто говорилъ въ Москвѣ боярамъ, казакамъ и земскимъ чинамъ», что «надо взять великаго князя изъ чужихъ государей и государствъ, кого угодно будетъ Богу»; вѣстники шведскіе увѣряли о готовности бояръ взять брата шведскаго короля, польскіе—королевича Владислава. Но уже одна эта рѣшительность извѣстій объ «открытыхъ» рѣчахъ и ихъ противорѣчіе показываютъ, что со стороны русскихъ руководителей политики имѣлось тутъ болѣе всего въ виду задерживать, ослаблять враждебныя движенія съ западной границы.

Невыгоды шведской кандидатуры, несмотря на ея вынужденную поддержку покоренными новгородцами, достаточно выяснились еще при обсужденіи ея соборомъ въ Ярославлѣ. Новаго въ пользу Карла-Филиппа ничего не прибавилось; напротивъ, теперь отстраненіе его было менѣе опасно: народное земское ополченіе, не остановленное Швеціей, выполнило свою задачу освобожденія Москвы отъ поляковъ; въ Москвѣ засѣдали представители всей земли. Но важность успокоиванія Швеціи и въ дальнѣйшемъ сохранялась. Эта точка зрѣнія была выдержана при отправленіи извѣстной грамоты новгородскому митрополиту; а новгородскому, въ сущности Делагардіеву, послу Богдану Дубровскому, который выѣхалъ изъ Москвы въ половинѣ декабря 1612 года, былъ данъ до того искусный отвѣтъ, что Делагарди донесъ (13 января 1613 г.) въ Стокгольмъ: «Бояре предписали въ это время созывъ собора въ Москвѣ для выбора великаго князя, и всѣ они будутъ желать его княжескую милость герцога Карла-Филиппа и потому хотятъ обсудить, кого отправить послами навстрѣчу его княжеской милости, если его княжеская милость сюда затѣмъ пріѣдетъ, потому что они откровенно сказали, что должны добиться мира и помощи съ этой стороны, такъ какъ не могутъ держаться противъ войскъ и Швеціи, и Польши сразу». Со словъ «двухъ знатныхъ русскихъ купцовъ» тотъ же Делагарди близоруко доносилъ потомъ: казаки избрали Михаила Ѳеодоровича Романова, бояре отклоняли это на соборѣ, самъ Михаилъ не пожелалъ принять предложенія, «и такъ бояре съ другими земскими чинами согласились, что они съ бывшими у нихъ раньше туземными государями и великими князьями не имѣли никакого счастья и мира, и еще менѣе вѣроятія, что врожденная ихъ рознь здѣсь въ странѣ теперь можетъ успокоиться», «почему они всѣ на бывшемъ у нихъ собраніи рѣшили, что они будутъ просить великаго князя изъ чужого государства и королевскаго рода», и какъ герцогъ Карлъ-Филиппъ прибудетъ въ Новгородъ, «они признаютъ его и окажутъ ему подобающія честь, повиновеніе и службу».

Время московскими людьми было, однако, выиграно. Король Густавъ-

Адольфъ въ инструкціи (1614 г.) своимъ уполномоченнымъ для переговоровъ о заключеніи мира досадливо предписывалъ выразить укоръ русскимъ, что, когда онъ, по ихъ просьбѣ, далъ своего возлюбленнаго брата «въ цари и великіе князья всего Русскаго государства и въ этихъ видахъ послалъ его, сдѣлавъ огромные расходы, въ пограничную крѣпость Выборгъ и когда его милость Карлъ-Филиппъ прибылъ туда, то оказалось, что московскіе и владимірскіе люди не только отступили отъ договора и соглашенія», но «и намѣтили (избрали) себѣ другого великаго князя... и вообще дѣйствовали противъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ открытые враги». На заявленіе, согласно съ этой инструкціей, шведскихъ комиссаровъ о томъ, что-де за королевичемъ не только Новгородъ съ пригородами, но что онъ избранъ на все Московское государство, русскіе послы сердито отвѣчали (5 января 1616 г.): «У насъ теперь царемъ Михаилъ Өеодоровичъ, и вамъ бы непригожія слова о королевичѣ Филиппѣ оставить, а мы о немъ и слушать не хотимъ; вы Новгородъ взяли обманомъ: ты, Яковъ (Делагарди), на чемъ крестъ цѣловалъ Новгороду, ничего не исполнилъ; бояре королевича не выбирали, а если и было какое письмо къ вамъ отъ кого-нибудь безъ совѣту всей земли, то ему вѣрить было нечего». О шведской кандидатурѣ теперь можно было открыто высказать то, что прежде дипломатически скрывалось.

Еще рѣзче ко времени избирательнаго собора измѣнились обстоятельства и настроеніе относительно польско-литовскаго кандидата. То, что Сигизмундъ поставилъ себя на мѣсто Владислава, освободило русскихъ отъ прежней присяги; издѣвательства на Варшавскомъ общегосударственномъ сеймѣ (осенью 1611 г.) надъ родовитыми царемъ и князьями Шуйскими и надъ славными защитниками Смоленска и поступокъ съ именитыми послами нравственно должны были коробить самихъ бояръ; прежде Сигизмундъ въ обращеніяхъ къ смольнянамъ и вообще къ русскимъ говорилъ о защитѣ имъ православной вѣры и о своемъ благоволеніи къ нимъ; но на Варшавскомъ сеймѣ онъ всенародно раскрылъ свои подлинные политическіе и религіозные планы, цѣли и воззрѣнія относительно Московскаго царства; а коронный подканцлеръ Крыскій восклицалъ: Далеко заходило копыто польскаго коня; «нынѣ и столица занята, и въ государствѣ нѣтъ такого угла, гдѣ бы польское рыцарство и воинъ великаго княжества Литовскаго коня своего не кормилъ и гдѣ бы руки своей не обагрилъ кровью наслѣдственнаго врага». Дѣйствія польско-литовскихъ отрядовъ и по провинціямъ, и въ Кремлѣ хорошо подтверждали это. Сигизмундъ теперь ничего не могъ сказать пріятнаго и пріемлемаго, что вызвало бы

довѣріе къ нему. Напрасно онъ повелъ было (осенью 1612 г.) самъ къ Москвѣ Владислава, снимая этимъ свою кандидатуру. «Прибытіе Владислава далеко не походило на въѣздъ монарха въ свою имперію... Народъ, вмѣсто того, чтобы выходить къ нему навстрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя преграждали ему путь; уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ нимъ переговоры»,— говоритъ католическій писатель (о. Пирлингъ). «Ни одинъ городъ не сдавался, ни одинъ русскій человѣкъ не пріѣзжалъ въ станъ бить челомъ королевичу»,—пишетъ русскій историкъ (С. М. Соловьевъ).

Для тѣхъ, кто освободилъ Москву отъ поляковъ и оттѣснилъ Сигизмунда съ Владиславомъ, было совершенно неестественно сажать королевича на московскій престолъ. «Начальники», члены собора, совершившіе этотъ патріотическій подвигъ, не могли потомъ ожидать отъ Владислава благодарности за это; къ тому же, въ своемъ цѣломъ они не отличались такой родовитостью, какъ представители той знати, которые на соборѣ еще не присутствовали, да и эти, на себѣ испытавъ въ осажденномъ Кремлѣ свойства «польской вольности», многое увидѣли и поняли, чего не знали прежде. Когда Жолкѣвскій свергалъ Шуйскаго и велъ кандидатуру Владислава, онъ дѣйствовалъ подкупами, обѣщаніями и черезъ тайныхъ агентовъ; были ли теперь подкупы и «письма съ универсалами» (прокламаціи), неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, шансы Владислава могли быть еще слабѣе Карла-Филиппа. Не безъ причины и лѣтописецъ «хотѣніе начальниковъ» найти себѣ «царя изъ иновѣрныхъ» сблизилъ именно съ шведскими переговорами, а не съ притязаніями поляковъ.

На соборѣ и ранѣе, до его засѣданій, голоса, особенно «громкій» голосъ кн. Пожарскаго, объ иноземныхъ кандидатахъ, думается намъ, раздавались больше по внѣшне политическимъ цѣлямъ; и даже тѣ, кто, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, и желалъ бы такой кандидатуры, должны были подчиниться дѣйствительной силѣ, которая рѣшительно была противъ. Вѣстники въ шведскую и польскую сторону, какъ ни старались сказать тамъ пріятное, не скрывали, что бояре въ этомъ дѣлѣ боялись низшихъ слоевъ населенія, а больше всего казаковъ. «Народы и ратніи не восхотѣша сему быти», подтверждаетъ и русскій лѣтописецъ. Земское ополченіе и служило-казацкая рать, вынесшія на своихъ плечахъ освобожденіе столицы, проникнуты были національнымъ чувствомъ, нелюбовью къ иноземному; религіозно-патріотическія чувства одушевляли освященный соборъ и представителей городовъ и уѣздовъ. Заявленія членовъ собора, принадле-

жавшихъ къ общественному слою, столь ослабленному и пострадавшему въ предшествующую пору, если даже допустить долю убѣжденности въ этихъ заявленіяхъ, не могли надолго задержать рѣшенія остального контингента членовъ земскаго собора, чувствовавшаго за собой въ данномъ вопросѣ поддержку военныхъ силъ и расположеніе населенія. Всѣмъ было присуще основное желаніе, чтобы «православная вѣра была нерушима попрежнему и сіяла бы во всю вселенную, какъ солнце пресвѣтлое подъ небомъ»; православіе сливалось, отожествлялось въ понятіяхъ съ русскою народностью. Въ событіяхъ смуты достаточно видѣли примѣровъ вреда отъ иновѣрія и иноземнаго; тому и другому не было на русскомъ престолѣ теперь мѣста[1]).

Если широкіе круги земщины и казачества дружно отрицали иностранную кандидатуру, то стоявшая близко къ ней кандидатура «Марин-

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63; Hirschberg, 363; Арсеньевскія шведскія бумаги, №№ 3, 9 и стр. 41; Археологическій сборникъ, VII, 73; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. Общественной пользы, II, т. IX, столб. 1117; наше изслѣдованіе—Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ, т. I, гл. I и III.—Надо замѣтить, что польскія и шведскія данныя по дѣлу избранія основаны на показаніяхъ русскихъ людей, которые сообщали свѣдѣнія, въ большинствѣ неточныя и запутанныя хронологически и фактически. Торопчане, напримѣръ, ввели Гонсѣвскаго въ заблужденіе о личности избираемаго; Калитинъ въ февралѣ 1614 г. завѣрялъ шведовъ, что Михаилъ Өеодоровичъ «еще не коронованъ, потому что земскіе чины еще не пришли въ соглашеніе», подобный характеръ имѣютъ сообщенія и о словахъ бояръ въ пользу королевичей. Нельзя объяснить это одною неосвѣдомленностью русскихъ: въ ихъ словахъ болѣе проглядываетъ то же намѣреніе, которое руководило Сусанинымъ. Въ грамотѣ собора, отправленной 10 марта 1613 г. съ гонцомъ къ Сигизмунду объ обмѣнѣ плѣнныхъ, намѣренно умалчивалось о состоявшемся избраніи, а гонцу было наказано, что если скажутъ, что въ Москвѣ выбрали въ цари Михаила Өеодоровича Романова, то отвѣчать: «это вамъ кто-то сказалъ неправду; въ Москву всякихъ чиновъ люди съѣхались и о государскомъ избраніи совѣтуются, но поджидаютъ изъ дальнихъ областей совѣтныхъ же людей». Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, № 7; Соловьевъ, 1066. Естественно, что въ своей инструкціи 1614 г. Густавъ-Адольфъ писалъ, что русскіе вмѣсто его брата еще только «намѣтили себѣ другого великаго князя». Арсеньевскія шведскія бумаги, 41.

Вмѣстѣ съ этимъ, нельзя полагаться и на такія, наприм., русскія сообщенія. Делагардіеву послу Богдану Дубровскому, пришедшему съ вѣстью, что «королевичъ идетъ въ Новъ-городъ», московскіе начальники «отказаша сице: тово у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобы намъ взяти иноземца на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылалися для тово, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, боясь тово, чтобы не пошли на поморскіе городы; а нынѣ Богъ Московское государство очистилъ, и мы ради съ вами за помощью Божіею битца, итти на очищеніе Новгородсково государства». Полное Собраніе Лѣтописей, XIV, I, 128—129; Руская Лѣтопись по Никонову списку, т. VIII, 200—201. Оффиціальнымъ источникомъ передается, будто бы соборъ второго ополченія послѣ освобожденія столицы опредѣленно высказался, еще при разсылкѣ пригласительныхъ грамотъ на избирательный соборъ, противъ избранія не только литовскаго, но и «нѣмецкаго» (т.-е. шведскаго) короля или

кина сына» отъ второго Самозванца была способна раздѣлить ихъ. Неприемлемость ея для земщины была очевидна. Патріархъ Гермогенъ, грамоты котораго вызвали второе ополченіе, наставлялъ нижегородцевъ, чтобы и сами они признавали, и по городамъ и къ боярамъ въ полки писали, что «отнюдь Маринки» паньинъ сынъ «на царство ненадобенъ». Своими призывными грамотами они оповѣщали: «и мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, утвердилися на томъ, и къ Москвѣ къ боярамъ и ко всей земли писали, что Маринки и сына ея... до смерти своей въ государя на Московское царство не хотимъ». Иное было дѣло—казаки: сына «Воровского Калужского» они «примѣривали» «обрать на государство». Такъ поступали они не только по прежней службѣ его отцу, Лжедимитрію II, въ царское происхожденіе котораго многіе изъ нихъ могли искренно вѣрить, но и потому, что за нимъ видѣли возможность осуществленія своихъ соціально-экономическихъ желаній, осуществленія надлежащаго, съ ихъ точки зрѣнія, строя жизни.

Уладиться съ казаками было надобно и въ интересахъ бывшаго спокойствія и безопасности. По освобожденіи Москвы осталась отъ земскаго ополченія, отпущеннаго и разошедшагося по домамъ, меньшая доля; казацкія войска своею численностью, не говоря уже о военномъ искусствѣ, превосходили дворянско-земскій и стрѣлецкій гарнизонъ. Только составъ ихъ былъ не прежній. Когда земское ополченіе еще двигалось отъ Ярославля, Заруцкій бѣжалъ изъ-подъ Москвы и затѣмъ съ Мариной и ея сыномъ удалился на юго-востокъ, увлекая подобныхъ себѣ; другіе пошли подъ знамена, кто князя Пожарскаго, кто кн. Трубецкого, для котораго теперь по разрывѣ съ Заруцкимъ, поддерживать «Воренка» не было интереса, и самъ онъ не прочь былъ занять престолъ. За распредѣленіемъ разныхъ казацкихъ отрядовъ по городамъ на сторожевую службу въ московскомъ ихъ кадрѣ оставлялись, повидимому, люди вообще сравнительно домовитые. Первенствующее мѣсто въ правительствѣ и соборѣ, формально занятое главою казатчины княземъ Трубецкимъ, не нарушало значенія кн. Пожарскаго, моральное преимущество котораго, а съ нимъ и земщины, надъ казачествомъ установлялось со времени взаимнаго соглашенія между обо-

---

королевича. Дворцовые Разряды, I, 13. Отвѣтить въ этомъ же смыслѣ наказано было тогда послу къ императору Матвѣю относительно ярославскихъ обѣщаній кн. Пожарскаго объ австрійской кандидатурѣ. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 67—69; Памятники дипломатическихъ сношеній, II, 1104 и слѣд. Такъ говорить и писать могли только подъ вліяніемъ уже послѣдующихъ событій, когда затаенная мысль могла найти себѣ откровенное выраженіе.

ими вождями при осадѣ Кремля дѣйствовать сообща. Обрисовывался обликъ кандидата, который оказался бы любъ той и другой сторонѣ. При такихъ условіяхъ не для чего было изъ-за сына Марины разрывать съ земщиной ни начальникамъ казачества, которые входили въ составъ собора, ни самимъ казакамъ, какъ ни склонны были они примѣнять свою силу; и они отступились отъ «Воренка», какъ кандидата въ цари [1].

Соотвѣтственно всему этому первымъ рѣшеніемъ собора было: «Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многіе неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть» [2].

Послѣ такого рѣшенія у собора не много времени пошло на обсужденіе кандидатуръ «царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ», татарскихъ и вообще азіатскихъ. Ни одинъ изъ нихъ не выдѣлялся какими-либо особыми свойствами и заслугами и не имѣлъ сколько-нибудь значительныхъ шансовъ на избраніе, и весьма вѣроятно, что о нихъ, «какъ о кандидатахъ въ цари, сочли нужнымъ упомянуть ради ихъ великой чести, чтобы ихъ не обидѣть, а въ дѣйствительности о выборѣ ихъ никто и не думалъ». Къ тому же, ихъ считали «иноземцами», иные изъ нихъ были иновѣрцами, а было уже рѣшено, что «изъ иноземцевъ», не только тѣмъ, которые у насъ служили, но и самымъ королямъ и королевичамъ, «на Московскомъ государствѣ государемъ никакъ никому не быти» [3].

Чтобы ослабить раздраженіе «иноземцевъ», и своихъ и чужихъ, наиболѣе же со стороны Швеціи, съ которой старались не разрывать отношеній, въ Утвержденой грамотѣ свое рѣшеніе это и затѣмъ избраніе соборъ намѣренно подкрѣпилъ упоминаніемъ о фактѣ эпохи королевича Владислава: «и свѣйской король прежде сего писалъ въ Московское госу-

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, № 268; Акты Археографической Экспедиціи, II, № 201; Hirschberg, 363; С. Кедровъ, Жизнеописаніе Гермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи. М., 1912, 100 — 101; проф. Платоновъ, Московское правительство при первыхъ Романовыхъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1906, XII); П. Г. Васенко, Бояре Романовы и воцареніе Михаила Өеодоровича. Спб., 1913, гл. VI (это сочиненіе было любезно предоставлено намъ во время печатанія его, за что приносимъ автору свою благодарность). О самовольствѣ казаковъ и о навязываніи ими самозванцевъ въ Смутную эпоху нѣсколько новыхъ документовъ у проф. Н. Я. Новомбергскаго, Слово и дѣло государево. М., 1911, I, № 20, и др.

[2]) Дворцовые Разряды, I, 13; Утвержденная грамота объ избраніи, въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 612, 615, во 2 изданіи Общества, 43.

[3]) Дворцовые Разряды, I, 13; Утвержденная грамота въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, I; 612, 615, въ изданіи Общества, 43; проф. Маркевичъ, указанная статья, Журн. Мин. Нар. Просв., 1891, IX, 187.

дарство», чтобы «польского, и литовского, и татарского, и изъ иныхъ ни исъ которыхъ земель государя не обирати, а обрати бъ на Московское государство государя, изыскавъ изъ рускихъ родовъ, хто бъ прежнимъ великимъ природнымъ государемъ нашимъ, царемъ росiйскимъ, былъ въ сродствѣ, а онъ, свѣйскiй король, будетъ съ нимъ, великимъ государемъ, въ дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно» [1]).

Избирательный земскiй соборъ безповоротно выходилъ на русскую нацiональную дорогу; онъ полагалъ конецъ всякимъ стороннимъ притязанiямъ, а также и самозванству и связаннымъ съ нимъ вожделѣнiямъ.

V.

Кандидатуры лицъ изъ русскихъ титулованныхъ родовъ.

Главная борьба сосредоточилась на соборѣ между кандидатурами лицъ изъ «великихъ русскихъ родовъ». Предыдущiе примѣры достиженiя власти Годуновымъ и кн. Шуйскимъ и появленiя разныхъ претендентовъ, даже неизвѣстнаго происхожденiя, видимо, дѣйствовали на многихъ заманчиво, а мѣстническiе и личные счеты и интересы придавали борьбѣ крайнюю остроту. Извѣстно, что, когда, по низложенiи царя Шуйскаго зашла рѣчь о кн. Вас. Вас. Голицынѣ, то кн. Мстиславскiй, которому также открывался путь къ престолу, рѣшительно воспротивился кандидатурѣ Голицына и открыто объявилъ: «какъ онъ самъ не желаетъ быть государемъ, такъ равнымъ образомъ не хочетъ имѣть государемъ никого изъ равной себѣ братiи», и предлагалъ лучше «избрать себѣ государя откуда-нибудь изъ царскаго племени», подразумѣвая королевича Владислава. Потому неудивительно, что въ открывшейся теперь борьбѣ многiе изъ знатныхъ кандидатовъ на престолъ не останавливались даже передъ подкупомъ: «многiе изъ вельможъ»,—читаемъ въ лѣтописи,—«желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающа и обѣщающи многiе дары»; «иные подкупахуся и засылаху, хотяше взойти на такую степень», говорится въ другомъ мѣстѣ.

Всѣхъ кандидатуръ, которыя выставлялись и обсуждались на соборѣ,

---

[1]) Утвержденная грамота объ избранiи, Собранiе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 613, въ изданiи Императорскаго Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ, 43. О письмѣ Карла IX русскимъ начальникамъ Ляпунову и друг., чтобы они «впередъ не выбирали чужихъ государей, выбрали кого нибудь изъ своихъ», у Соловьева, II, т. VIII, столб. 998.

мы не знаемъ, но все же имѣемъ возможность, большею частью по прямымъ указаніямъ источниковъ, назвать цѣлый рядъ лицъ, имена которыхъ произносились въ соборныхъ преніяхъ объ избраніи царя.

Изъ числа бояръ, сидѣвшихъ въ московской осадѣ, по крайней мѣрѣ о трехъ, поднималась рѣчь, какъ о кандидатахъ на престолъ. Это были кн. Ѳеод. Ив. Мстиславскій, кн. Ив. Вас. Голицынъ и кн. Ив. Мих. Воротынскій.

Князь Ѳ. И. Мстиславскій давно занималъ первенствующее мѣсто въ боярской думѣ, по низложеніи царя Василія Ивановича Шуйскаго стоялъ во главѣ правившей государствомъ семичленной боярской коллегіи и продолжалъ находиться во главѣ думы и во время московской осады. Выдающееся положеніе среди государственныхъ сановниковъ, родство, по женской линіи, съ угасшей династіей и знатность рода не давали возможности, при обсужденіи вопроса, кому быть царемъ, обойти молчаніемъ имени этого вельможи, среди бояръ тогда старѣйшаго по отечеству. Объ избраніи его говорили въ 1606 и въ 1610 годахъ, при чемъ его сторонники всегда встрѣчались съ его нежеланіемъ принять корону. Пожилой и бездѣтный, онъ, какъ полагаютъ, на соборѣ 1613 года «уклонился окончательно». Да теперь его кандидатура не могла и выставляться настойчиво. Слабость его передъ польской политикой до того отвратила отъ него народное расположеніе, что онъ не безъ причины не присутствовалъ на первыхъ засѣданіяхъ собора, репутацію его требовалось даже защищать[1]). Прямыхъ указаній о существованіи его кандидатуры на соборѣ 1613 года въ источникахъ не сохранилось.

Князья Голицыны, обрусѣвшая вѣтвь Гедиминовичей, стояли тогда въ первомъ ряду «великихъ русскихъ родовъ». На князя Вас. Вас. Голицына патріархъ, еще по низложеніи Шуйскаго, указывалъ, какъ на одного изъ

[1]) Новый лѣтописецъ, Временникъ, XVII, 161; Лѣтопись о многихъ мятежахъ. М., 1788, 271; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 129. Отказы кн. Мстиславскаго отъ короны по смерти перваго Самозванца и по низверженіи Шуйскаго: Margeret, Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie. A Paris, 1855, 89 (русскій переводъ подъ заглавіемъ Состояніе Россійской державы, въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, Устрялова, изд. 2, III, 100, изд. 3, II, 307); Pisma Stanisława Zołkiewskiego. Lwów, 1861, 67—68 (русскій переводъ Муханова, второе изданіе, Записки гетмана Жолкѣвскаго о Московской войнѣ. Спб., 1871, 70). О томъ, что онъ на соборѣ 1613 г. «въ этотъ разъ могъ еще разъ отъ себя отклонить» корону или «отказывался» и «отклонился окончательно» отъ нея, говорятъ: Маркевичъ, Журн. Мин. Нар. Пр., 1891, IX, 190; Иловайскій, 244, Ключевскій, Курсъ Русской исторіи, М., III, 1908 г., 76, Чернышевъ и друг. О положеніи Мстиславскаго въ это время см. выше, 16—17 стран.

желательныхъ кандидатовъ на царство. Извѣстенъ отзывъ о немъ кн. Пожарскаго, при переговорахъ въ Ярославлѣ съ новгородцами по поводу кандидатуры на русскій престолъ Карла-Филиппа: «Надобны были такіе люди въ нынѣшнее время; только бъ нынѣ такой столпъ, князь Василій Васильевичъ, былъ здѣсь, и объ немъ бы всѣ держались». Этотъ отзывъ однако свидѣтельствуетъ болѣе о личномъ уваженіи Пожарскаго къ родовитому плѣнному князю, нежели чѣмъ объ общенародномъ; возможно, что ссылкой на желательность присутствія Голицына Пожарскій искусно пользовался, какъ однимъ изъ благовидныхъ предлоговъ къ отклоненію немедленнаго рѣшенія тѣхъ большихъ дѣлъ, какія предлагали тогда ему. Кн. Вас. Голицынъ находился въ плѣну, избраніе его на царство отодвигало бы фактъ занятія престола, и сторонники избранія царя изъ рода князей Голицыныхъ выставляли кандидатуру брата его кн. Ивана Голицына, малоизвѣстнаго и непопулярнаго. Домогательства съ его стороны были возможны: заносчивое поведеніе его уже по избраніи законнаго царя довело его до того, что за «непослушаніе и измѣну» онъ былъ признанъ (1624 г.) «достойнымъ всякаго наказанія и разоренія» и сосланъ въ Пермь. Успѣху его кандидатуры препятствовала общая съ кн. Мстиславскимъ причина: пребываніе ихъ въ составѣ боярскаго правительства, входившаго въ столь близкія подозрительныя для земщины сношенія съ поляками; за Мстиславскимъ была, по крайней мѣрѣ, слава человѣка умѣреннаго и нечестолюбиваго, князь же Ив. Голицынъ былъ «крамольный», партійный, впутывавшійся въ интриги, нажившій себѣ много «враговъ».

Только третій изъ этихъ кандидатовъ на престолъ не былъ скомпрометированъ близостью къ полякамъ, именно кн. И. М. Воротынскій, которому во время пребыванія въ осажденной Москвѣ пришлось не мало пострадать отъ нихъ. Впрочемъ, подобно Голицыну, и онъ «былъ замѣшанъ въ обширныя ссоры», партійныя интриги, убѣдительныхъ доводовъ въ пользу избранія сторонники его также не имѣли.

Не мало сторонниковъ было также у кн. Шуйскаго. Изъ Шуйскихъ оставался въ живыхъ одинъ кн. Иванъ Ивановичъ, бывшій начальникъ стрѣльцовъ, младшій братъ царя Василія Ивановича. Бѣдствія плѣна прежняго государя вызвали у многихъ желаніе загладить вину передъ нимъ. Сигизмундъ держалъ Шуйскихъ въ Гостынскомъ замкѣ, въ 130 верстахъ за Варшавой, въ строгомъ заключеніи и тайнѣ; даже оффиціальный актъ о смерти Василія Ивановича гласилъ: «покойный—какъ объ этомъ носится слухъ—былъ великимъ княземъ московскимъ»; кн. Ивана Шуйскаго называли «князь Иванъ Левинъ». Старшіе братья, царь Василій и кн. Дми-

трій, нѣкогда проигравшій Клушинскую битву, умерли одинъ за другимъ, когда Сигизмундъ повезъ Владислава въ Москву; младшему, Ивану, «вмѣсто смерти наияснѣйшій король жизнь далъ». По возвращеніи изъ этого неудачнаго московскаго похода 1612 года, король привлекъ кн. Ивана Ивановича на службу къ своему сыну, королевичу Владиславу, какъ бы «московскому царю». Выданный боярами, враждебными Василію, кн. Иванъ не имѣлъ основаній считать возвращеніе свое въ Москву ни желательнымъ, ни безопаснымъ, еслибъ оно было теперь и возможно, и онъ принесъ Владиславу присягу [1]). Независимо отъ пребыванія его въ Польшѣ, онъ оказывался «опаснымъ въ виду того, что его двоюродный (?) братъ свергнутъ былъ съ престола, чего ему не возможно будетъ забыть».

Заслуги создали высокое положеніе обоимъ начальникамъ освободившей Москву рати. Однако натянутыя отношенія между земщиной и казачествомъ дѣлали невозможнымъ успѣхъ ни кандидатуры вождя казачества, ни кандидатуры вождя земскаго ополченія.

О кн. Трубецкомъ сохранилось извѣстіе, будто бы нѣкоторые говорили, что для рѣшенія вопроса, кому быть царемъ, надо бросить жребій между нимъ и кн. Голицынымъ и Михаиломъ Өеодоровичемъ. По освобожденіи Москвы, онъ жилъ въ Кремлѣ на Царь-Борисовомъ дворѣ, куда для совѣщаній пріѣзжалъ къ нему кн. Пожарскій, жившій на Воздвиженкѣ, въ Воздвиженскомъ монастырѣ [2]). Отъ этого періода сохранилось Евангеліе, котораго въ послѣсловіи, писанномъ въ 1612 году, говорится: «При благовѣрномъ князѣ Дмитріѣ Тимоѳеевичѣ Трубецкомъ и при его державѣ». Запись свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, не только о самомнительности и притязаніяхъ Трубецкого, но и о власти, какою онъ пользовался тогда въ управленіи. Опорой его считались казаки, которые однако не во всемъ повиновались ему. Ворвавшись однажды въ городъ за казной, они хотѣли побить начальниковъ, и только дворяне отстояли Трубецкого и Пожарскаго. Было ясно, что при какихъ-либо исключительныхъ

---

[1]) Повидимому, это было ранѣе полученія въ Польшѣ вѣстей не только о вступленіи Михаила Өеодоровича на царство, но и объ избраніи его: счеты по содержанію кн. Ивана въ Гостынскомъ замкѣ велись только по 1 февраля 1613 года. Приложенія къ нашему изслѣдованію «Царь Василій Шуйскій», т. II, кн. 2, № 6.

[2]) У кн. Пожарскаго былъ въ Москвѣ собственный большой домъ, въ Бѣломъ или Царь-городѣ, на Лубянкѣ, но эта часть Москвы сгорѣла предъ тѣмъ; теперь тамъ 3 мужская гимназія. По документамъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи недавно точно опредѣлилъ мѣстонахожденіе дома старшій дѣлопроизводитель Архива И. С. Бѣляевъ, въ статьѣ «Домъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго на Лубянкѣ» (Старая Москва. М., 1912, I, 42—46, и отд.).

домогательствахъ Трубецкому разсчитывать на нихъ не приходилось. Когда казаковъ удовлетворяли казной, они успокаивались. Необходимо было удовлетворить и ихъ вождя. И вотъ первый письменный актъ, оставшійся отъ дѣятельности собора, былъ—жалованная грамота, которую соборъ даетъ кн. Трубецкому за его «многіе службы и промыслы, и за правду, и радѣнье къ Московскому государству и за дородство и за храбрость» обширную и богатую область Вагу; соборъ обязывался, «какъ Богъ дастъ на Московское царство государя», бить челомъ объ утвержденіи вотчины царскою грамотою. Въ обязательствѣ чувствуется, что кандидатура Трубецкого снята[1]). Онъ овладѣлъ также большой Муромской волостью и сумѣлъ получить еще 12596 четвертей. Такимъ образомъ отъ Трубецкого откупились; можно было надѣяться, что онъ не станетъ теперь борьбой за свою обреченную на неудачу кандидатуру тормозить избирательную дѣятельность собора. Князю Дмит. Мих. Пожарскому «дали бояре и всею землею, какъ Москву взяли», 2500 чети. Это—вся награда за заслуги, которая была потомъ утверждена за нимъ и Михаиломъ Θеодоровичемъ [2]).

Безыскусственную, горячую любовь къ родинѣ, несомнѣнную скромность и мудрый умъ кн. Пожарскій доказалъ всею своею дѣятельностью. Представляя, что ему предлагаютъ регаліи, царскую корону, Державинъ

---

[1]) Важская область простиралась верстъ на 400 вдоль и не менѣе 200 въ ширину и прежде давалась лицамъ, близкимъ къ государю; при Θеодорѣ Ивановичѣ и Годуновѣ она была за Годуновыми, при Шуйскомъ—за Шуйскими. Въ Смуту завладѣлъ ею Заруцкій, послѣ него кн. Трубецкой, пожелавшій закрѣпить ее навсегда грамотой земскаго собора.

[2]) Pisma Żolkiewskiego, 84, перев. 86; Strahlenberg, 205, переводъ въ статьѣ Маркевича, Жур. Мин. Нар. Пр., 1891, X, 405; Арсеньевскія шведскія бумаги, 30, но см. также 20 (о нихъ критическое замѣчаніе выше, 28 стран.); Дворцовые Разряды, I, 633, 640—642, 1219—1220; Акты Археографической Экспедиціи, II, № 210, стр. 270; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 127; кн. Н. Н. Голицынъ, Родъ князей Голицыныхъ. Спб., 1892, I, 31, 43, 115—116, 340, 494—495; Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ, изд. кн. Е. Э. Трубецкой. М., 1891, 97—123, Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій, изд. 3, 120, 278—283, 314; наше изслѣдованіе—Царь Василій Шуйскій, гл. IV. О кандидатурѣ кн. Ивана Голицына Страленбергъ говоритъ, что, кромѣ большого количества враговъ, мѣшала ей его многосемейность. Всѣ три брата Голицыныхъ—Василій, Иванъ и ранѣе убитый поляками Андрей—умерли бездѣтными; послѣдующіе кн. Голицыны идутъ отъ другой линіи, менѣе извѣстной. Подъ «Шуйскимъ» тотъ же авторъ подразумѣваетъ, повидимому, кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго; Костомаровъ (Монографіи, VI, 294) отнесъ это къ царю Василію Ивановичу Шуйскому: то и другое непріемлемо, оба они—и кн. Скопинъ-Шуйскій, и царь Василій Шуйскій—умерли ранѣе, и Сигизмунду не было теперь причины скрывать о смерти Василія. Ничѣмъ нельзя подтвердить и извѣстнаго обвиненія Сумина (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1848, № 7, стр. 85 сл.) относительно кн. Пожарскаго.

влагаетъ ему въ уста рѣчь, глубоко вѣрную по психологическому анализу и согласную съ народнымъ воззрѣніемъ на него:

«Россіяне. За даръ вашъ, толь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну простерть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесены,
Какихъ желалъ я благъ? Покой въ Россіи зрѣть».

Принятіе имъ царскаго вѣнца, продолжаетъ Пожарскій, вызоветъ зависть и происки со стороны бояръ, права которыхъ на престолъ, быть можетъ, болѣе значительны. Усмиряя вновь возникшую смуту, легко обратиться въ тирана, на что онъ не согласится «вселенной за престолы»; управляя же «тронъ бурный» «съ потачкою страстей», онъ не будетъ въ состояніи «сократить хищенья длинны руки», «ввести скорый, правый судъ» и «спокоить шатки дни», ибо «законы безъ грозы безстрашнымъ — эха звуки; примѣры хоть просты, но памятны они». Русскіе государи облечены со стороны подданныхъ необычнымъ, глубочайшимъ почтеніемъ, — и онъ ли дерзнетъ стать ихъ преемникомъ?

«Нѣтъ. Нѣтъ. Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
Спокойно можетъ дать и возвратить насъ къ миру.
Добръ, мудръ,—безъ зависти и всѣми будетъ чтимъ:
Бояре близкіе, усердны общу благу,
Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ нагу
И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ»...

И Пожарскій ставитъ вопросъ:

«Не можно-ль Михаилу
Романову взойти на праотчій престолъ,
По женскому родству» [1])?

---

[1]) Державинъ, Пожарскій или Освобожденіе Москвы (въ Академическомъ изданіи его сочиненій).

По народной пѣснѣ, предлагаютъ Пожарскому избрать его въ цари сами бояре; на это онъ отвѣчаетъ имъ:

«Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы московскіе:
Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова—
Михаила сына Ѳеодоровича».

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. М., 1868, вып. 7, стр. 23—24; Памятники исторіи Нижегородскаго движенія, 440—441.

VI.

Кандидатура Михаила Өеодоровича Романова.—Родъ бояръ Романовыхъ.

Когда на избирательныхъ засѣданіяхъ собора были отвергнуты или встрѣтили сильныя возраженія кандидатуры претендентовъ, выставляемыхъ текущей дѣйствительностью: иноземныхъ принцевъ и сына Марины, служилыхъ татарскихъ царевичей и лицъ русскихъ титулованныхъ родовъ, въ томъ числѣ и князей-освободителей Москвы, то все яснѣе и яснѣе выступала на первый планъ кандидатура, предъ которою во мнѣніи членовъ собора и въ сознаніи всего народа потускнѣли всѣ предыдущія.

Это была кандидатура юнаго Михаила Өеодоровича Романова.

Родъ бояръ Романовыхъ [1]) занималъ, по знатности, видное мѣсто не только среди нетитулованныхъ родовъ. Первымъ исторически извѣстнымъ предкомъ Романовыхъ является Андрей Ивановичъ Кобыла, бояринъ ве-

---

[1]) Матеріалы и указанія литературы о нихъ сгруппированы Н. Н. Селифонтовымъ въ Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Өеодоровича Романова. Спб., 1901 г., ч. I, 1898 г., ч. II. Изъ вышедшихъ до него трудовъ останавливаютъ на себѣ наибольшее вниманіе: герольдмейстера Петровскаго времени С. А. Колычева (о немъ у Селифонтова, I, 51—55, и Барсукова, книга I, гл. I); П. К. (П. Крекшина), Родословіе Высочайшей фамиліи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія (написано до 1745 г., изд. въ Памятникахъ древней письменности. Спб., 1883, и у Селифонтова, I, 95—108); Campenhausen's Genealogisch-chronologische Geschichte des allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses. Leipzig, 1805 (первыя двѣ части его переизданы, съ переводомъ на русскій языкъ, Селифонтовымъ, I, 109—271); И. П. Сахарова, Домъ русскихъ дворянъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ (недоконченная въ 1854 г. рукопись, по ней и по другимъ его матеріаламъ и плану составлена 2 часть труда Селифонтова); Г. И. Студенкина, Романовы-Юрьевы-Захарьины, съ XIII в. по 1665 годъ, родословная (Русская Старина, 1878, VIII, стр. 1—28, Селифонтова, I, 281—341; опирается на Кампенгаузена); А. П. Барсукова, Родъ Шереметевыхъ. Спб., т. I и VI; П. Н. Петрова, Исторія родовъ русскаго дворянства, 1886 г.; Г. В. Мещеринова, Замѣтки о домѣ Романовыхъ (Русская Старина, 1896, VII и 1897, VI). Послѣ труда Селифонтова появились и появляются: Г. С. Ш., Князь Аөанасій Даниловичъ, сынъ князя Даніила Александровича Московскаго. Спб., 1908; безъ означенія автора: «Царскіе прародители, погребенные въ обители Всемилостиваго Спаса на Новомъ» (въ Москвѣ). Изданіе Новоспасскаго Ставропигіальнаго монастыря. М., 1912; П. Г. Васенко, указан. выше трудъ, Спб., 1913; С. М. Некрасова, Предки царя Михаила Өеодоровича Романова, печатается въ Приложеніяхъ къ Тверскимъ Епарх. Вѣдомостямъ 1913 г., № 3 и слѣд. За повѣствованіями объ иноземномъ, «изъ Пруссъ», «Литвы» и т. д., происхожденіи достовѣрно извѣстнаго родоначальника бояръ Романовыхъ Андрея Ивановича Кобылы отъ князя Гланда Камбилы или Камбиліона изъ пруссо-самогито-литовскихъ державцевъ и т. п. все настойчивѣе признается въ наукѣ миѳическій характеръ.

ликаго князя московскаго Симеона Ивановича Гордаго, сына Калиты. Онъ или одинъ изъ его ближайшихъ предковъ могъ прибыть въ Москву изъ какого-либо русскаго же княжества, только не изъ-за границы. Повидимому, такимъ княжествомъ было Тверское, откуда предъ тѣмъ многіе бояре переѣхали на службу къ московскому князю, какъ это они дѣлали и впослѣдствіи. По свидѣтельству лѣтописи, Андрей Ивановичъ Кобыла ѣздилъ (1347 г.) въ Тверь по невѣсту Симеона Гордаго, Марію, дочь тверского великаго князя Александра Михайловича. Обстоятельство это имѣетъ здѣсь большое значеніе, такъ какъ въ древней Руси практиковалось посылать за невѣстами лицъ близкихъ къ нимъ, земляковъ (за Софьей Палеологъ ѣздилъ Иванъ Фрязинъ, къ Маріи Гастингсъ—Горсей). На дочери младшаго его сына Θеодора Андреевича Кошки женился сынъ великаго князя тверского Михаила Александровича [1]); отъ внука этого Θеодора Андреевича Кошки, Захарія, пошло поколѣніе Захарьиныхъ, переименовавшихся потомъ въ Юрьевыхъ и наконецъ въ Романовыхъ [2]).

На мысль о близкомъ отношеніи къ Твери и о тверскомъ происхожденіи этого рода наводитъ еще тотъ фактъ, что старинныя владѣнія одной изъ самыхъ видныхъ, происшедшей также отъ Андрея Ивановича Кобылы, фамиліи Шереметевыхъ, находились именно въ Тверскомъ краѣ. Переѣздъ на службу къ другому князю тогда еще не влекъ, какъ впослѣдствіи, утраты имѣній въ прежнемъ княжествѣ: считали его явленіемъ законнымъ; великіе и удѣльные князья еще держались прежняго правила: «а боярамъ и слугамъ межи насъ (князей) вольнымъ воля», и они обязывались «не держать нелюбья» на отъѣзжающихъ бояръ; такіе же договоры заклю-

---

[1]) По возвращеніи изъ Орды въ Тверь на великокняженіе Александра Михайловича, отъ него «отъѣхаша бояре мнози на Москву къ великому князю Ивану Даниловичу». Подъ 6846 (1338) г., Никонова лѣтопись, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, X, 208. Ср. подъ 6993 (1485) г., т. VI, 237. Подъ 6855 (1347) годомъ: «Того же лѣта князь велики Семенъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ, женился втретьи; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великого князя Александра Михайловича Тверского; а ѣздилъ по неѣ во Тверь Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ». Никонова лѣтопись, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, X, 218. Подъ 6899 (1391) г.: «Того же лѣта женилъ князь Михаилъ Александровичъ Тверской сына своего въ Москвѣ у Θедора у Кошки, Андреева сына у Сабакина, и вѣнчанъ бысть во Твери въ церкви Великого Спаса владыкою Арсеніемъ». Никонова лѣтопись, тамъ же, XI, 127. Очевидно, тогда прозвище Андрея Ивановича еще не было неизмѣнно установившимся; но очевидно также и высокое, почетнѣйшее положеніе его семьи.

[2]) Съ родомъ Кошкиныхъ, идущимъ отъ московскаго боярина Θеодора Андреевича Кошки, не имѣетъ ничего общаго литовская фамилія «Кошко», представители которой упоминаются не только по Смоленоку (какъ сообщено у И. И. Орловскаго «Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ». Смл., 1904), но и по Гродну (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Литовская Метрика, кн. Судныхъ дѣлъ, №№ 34, 40.

чались и между московскими и тверскими князьями. Выѣхавшій въ Московское княжество оставался землевладѣльцемъ и въ Тверскомъ [1]).

Надо отмѣтить также безспорное преобладаніе по числу мѣстностей съ названіемъ Кобылино въ нынѣшней Тверской губерніи по сравненію съ Московской [2]). Невольно останавливаетъ на себѣ также вниманіе то, что въ одной только изъ находившихся тамъ вотчинъ Романовыхъ, Хабоцкомъ [3]), были въ старину у пустошей и у деревни наименованія: Кобылкино, Кошкино, Юрьецево [3]). Представленіе объ иноземномъ и властительномъ происхожденіи Андрея Кобылы возникло въ сравнительно позднее время; знатное происхожденіе несомнѣнно придало бы роду какой-либо титулъ еще въ тѣ отдаленныя времена [4]).

Первые московскіе собиратели Руси были рады являвшимся на службу и оказывали имъ свое благоволеніе. Пріѣзжающіе бояре скоро усваивали точку зрѣнія великихъ князей и дѣлались искренними помощниками ихъ. Въ цѣломъ рядѣ поколѣній потомки Андрея выступаютъ близкими людьми московскихъ государей, усердными сотрудниками ихъ въ дѣлѣ собиранія Руси. Съ успѣхами московской централизаціи начался въ Москву наплывъ удѣльныхъ князей и ихъ родичей, которые образуютъ тѣсный аристократическій кругъ и занимаютъ важнѣйшія мѣста въ думѣ, въ гражданскомъ и военномъ управленіи. Потомки Ѳеодора Кошки оказываются однимъ

---

[1]) «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ Великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ тѣ села намъ и тобѣ не вступаться». Договорная грамота в. кн. Дмитрія Іоанновича и брата его кн. Володимера Андреевича съ в. кн. тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1368 г.: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, № 28, стр. 48. В. О. Ключевскій, Боярская дума. М., 1902, 93—95; М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, Спб., 1908, 250—263; Н. П. Павловъ-Сильванскій, Феодализмъ въ Удѣльной Руси. Спб., 1910, 353—367, 395—401; А. В. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ Татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г. Спб., 1889—1891 гг., I—II.

[2]) Мѣстъ въ Тверской губерніи насчитывается съ названіемъ Кобылино до 13, въ Московской 3, съ названіемъ Кошкино въ Тверской 4, въ Московской ихъ совсѣмъ нѣтъ. А. Барсуковъ, I, 85. Съ названіемъ «Кобылино» извѣстно намъ въ Тверской губерніи 10 селеній: 1 село (Кашинскаго уѣзда) и 9 деревень (по уѣздамъ: Кашинскаго 3, причемъ одна Большое Кобылино, другая Малое Кобылино, по одной въ Тверскомъ, Калязинскомъ, Корчевскомъ, Зубцовскомъ, Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ). Сюда не входятъ названія разныхъ урочищъ: пустошей и т. п.

[3]) О немъ см. далѣе, VII гл.

[4]) Это предположеніе о русскомъ происхожденіи и о выѣздѣ въ Москву изъ Твери Андрея Ивановича Кобылы и его рода впервые мы высказали въ статьѣ: «Московскіе бояре XVI и XVII вѣковъ» (Московскія Вѣдомости, 1884, № 22 и слѣд.), гдѣ нами сдѣланъ критическій разборъ генеалогіи, данной А. П. Барсуковымъ въ I кн. «Рода Шереметевыхъ».

изъ немногихъ старыхъ нетитулованныхъ родовъ, не потонувшихъ среди этого «княжья» и удержавшихся въ верхнихъ слояхъ московскаго боярства.

Свою службу государю и государству несли они спокойно и неуклонно. Вступая въ родственныя связи съ княжескими родами, они не впутывались въ ихъ междоусобные, родовые и партійные счеты и нерѣдко входили въ тѣсныя, дружественныя отношенія съ другими нетитулованными дѣятелями и родами. Переходя на службу московскому государю, удѣльные князья и ихъ потомство обычно сохраняли свои державныя права въ прежнихъ владѣніяхъ и, опираясь на нихъ, старались закрѣплять свое положеніе и въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ объединеніемъ, шелъ одновременно процессъ внутренняго объединенія, создавался укладъ, основанный на царско-монархическомъ началѣ. Драма, постепенно развертывавшаяся въ отношеніи ихъ между прежнимъ и новымъ строемъ, разразилась страшной борьбой при Грозномъ, которая привела къ катастрофѣ множество лицъ и родовъ княжескаго происхожденія.

Потомковъ Өеодора Кошки эта буря коснулась стороной. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе имѣлъ бракъ царя Ивана Васильевича IV съ Анастасіей, дочерью одного изъ представителей этого рода, окольничаго Романа Юрьевича Захарьина. Первый царь съ принятіемъ царскаго титула избралъ себѣ въ супруги дѣвицу изъ нетитулованнаго рода. Этимъ выборомъ руководили, видимо, не одна политика, но и давняя близость дома и влеченіе сердца. Одаренная физической и душевной красотою, Анастасія Романовна, по извѣстію хронографа, не гордилась царской діадемой, устремляя свое сердце на помощь бѣднымъ и направляя своего супруга на путь добрыхъ дѣлъ. Время супружества съ ней было свѣтлою порою царствованія Іоанна—порою проведенія важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ и покоренія татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Іоаннъ горячо любилъ свою «юницу». И если предыдущая судьба потомковъ Кобылы закрѣпила за ними одно изъ первыхъ мѣстъ среди московской знати, то благотворное вліяніе Анастасіи (къ сожалѣнію, рано скончавшейся) на ея мужа-царя, а также личность и дѣятельность ея брата Никиты Романовича, способствовали привлеченію къ этой фамиліи симпатій широкихъ круговъ населенія.

Однако боярствомъ этотъ бракъ царя встрѣченъ былъ несочувственно. Относясь надменно къ нетитулованному происхожденію царицы, многіе считали невмѣстнымъ для себя «служити» ей и подчиняться ея роднѣ. Наиболѣе рѣзко выразилось это недовольство во время тяжелой болѣзни Ивана Васильевича, въ 1553 году, вскорѣ послѣ Казанскаго похода. Опа-

саясь, въ случаѣ смерти, замѣшательствъ въ придворной средѣ и движенія ея въ пользу своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, князя Старицкаго, царь, чтобы обезпечить престолъ за сыномъ отъ Анастасіи, Дмитріемъ, потребовалъ отъ бояръ присяги ему. Значительная часть ихъ не пожелала подчиниться, такъ какъ съ воцареніемъ младенца Дмитрія власть, по ихъ мнѣнію, перешла бы къ Захарьинымъ. Потребовалось упорное настояніе царя, чтобы присяга Дмитрію была принесена всѣми боярами [1]). Государь выздоровѣлъ, оказаться «подъ властью» Захарьиныхъ-Юрьевыхъ боярамъ пока не пришлось. Анастасія и послѣ этого смягчала порывы супруга, но ея расположеніе къ кругамъ, гдѣ она не встрѣчала тяжелыхъ уколовъ чувству личнаго достоинства, и расположеніе, въ свою очередь, этихъ широкихъ круговъ къ ней, не могли не усилиться; возросла и роль ея родственниковъ, значительная уже съ первыхъ годовъ ея брака.

Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ сталъ братъ Анастасіи—Никита Романовичъ [2]). Онъ занималъ вліятельное положеніе при дворѣ, пользуясь большимъ довѣріемъ царя. Въ опричнину онъ не былъ назначенъ, но существуютъ безспорныя доказательства, что это не было слѣдствіемъ опалы; наоборотъ, Никита Романовичъ былъ оставленъ въ земщинѣ потому, что и тамъ царю были необходимы люди, облеченные его довѣріемъ.

Неоднократно этотъ «царевъ шуринъ» принималъ участіе въ важныхъ походахъ противъ Ливоніи, крымскихъ татаръ, Швеціи. Какъ администраторъ, онъ очень выдвинулся во время продолжительнаго (съ 1572 года почти до смерти) завѣдыванія важнымъ дѣломъ обороны южныхъ границъ государства. Большія способности Никиты Романовича проявлялись въ придворной, административной и военной дѣятельности—его умѣніе, преданность дѣлу, справедливость, великодушіе, внимательность къ инте-

---

[1]) Теплый отзывъ лѣтописца о царицѣ Анастасіи Романовнѣ и о ея вліяніи на мужа: Изборникъ, А. Попова. М., 1869, 182—183. Сцены съ присягою Дмитрію Ивановичу: Царственная книга, подъ 7061 (1553) г., Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIII, вторая половина, 523—526, 529—532; названіе Грознымъ Анастасіи своею «юницею»: Сказанія князя Курбскаго. Спб., 1842, 224.

[2]) Для свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Никиты Романовича, кромѣ указаннаго въ началѣ главы, см. Древняя Россійская Вивліоѳика, XIII, 34, 38, 293, 368, 416, 422, 423, 435, 436, 443, 451, 457, XIV, 325, 350, XX, 43, 45, 47, 55, 61; Древнѣйшая Разрядная Книга. М., 1901; Акты Московскаго государства. Спб., 1890, I; Пѣсни, собранныя И. Н. Рыбниковымъ. Спб., 1861—1867, I, II, IV (см. оглавленія и указатели); Русская Историческая Библіотека, XIII, 1278; Сказанія Массы, 32—33, и др.: И. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства. М., 1856, стр. 21 и слѣд.

ресамъ зависѣвшихъ отъ него людей. О популярности, заслуженной среди населенія, свидѣтельствуютъ сочувственныя упоминанія о немъ въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ «Никита Романовичъ» изображается защитникомъ народа отъ жестокостей Грознаго. Одна изъ дошедшихъ до насъ такихъ пѣсенъ, спеціально посвященная прославленію любимаго героя, судя по нѣкоторымъ даннымъ ея композиціи, возникла въ казацкой средѣ. Стало быть, и здѣсь Никита Романовичъ пользовался любовью, пріобрѣтенною, надо думать, въ періодъ упомянутаго завѣдыванія обороною южныхъ окраинъ. По воцареніи болѣзненнаго Ѳеодора, Никита Романовичъ, въ качествѣ его дяди, занялъ положеніе руководящее и сохранилъ таковое до смерти (1586 г.).

Не имѣвшій дѣтей отъ первой супруги, Никита Романовичъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на княжнѣ Евдокіи Горбатой-Шуйской, изъ рода великаго князя Андрея Суздальскаго, брата Александра Невскаго. Дѣти отъ этого брака являлись, слѣдовательно, по женской линіи, потомками Владиміра Святого. По женской линіи, родъ стараго Андрея Ивановича Кобылы не въ первый разъ сопричислялся, такимъ образомъ, къ титулованнымъ родамъ московскаго боярства. Если въ немъ обыкновенно мѣнялись фамиліи и если нерѣдко дѣти одного отца носили различныя прозванія, то въ вѣтви боярина Никиты прочно удержалось его отечество. Съ Никиты Романовича, этого боярина, оставившаго по себѣ такую добрую память, брата царицы, родъ его сталъ именоваться Романовыми.

По смерти Никиты Романовича многочисленная семья его, состоявшая изъ 7 сыновей и нѣсколькихъ дочерей, осталась на попеченіи Бориса Годунова, съ которымъ у покойнаго были давнія дружественныя связи. Борисъ охотно принялъ порученную ему самимъ Никитой заботу о дѣтяхъ, и добрыя отношенія между правителемъ и «Никитичами» долгое время ничѣмъ, повидимому, не нарушались. Дальновидный Борисъ, чувствовавшій себя довольно одинокимъ во враждебной средѣ княжья, естественно сблизился съ родомъ Романовыхъ для взаимной поддержки. Между нимъ и Никитичами установился, по выраженію наблюдательнаго современника [1]), «завѣщательный союзъ дружбы». Личныя свойства Никитичей способ-

---

[1]) «Борисъ... въ завѣщательномъ союзѣ дружбы имѣху ихъ». Повѣсть князя Ив. М. Катырева-Ростовскаго, Русская Историческая Библіотека, XIII, 567. Сыновей у Никиты Романовича было семь: Ѳеодоръ, Андрей, Михаилъ, Никита, Василій, Иванъ и Левъ; изъ нихъ Никита и Левъ умерли до воцаренія Годунова.

ствовали сохраненію прежняго расположенія и уваженія къ ихъ фамиліи, хотя по вліятельности никто изъ нихъ уже не могъ идти въ сравненіе съ отцомъ, мѣсто котораго при царѣ Θеодорѣ занялъ Годуновъ.

Вскорѣ по смерти отца, его старшій сынъ Θеодоръ, выдѣлявшійся среди Никитичей, получилъ боярство. Около 1590 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Ксеніей Ивановной Шестовой, изъ дворянскаго рода, имѣвшаго значительныя помѣстныя владѣнія въ Костромскомъ и Галицкомъ уѣздахъ и родственнаго съ Салтыковыми [1]). Нѣкоторыя изъ ихъ дѣтей умерли въ раннемъ младенчествѣ; въ живыхъ остались: дочь Татьяна и родившійся 12 іюня 1596 года сынъ Михаилъ.

Старшій теперь представитель знатной и популярной фамиліи, богатый, красивый, Θеодоръ Никитичъ отличался умомъ, эстетическимъ вкусомъ, привѣтливымъ обращеніемъ, склонностью къ образованію. Сохранилось, между прочимъ, извѣстіе, что онъ учился и по-латыни. Никто въ Москвѣ не умѣлъ лучше его одѣться, ѣздить верхомъ, устроить охоту. Все, казалось, обѣщало ему прекрасное положеніе въ свѣтѣ, блестящую гражданскую или военную службу. Родъ Романовыхъ былъ уже настолько на виду и въ почетѣ, что, по смерти царя Θеодора Ивановича, Θеодоръ Никитичъ явился весьма сильнымъ соперникомъ Годунова въ кандидатурѣ на престолъ. Сложилась легенда, которой вѣрили многіе русскіе и иностранцы, что царь Θеодоръ, умирая, именно ему передалъ скипетръ и корону [2]). Однако, Θеодоръ Никитичъ былъ моложе въ сравненіи съ своимъ соперникомъ, не имѣлъ той опытности и силы, какія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ требовались для достиженія цѣли; кандидатура новаго

---

[1]) Кромѣ указаннаго выше, о Θеодорѣ Никитичѣ Романовѣ, впослѣдствіи митрополитѣ и патріархѣ Филаретѣ, есть монографія А. Смирнова, Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Россіи (Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1873—4, и отдѣльной книгой) и Н. И. Костомарова, Филаретъ Никитичъ Романовъ (Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Спб., 1880, I, гл. XXXI). О Ксеніи Ивановнѣ очеркъ И. Хрущева, Ксенія Ивановна Романова—Великая старица инокиня Мароа (Древняя и Новая Россія, 1876, XII).

[2]) «Государь царь и великій князь Θеодоръ Ивановичъ... отходитъ въ жизнь вѣчную..., отросли же сродствія своего не оставилъ по себѣ..., благоволилъ же приказалъ быти по себѣ на престолѣ Московскаго государства Русскія земли братаничу своему по матери Θеодору Никитичу Романову, племяннику родной благовѣрныя царицы и великія княгини Анастасіи, матери своея». Изборникъ А. П. Попова. М., 1869, 188. «Предъ смертью (Θеодоръ Ивановичъ) отдалъ корону и скипетръ ближайшему родственнику своему Θеодору Никитичу, передалъ ему управленіе царствомъ». Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи. Спб., 1874, 56. Тутъ же, въ примѣчаніи, указаны и другія извѣстія объ этомъ.

царскаго шурина, который послѣ Никиты Романовича фактически при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ управлялъ всѣми дѣлами, обставлена была много лучше другихъ, и Годуновъ восторжествовалъ.

Дружбѣ его съ Романовыми былъ положенъ конецъ. Воспитанный въ школѣ Грознаго, имѣвшій несравненно болѣе его основаній къ подозрѣніямъ противъ окружающихъ, Борисъ, сначала еще оказывавшій знаки вниманія къ Романовымъ, не могъ вскорѣ преодолѣть опасенія, какъ бы они со своими родственниками и пріятелями не учинили при случаѣ попытки замѣнить его на престолѣ кѣмъ-нибудь изъ своихъ, скорѣе всего, конечно, Ѳеодоромъ Никитичемъ. Подъ благовиднымъ съ тогдашней точки зрѣнія[1]) предлогомъ, что у Александра Никитича найдены какія-то травы, которыя будто бы свидѣтельствовали о злоумышленіяхъ Романовыхъ противъ царствующаго государя, Годуновъ произвелъ (въ концѣ 1600 и началѣ 1601 г.) жестокій разгромъ всей семьи Романовыхъ и ихъ сородичей.

Всѣхъ братьевъ съ племянникомъ, кн. И. Б. Черкасскимъ, при разслѣдованіи дѣла «приводиша не единово къ пыткѣ». Затѣмъ, по боярскому приговору, Ѳеодоръ Никитичъ сосланъ былъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь Холмогорскаго уѣзда и тамъ насильно постриженъ подъ именемъ Филарета. Ксенія Ивановна отправлена въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ и тоже пострижена въ инокини, подъ именемъ Марѳы; сдѣлалась монахиней и ея мать. Четверо братьевъ Ѳеодора были разбросаны по захолустнымъ городамъ дальняго Сѣвера и заключены въ темницахъ. Дѣтей Ѳеодора—Татьяну и Михаила помѣстили вдали отъ родителей, у тетокъ, сосланныхъ на Бѣлоозеро. Разослали по дальнимъ мѣстностямъ и многихъ другихъ лицъ изъ романовской родни. Царь не останавливался предъ окончательнымъ, казалось, разгромомъ: «Вотчины ихъ и помѣстья всѣ велѣлъ роздати въ роздачю, а животы и дворы повелѣлъ распродати на себя». Условія ссылки, отягчаемыя усердіемъ приставовъ, обязанныхъ доносить о словахъ и поведеніи этихъ «измѣнниковъ», были очень тяжелы. Трое изъ братьевъ Ѳеодора, въ томъ числѣ Александръ, скоро умерли; исходившее изъ романовскихъ круговъ преданіе приписывало ихъ смерть не столько лишеніямъ ссылки, сколько прямому приказанію Бориса.

---

[1]) Литература объ этомъ въ нашемъ отзывѣ о сочиненіи проф. Н. Я. Новомбергскаго Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси (Томскъ, 1907), Отчетъ о пятьдесятъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб., 1910, 19 и слѣд.

Послѣ смерти братьевъ, Иванъ Никитичъ, болѣзненный, не владѣвшій рукою и плохо ступавшій на одну ногу, былъ возвращенъ. Лицамъ, сосланнымъ на Бѣлоозеро, разрѣшено было переѣхать на жительство въ село Клины, родовую отчину Романовыхъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ (нынѣ Владимірской губерніи) [1]).

Народное чувство встало на сторону гонимыхъ и вѣрно угадывало причину несчастья съ ними, объясняя его въ той же суевѣрной формѣ, какою пользовался и Борисъ: волхвы-де сказали Борису, что отъ рода Никитичей-Романовыхъ возстанетъ «скипетродержецъ Россійскому государству», и онъ, слыша это отъ волхвовъ, убоялся и умыслилъ истребить родъ сей. Замѣчательно, что, несмотря на пытки и подговоры со стороны суровыхъ судей, раздѣлявшихъ тенденцію Годунова и соединившихъ свой интересъ съ его властвованіемъ, крѣпостные люди Романовыхъ «отнюдь не помышляюще зла ничего и помираху многія на пыткахъ, государей своихъ не оклеветаху». И въ мѣстахъ ссылки, какъ ни страшно было оказывать осужденнымъ помощь, за которую попадавшіеся подвергались пыткамъ и казни, любовь превозмогала. Отличавшемуся богатырской силой Михаилу Никитичу, заключенному въ тѣсную, сырую землянку, приставы давали въ отверстіе для свѣта только хлѣбъ съ водою; мѣстные жители научили своихъ дѣтей носить ему въ тростниковыхъ дудочкахъ квасъ, масло и пр.; какъ будто играя у землянки, дѣти спускали въ нее дудочки и кормили его. Кое-что, чрезъ священника и другихъ, узнавалъ и Филаретъ о своей женѣ, о движеніи Самозванца, а жена узнавала о немъ.

Съ воцареніемъ Лжедимитрія въ положеніи Романовыхъ произошла рѣзкая перемѣна къ лучшему. Новый царь всячески старался подчер-

---

[1]) Біографъ Филарета Никитича А. Смирновъ (Святѣйшій патріархъ Филаретъ, Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. М., 1873, I, 142—143) вслѣдъ за другими признаетъ, что Годуновъ въ это время «приказалъ посвятить его (Филарета) въ іеромонаха, а потомъ возвести его въ архимандрита», чѣмъ достигались двѣ цѣли: окончательное «пресѣченіе ему пути къ престолу» (такъ какъ отказаться отъ монашества послѣ этого ему было бы невозможно) «и заискиваніе любви народной, лесть любви народной къ Романовымъ». Послѣднее документально извѣстное повелѣніе Годунова относительно Филарета Никитича—это суровая грамота игумену Сійскаго монастыря Іонѣ о строгомъ надзорѣ за ссыльнымъ «старцемъ Филаретомъ»; грамота отъ 22 марта 1605 года (Акты Историческіе, II, № 54). Донося о смерти Василія Никитича, приставъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ описалъ (14 марта 1602 г.) Годунову болѣзненное состояніе Ивана Никитича: «А измѣнникъ твой государевъ Иванъ Романовъ боленъ старою болѣзнію, рукою не владѣетъ, на ногу маленко приступаетъ». Акты Историческіе, II, № 38, стр. 42. «Иванъ Никитичъ Каша... сосланъ былъ въ Пелымь, лишенный отъ удара руки и ноги». Селифонтовъ, II, 86—87.

кивать свое расположенie къ нимъ. Филаретъ Никитичъ былъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго и ярославскаго; Ивана Никитича Лжедимитрiй пожаловалъ боярствомъ и «всѣмъ ево обильно наполнилъ»; Мареа Ивановна переѣхала въ Ростовъ и стала жить тамъ вмѣстѣ съ сыномъ [1]).

Неизвѣстно навѣрное, принимали ли въ свое время Романовы участiе въ подготовкѣ Самозванца,—во всякомъ случаѣ теперь они не дѣлали никакихъ попытокъ къ обличенiю его; когда же обнаружилась непрочность положенiя Самозванца на престолѣ и возникъ заговоръ противъ него, поддержку этому заговору Романовы, повидимому, оказали, и Шуйскiй, въ случаѣ успѣха дѣла, обѣщалъ Филарету полученiе патрiаршества. По воцаренiи Василiя Филаретъ принялъ ближайшее участiе въ актѣ, который долженъ былъ существеннымъ образомъ содѣйствовать укрѣпленiю положенiя новаго государя,—въ открытiи и перенесенiи мощей царевича Дмитрiя. Руководящая роль одного изъ лицъ романовскаго круга въ открывшемся враждебномъ движенiи (25 мая) однако возбудила въ Василiи подозрительность по отношенiю къ Филарету, и предполагавшееся возведенiе Филарета на патрiаршiй престолъ не состоялось.

При нападенiи (въ октябрѣ 1608 г.) тушинскихъ шаекъ на Ростовъ митрополитъ Филаретъ тѣмъ не менѣе явился мужественнымъ сторонни-

---

[1]) Акты Историческiе, II, № 38 (Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ), III, № 9; Полное Собранiе Русскихъ Лѣтописей, XIV, ч. I, стр. 52—54; Русская Историческая Библiотека, XIII, 813, 1247—8; Древняя Россiйская Вивлiоѳика, XX, 76; Сѣверный Архивъ, 1827, I; свящ. Григ. Поповъ, Бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ въ с. Ныровѣ въ заточенiи (Московскiя Епархiальныя Вѣдомости, 1873, № 16, то же Пермскiя Епархiальныя Вѣдомости, 1873, № 10); А. А. Богдановичъ, Бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ (Правительственный Вѣстникъ, 1909, №№ 200, 202 и 203); В. А. Лопухинъ, Ныровскiй мученикъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ. Новгородъ, 1912; Могила и памятникъ Василiя Никитича Романова (Труды Вятской Ученой Архивной комиссiи, 1912).—В. В. Бѣляевъ, въ своей книгѣ «Исторiя г. Макарьева на Унжѣ и о пребыванiи въ Макарьевскомъ монастырѣ царя Михаила Ѳеодоровича» (Спб., 1907) стремится доказать, что перiодъ со времени оставленiя Бѣлоозера и до переѣзда въ 1605 году къ матери въ Ростовъ Михаилъ Ѳеодоровичъ провелъ не въ Клинахъ, а въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ подъ попеченiемъ старца Давида Хвостова, который, по предположенiю автора, потомъ становится казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ и имѣетъ большое влiянiе въ дѣлѣ избранiя Михаила на царство. Разборъ этого и возникшихъ по поводу его другихъ мнѣнiй и предположенiй и доказательства ихъ несостоятельности даны въ статьѣ П. М. Любомирова, Легенда о старцѣ Давидѣ Хвостовѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1911, декабрь. По просьбѣ гг. Хвостовыхъ, нами недавно произведены нарочитые поиски въ документахъ Московскаго Архива Министерства Юстицiи, и никакихъ основанiй къ признанiю исключительно роли старца Давида Хвостова и къ отожествленiю его съ митрополитомъ Ефремомъ въ этомъ хранилищѣ не нашлось.

комъ законнаго правителя; но затѣмъ, отвезенный въ Тушино, онъ не могъ здѣсь дѣйствовать и противъ Второго Самозванца. Своею личностью онъ расположилъ къ себѣ бывшихъ здѣсь казаковъ. Въ Тушинѣ нарекли его патріархомъ, пользовались его именемъ, какъ нареченнаго патріарха, при разсылкѣ грамотъ. Конечно, искреннимъ сподвижникомъ Вора онъ не сталъ.

Когда Тушинскій станъ началъ разлагаться и часть русскихъ тушинцевъ пришла къ рѣшенію предложить русскую корону польскому королевичу, Филаретъ принялъ, вѣроятно, ближайшее участіе въ составленіи условій договора, къ соблюденію котораго предполагалось обязать будущаго царя. Въ числѣ пословъ, отправленныхъ тушинцами къ Сигизмунду съ предложеніемъ короны его сыну, Филаретъ не поѣхалъ; но, немного спустя, поляки, уходя изъ Тушина, «взяша», какъ разсказывается въ источникѣ, вышедшемъ изъ романовскихъ круговъ, Филарета Никитича «въ плѣнъ, повезоша съ собою съ великою крѣпостію» [1]). На этотъ польскій отрядъ напало русское войско, Филаретъ Никитичъ, какъ и другіе русскіе люди, находившіеся въ отрядѣ, былъ отбитъ и прибылъ въ Москву.

Царь Василій не принялъ какихъ-нибудь карательныхъ мѣръ противъ Филарета за его образъ дѣйствій въ Тушинѣ. Положеніе Шуйскаго было въ то время уже слишкомъ непрочнымъ для того, чтобы онъ могъ позволить себѣ враждебное выступленіе противъ Романовыхъ. Кромѣ того, принятіе противъ Филарета карательныхъ мѣръ способствовало бы распространенію мнѣнія, что Филаретъ былъ искреннимъ приверженцемъ тушинскаго царя; а распространеніе такого мнѣнія о столь вліятельномъ лицѣ было, очевидно, не къ выгодѣ для царя Василія.

Скоро Василій былъ сведенъ съ престола, и Москва избрала на царство Владислава. Во главѣ Великаго посольства, съ которымъ былъ отправленъ къ Сигизмунду договоръ объ избраніи его сына, были поставлены Филаретъ Никитичъ и кн. Вас. Вас. Голицынъ. Назначеніе этихъ лицъ состоялось не безъ вліянія Жолкѣвскаго, начальника находившагося подъ Москвою польскаго отряда. Удаленіе изъ Москвы Голицына и Филарета было въ польскихъ интересахъ: первый являлся сильнѣйшимъ изъ выдвинутыхъ передъ тѣмъ русскихъ кандидатовъ на престолъ, второй—былъ лицомъ также очень искуснымъ въ московскихъ дѣлахъ, и

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, II, № 147; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, ч. I, стр. 83, 96; Акты Археографической Экспедиціи, II, № 160; Лѣтопись Бера у Устрялова, Сказанія о Димитріи Самозванцѣ. Спб., 1837, I, 144; Платоновъ, Очерки, изд. 1910 г., 229—291.

отцомъ другого кандидата, имѣвшаго не мало шансовъ: и на В. В. Голицына, и на М. Ѳ. Романова, какъ на желательныхъ кандидатовъ, указывалъ самъ патріархъ Гермогенъ. Въ переговорахъ посольства съ поляками подъ Смоленскомъ Филаретъ выступилъ мужественнымъ защитникомъ интересовъ Россіи и православной вѣры противъ польскихъ притязаній, шедшихъ гораздо дальше того, на что соглашались русскіе, избирая Владислава, и ему пришлось вынести не мало лишеній и оскорбленій. Въ концѣ концовъ поляки, не добившись отъ главныхъ пословъ признанія своихъ требованій, насильно, при неблагопріятныхъ условіяхъ, отправили Филарета съ товарищами въ Польшу, куда повезли и всю семью князей Шуйскихъ [1]).

Марѳа Ивановна съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣ захвата Филарета Никитича тушинцами переѣхала, еще при царѣ Василіи, въ столицу. Здѣсь она выдала свою дочь Татьяну Ѳеодоровну за родственника Шуйскаго, кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго. Со вступленіемъ въ Москву польскаго отряда, необдуманно впущеннаго боярскимъ правительствомъ, и особенно, когда обступили ее ополченія, пришлось нелегко жить здѣсь молодому Романову, какъ лицу, котораго ранѣе уже называли кандидатомъ на престолъ. Не имѣя возможности, по молодости Михаила, настоять на включеніе его въ составъ Великаго посольства къ Сигизмунду и такимъ образомъ удалить его изъ Москвы въ польскій станъ, польскіе руководители не преминули, конечно, установить за нимъ, какъ возможнымъ соперникомъ Владислава, особо строгій надзоръ. По свидѣтельству Утвержденной грамоты, «наипаче всѣхъ враги злодѣи тѣснили и во всякой крѣпости и за приставы крѣпкими держали Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева съ матерью его»; Гонсѣвскій и нѣкоторые русскіе измѣнники «и гладомъ, и всякими разными тѣснотами душу праведнаго мучаще и домышляхуся, какъ бы его (Михаила), аки агнца незлобиваго, смерти предати» [2]). Нѣкоторое попеченіе о немъ могли имѣть бывшіе въ составѣ семичленной думы Иванъ Никитичъ Романовъ и Ѳед. Ив. Шереметевъ, стараніями которыхъ онъ, вѣроятно, и былъ выпущенъ изъ Кремля

---

[1]) Żołkiewski, 1861, 72, 84—85, переводъ, первое изданіеъ 126—127, 146—148, переводъ, второе изданіе, 74—75, 86—87; Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, II, 20 и слѣд.; наше изслѣдованіе: «Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ», т. I. гл. I—II. Мнѣніе К. Н. Бестужева-Рюмина (его Письма о Смутномъ времени. Спб., 1898) о «политикѣ Никитичей» и о руководственномъ вліяніи Филарета въ событіяхъ этой эпохи едва-ли не преувеличено.

[2]) Утверженная грамота, 40—41.

вмѣстѣ съ матерью. По освобожденiи, Мароа и Михаилъ поспѣшили[1]) уѣхать въ свои костромскiя вотчины[2]).

Ко времени созыва избирательнаго земскаго собора родъ бояръ Романовыхъ имѣлъ, такимъ образомъ, всего троихъ представителей: Филарета Никитича, митрополита ростовскаго и главу Великаго посольства, Ивана Никитича, состоявшаго членомъ прежняго временнаго правительства, семичисленной боярской думы, и юнаго Михаила Ѳеодоровича, 16-лѣтняго сына Филарета[3]), укрывшагося съ своею матерью въ родовыхъ костромскихъ имѣнiяхъ. Благодаря прежней своей многочисленности и своему положенiю, фамилiя Романовыхъ была соединена родствомъ или свойствомъ съ многими видными родами, какъ носившими княжескiе титулы, такъ и нетитулованными. Къ первымъ принадлежали князья Черкасскiе, Лыковы-Оболенскiе, Сицкiе, Катыревы-Ростовскiе, Троекуровы, Львовы и др., приходился имъ въ свойствѣ и князь Мстиславскiй; изъ нетитулованныхъ ближе стояли Морозовы, Репнины, Карповы, Головины, Салтыковы; два брата Салтыковыхъ, Борисъ и Михаилъ Михайловичи, близкiе родственники Мароы Ивановны, «съ нимъ, государемъ, жили въ Ипатцкомъ монастырѣ», въ пору прихода туда посольства съ приглашенiемъ его на престолъ[4]); они оба подписались на Утвержденной грамотѣ собора[5]), въ которомъ предъ тѣмъ, очевидно, участвовали.

VII.

Обстоятельства, благопрiятствовавшiя избранiю Михаила Ѳеодоровича. Землевладѣнiе бояръ Романовыхъ.

Какъ мы видѣли, родъ бояръ Романовыхъ—коренной русскiй родъ, изстари стоявшiй на верхнихъ ступеняхъ придворнаго и служилаго класса.

---

[1]) «Того же дня». Дополненiя къ Дѣянiямъ Петра Великаго II, 328.

[2]) Утвержденная граммота, 43. Объ отбытiи ихъ именно въ костромскiя вотчины свидѣтельствуетъ и рядъ другихъ источниковъ.

[3]) Въ спискѣ чиновъ царствованiя Василiя Шуйскаго, хранящемся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстицiи, значится среди стольниковъ: «Михайло Ѳедоровъ сынъ Романовъ». Онъ стоитъ между Александромъ Андреевымъ сыномъ Нагово и княземъ Александромъ Тимоѳеевымъ сыномъ Трубецкимъ. Отдѣлъ Разныхъ столовъ Разряда, № 139, Денежнаго стола: «Списокъ бояръ, и околничихъ, и приказныхъ людей, столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ съ Москвы и съ городовъ выборъ 115 году» (1607 г.), л. 13. См. Приложенiе, № I. Это—самое раннее упоминанiе о государственной службѣ Михаила Ѳеодоровича Романова.

[4]) Изборникъ, 357.

[5]) Утвержденная грамота объ избранiи, 77, 78.

Онъ искренно и твердо несъ свою службу Московскому государю и государству и, возрастая въ своемъ значенiи вмѣстѣ съ ихъ ростомъ, занялъ особенно видное положенiе въ пору расцвѣта московской государственности. Изъ этого рода была и первая русская царица. Событiя, переживаемыя государствомъ съ прекращенiемъ московской династiи, роковымъ образомъ отражались и на этомъ родѣ; судьбы государства и рода какъ бы сливались.

Поэтому, какъ только въ Москвѣ задумывали возстановленiе государственности на ея прежнихъ лучшихъ основахъ, одновременно возникала мысль о кандидатурѣ изъ рода Романовыхъ. Она промелькнула послѣ смерти послѣдняго государя изъ угасшей династiи, Ѳеодора Ивановича; отразилась въ народной молвѣ въ пору домогательства престола Василiемъ Шуйскимъ; яснѣе же и опредѣленнѣе сказалась она передъ грозившимъ наступленiемъ полной государственной разрухи. Изъ словъ проницательнаго гетмана Жолкѣвскаго явствуетъ, что изъ двухъ кандидатовъ, которыхъ послѣ сверженiя Шуйскаго выдвигалъ Гермогенъ, лично патрiархъ предпочиталъ кандидатуру Михаила Ѳеодоровича и что «къ патрiаршему мнѣнiю болѣе склонялся народъ» [1]). Прямо и безповоротно мысль объ избранiи царя изъ рода Романовыхъ должна была получить свое осуществленiе, когда русскiе люди, утомленные и наученные бѣдствiями смуты, собрались для рѣшительнаго возстановленiя своей государственности.

Мотивомъ, для всѣхъ понятнымъ, служило здѣсь родство Романовыхъ съ прежней династiей. Событiя Смутнаго времени дали сильный толчокъ къ эволюцiи общественно-политическихъ понятiй; но вотчинный взглядъ на государство еще жилъ, а мысль о выборномъ царѣ не мирилась съ этимъ взглядомъ. При такихъ условiяхъ воцаренiе, по соборному избранiю,

---

[1]) «Patryarcha solicytował, żeby (a podawał ze dwóch jednego) obrali, albo kniasia Wasyła Galiczyna, albo Mikitycza Romanowa, syna metropolity rostowskiego; chłopiec to był w piętnastym może roku. Ta była tego rekomendacya, że metropolit rostowski, jego ojciec, brat był wujeczny cara Fedora, gdyż cara Fedora, car Iwan tyran spłodził był z siostry rodzonej Mikity Romanowicza, a Mikity Romanowiczowsyn, to metropolit rostowski. Więcej jednak za patriarczynym zdaniem studia populi, a duchowieństwo wszystko prawie na Galicyna inclinabat». Pisma Stanisława Żołkiewskiego. Lwów, 1861, 72—73, въ изданiи Муханова. М., 1835, 126—127, русскiй переводъ изд. 1871 г., 74—75. Князь В. В. Голицынъ, очевидно, убѣдившись въ несбыточности своей кандидатуры, проявилъ крайнее усердiе въ проведенiи кандидатуры королевича. Нашъ сборникъ «Къ исторiи Смутнаго времени». М., 1913, I, № 11. О кандидатурѣ Романовыхъ послѣ кончины Ѳеодора Ивановича см. выше, VI гл. О слухахъ послѣ смерти Лжедимитрiя I, что «правителемъ долженъ стать одинъ изъ Романовыхъ», Чтенiя въ Императорскомъ Обществѣ Исторiи и Древностей Россiйскихъ, 1893, I, Датскiй Архивъ, 300—301.

лица, имѣющаго родственныя связи съ ранѣе царствовавшимъ домомъ, представлялось, безусловно, болѣе естественнымъ, чѣмъ воцареніе лица, чуждаго прежнимъ государямъ. Въ поискахъ кандидата на престолъ идея «природнаго» царя стала путеводною звѣздою; родство съ царствовавшимъ домомъ получало первенствующее значеніе при опредѣленіи права на московскій престолъ.

Младшій представитель Романовыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ «благоцвѣтущею отраслью отъ благороднаго, благочестиваго корени», какъ сынъ родного племянника законной супруги государя Ивана Васильевича, царицы Анастасіи Романовны, «а царю Ѳеодору Ивановичу племянникъ» [1]).

Царская власть была выношена русскою историческою жизнью. Изъ области узкихъ хозяйственныхъ интересовъ она постепенно возвышалась до интересовъ общенародныхъ. Московскій князь-вотчинникъ сталъ представителемъ всей Руси, выразителемъ высшихъ народныхъ стремленій, органическимъ воплощеніемъ идеала внѣшней безопасности и независимости, внутренняго объединенія и благополучія. Отсюда, по народному сознанію, образовалась близость царя ко всѣмъ и близость всѣхъ къ нему. Родъ или лицо, не пользующееся широкимъ народнымъ расположеніемъ и довѣріемъ, не могло бы положить прочнаго начала новой династіи. Всѣ выступавшіе на избирательномъ соборѣ титулованные кандидаты, независимо отъ ихъ частныхъ свойствъ, отличались аристократическою сословностью, удалявшей ихъ отъ народныхъ массъ; самъ кн. Пожарскій далеко не былъ чуждъ этихъ исключительныхъ тенденцій, и къ нему было очень не расположено большинство казаковъ.

Между тѣмъ популярность рода Романовыхъ въ населеніи была велика. Зародившись издавна, она развилась во времена царицы Анастасіи и Никиты Романовича. Бѣдствія, постигшія Романовыхъ при Годуновѣ и въ смуту, представлялись населенію незаслуженными. И какъ Анастасію Романовну сближали съ народомъ не одни ея добрыя свойства, но еще, и едва ли не сильнѣе, испытанныя ею страданія отъ бояръ, такъ и эти невзгоды съ любимыми «Никитичами» поднимали новую волну сочувствія къ нимъ и закрѣпили за ними народное расположеніе.

---

[1]) На это настойчиво указывается и въ оффиціальныхъ, и въ частныхъ памятникахъ. Признавалось, что подобаетъ «быти ему (Михаилу Ѳеодоровичу) царемъ сродственнаго его ради союза царскихъ искръ». Русская Историческая Библіотека, XIII, 130.

Между Романовыми и народомъ, который самъ переживалъ столько тягостей и бѣдствій, крѣпла особая нравственная связь. Ее не нарушило и поведеніе старшихъ представителей рода въ противорѣчиво-мѣнявшихся событіяхъ смуты. Истинный характеръ ихъ образа дѣйствій въ это время не всегда выявлялся для болѣе или менѣе широкихъ круговъ населенія; напримѣръ, пребываніе Филарета Никитича въ Тушинѣ рисовалось значительной части земщины, какъ настоящій плѣнъ [1]), какъ новое тяжелое испытаніе, постигшее главу любимой фамиліи. Нѣсколько позже Филарету, въ качествѣ члена Великаго посольства къ Сигизмунду, пришлось дѣйствительно не мало потерпѣть при защитѣ интересовъ Россіи и православной вѣры противъ польскихъ притязаній. Юному сыну его, уже вовсе непричастному къ дѣламъ смуты, выпало на долю испытать не мало тяжелаго во время пребыванія подъ бдительнымъ надзоромъ въ занятой поляками, а затѣмъ осажденной таборами и ополченіемъ Москвѣ. На немъ-то и сосредоточились народныя симпатіи.

На сторонѣ Романовыхъ было расположеніе не только земскихъ слоевъ населенія, но и казацкихъ. Среди этихъ послѣднихъ зародилась оно, какъ упомянуто выше, еще при Никитѣ Романовичѣ, вѣроятно, въ бытность его начальникомъ обороны южныхъ окраинъ. Пребываніе Филарета Никитича въ Тушинѣ въ качествѣ нареченнаго патріарха могло придать еще болѣе популярности фамиліи Романовыхъ въ казацкихъ кругахъ. Между тѣмъ для умиротворенія страны безусловно требовалось, чтобы при избраніи царя были приняты во вниманіе симпатіи, кромѣ земщины, еще и казачества, которое занимало южныя и юго-восточныя окраины государства и имѣло тогда большую силу также и въ столицѣ. И если на Михаила Ѳеодоровича первымъ указалъ, чтимый въ земщинѣ, патріархъ Гермогенъ, руководясь тѣмъ, что «его отецъ, митрополитъ ростовскій, былъ двоюродный братъ царя Ѳеодора», то, также еще до созыва избирательнаго собора, «примѣривало Филаретова сына» и казачество [2]). Отъ другого своего кандидата, сына «царя Тушинскаго», казаки отступились потомъ именно въ пользу Михаила Ѳеодоровича.

---

[1]) Самъ патріархъ Гермогенъ въ своихъ грамотахъ представлялъ его плѣнникомъ. Акты Археографической Экспедиціи, II, стр. 228.

[2]) О томъ, что Гермогенъ выставлялъ кандидатуру Михаила Ѳеодоровича, см. выше, 51 стран., примѣчаніе. Показаніе смоленскаго сына боярскаго Ивана Философова, въ ноябрѣ 1612 г. захваченнаго въ плѣнъ поляками: «kazaki die howorat, cztob obrat koho iz ruskich boiar, a prymierywaiut Filaretowa syna»... A. Hirschberg, Polska a Moskwa, 363.

Судьбы фамиліи Романовыхъ не могли оставаться чуждыми и безразличными для широкихъ круговъ населенія потому еще, что Романовы въ качествѣ крупныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ были своими людьми во многихъ мѣстностяхъ государства [1]). Значительными для своего времени землевладѣльцами были уже предки царицы Анастасіи [2]); вступленіе въ родство съ царствующимъ домомъ должно было содѣйствовать дальнѣйшему росту матеріальнаго благосостоянія этой фамиліи. Особенно обширными были владѣнія у Никиты Романовича: выдающаяся государ-

---

[1]) Изъ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи обширныхъ матеріаловъ по землевладѣнію рода Романовыхъ часть относится ко времени до 1613 года и непосредственно можетъ служить къ изображенію экономическаго положенія фамиліи Романовыхъ передъ избраніемъ; но документы, относящіеся и къ позднѣйшему времени (а такихъ громадное большинство), нерѣдко могутъ служить той же цѣли или прямо (если содержатъ свѣдѣнія о прежней судьбѣ того или иного владѣнія), или косвенно (давая основаніе ставить вопросъ, не принадлежало ли извѣстное владѣніе Романовымъ и до 1613 года). Кромѣ издаваемыхъ Архивомъ документовъ, здѣсь приняты нами во вниманіе главнымъ образомъ «Писцовыя книги XVI в.», изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и послѣднія работы П. Г. Васенка и капитана корпуса военныхъ топографовъ М. Я. Кожевникова. Г. Кожевниковъ любезно предоставилъ въ наше распоряженіе сдѣланный имъ Списокъ старинныхъ владѣній дома Романовыхъ (въ рукописи) и карту, на которой имъ же отмѣчены эти владѣнія. Впослѣдствіи вопросъ о землевладѣніи Романовыхъ по матеріаламъ Архива явится предметомъ особаго изслѣдованія.

[2]) Какъ это можно заключить, между прочимъ, по обширности земельнаго дара, который сдѣлала невѣстка Ѳеодора Кошки (жена его сына Ѳеодора Голтяя) Марія своему правнуку князю Борису Васильевичу Волоцкому. Собр. г. гр. и д. I, № 86, стр. 203-204, также № 97, стр. 235; переизд. въ Сборникѣ Архива.—Въ числѣ древнѣйшихъ, относящихся до землевладѣнія предковъ Анастасіи, документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи сохранилась данная Захаріи Ивановича Троицко-Сергіеву монастырю на «село Нерехотцкое и з деревнями и съ пустошьми, и с лѣсомъ, и с пожнями, и со всѣмъ с тѣмъ, что к нему потягло, да и съ серебром, и съ хлѣбом, и съ животиною» и на «варницю... оу Нерехотьские Соли и з дворомъ с варничным». Грамоты Коллегіи Экономіи, № 4982, и Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. IV, отдѣленіе II, стр. 124. Сохранившіяся въ Архивѣ свѣдѣнія о землевладѣніи предковъ Анастасіи въ Переяславскомъ уѣздѣ относятся частью ко времени еще болѣе раннему. Такъ, по этимъ свѣдѣніямъ, Иванъ Ѳеодоровичъ Кошкинъ владѣлъ въ Кистемскомъ станѣ указаннаго уѣзда селомъ Былцинымъ съ деревнями; это село досталось затѣмъ сыну Ивана Захарію, отъ котораго перешло къ дьяку Кіевскаго митрополита Іоны Андрею Ярлыку; послѣднимъ Былцино было пожертвовано Московскому Симонову монастырю (Гр. Кол. Экон. 8738). Изъ Переяславскихъ деревень, принадлежавшихъ, повидимому, уже Ивану Ѳеодоровичу, особо упоминается о «деревенькѣ съ лѣсомъ на Хупанѣ-горѣ» въ Усольскомъ станѣ; ее пожертвовали дѣти Ивана въ Троицко-Сергіевъ монастырь (Гр. Кол. Эк. 8728, 8759). Тому же монастырю одинъ изъ сыновей Ивана, Ѳедоръ, пожертвовалъ находившіяся въ Кистемскомъ станѣ «пустоши Мясищевскіе» (Гр. Кол. Эк. 8727). Деревня Кобылино Моск. у. принадлежала Соломонидѣ Ивановнѣ Кошкиной, праправнукѣ Андрея Кобылы, и была потомъ пожертвована Московскому Успенскому Собору.

ственная дѣятельность царскаго шурина и расположеніе къ нему государя естественно сопровождались и большимъ земельнымъ обогащеніемъ[1]). Въ самой Москвѣ у него было нѣсколько владѣній; часть одного изъ нихъ, на Варваркѣ, нынѣ занята «домомъ бояръ Романовыхъ». Только въ двухъ уѣздахъ, въ Московскомъ и Коломенскомъ, онъ владѣлъ, между прочимъ, селами Измайловымъ, Рубцовымъ, Чашниковымъ, Филисовымъ, Степановымъ, Лысцовымъ-Цѣпѣевымъ, и при нихъ нѣсколькими тысячами десятинъ одной пашенной земли[2]).

Громаднѣйшія вотчины Никиты Романовича лежали сѣвернѣе Москвы, въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи. Таковы Тургиново и Хабоцкое. Первое тянулось на десятки верстъ по рѣкѣ Шошѣ, съ ея громадными поемными лугами и большими лѣсами, дававшими здѣсь благосостояніе; самое село Тургиново—верстахъ въ 40 отъ Твери, въ ея уѣздѣ[3]). Хабоцкое лежало по направленію къ Бѣжецкому Верху, въ мѣстности возвышенной. Къ Никитѣ Романовичу оно, какъ родовое, перешло отъ

---

[1]) Обогащеніе это могло облегчаться выводомъ крупныхъ титолованныхъ земельныхъ владѣльцевъ изъ ихъ имѣній въ пору опричнины.

[2]) Въ Писцовой книгѣ 1585—1586 годовъ за Никитою Романовичемъ значатся въ Васильцовѣ стану Московскаго уѣзда села Измайлово, Рубцово, и при обоихъ этихъ селахъ 7 деревень живущихъ, три пустоши, 985 слишкомъ десятинъ пашни (включая перелогъ). Въ Монатьинѣ, Быковѣ и Коровинѣ стану было у него, по той же книгѣ, обширное владѣніе, въ составъ котораго входило село Чашниково (съ каменной двухпрестольной церковью о пяти верхахъ), сельцо Филисово, 9 живущихъ деревень, 24 пустоши, селище, 1282 ½ десятинъ пашни (включая перелогъ и лѣсную поросль), значительные сѣнокосы, лѣсъ. Въ сосѣднемъ съ Московскимъ, Коломенскомъ уѣздѣ, въ Бол. Микулиномъ станѣ Никитѣ Романовичу принадлежали села Степаново и Лысцово-Цѣпѣево, 4 деревни, 2 пустоши, пашни 1633 ½ десятинъ, сѣнокосы, лѣсъ; въ селѣ Степановѣ находились «2 пруда съ рыбою, а на прудѣ же мельница нѣмецкая, а въ селѣ церковь Благовѣщенія Пречистые Богородицы, камена, да 2 предѣла». Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Подлинныя писцовыя книги, кн. 255, ст. 7, л. 7—8; кн. 257, лл. 754, 474, об.—484; кн. 200, лл. 289 об.—293, и др.

[3]) О принадлежности Тургинова Никитѣ Романовичу въ 1580 году: Писцовыя книги по Твери, 16056/1, л. 30. Ср. «Писцов. кн. XVI в.», II, 40. Тургиново въ 1628 году называется старинною вотчиною Ивана Никитича (Выпись изъ писц. книги 1628 г. въ дѣлахъ мол. л. по Москвѣ, кн. 51, д. 10, лл. 51—57). При Иванѣ Никитичѣ въ селѣ была деревянная церковь св. Никиты Великомученика. Послѣ него Тургиновская вотчина перешла къ его вдовѣ и сыну Никитѣ, а по смерти Никиты была отписана на государя. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ (1682 г.) ее матери второй жены своей, Домнѣ Апраксиной съ дѣтьми. При Тургиновѣ было въ то время 34 деревни; «опричь дворовой, и огородной, и огуменной земли», и большихъ луговъ, считалось пахатной земли церковной 25½ дес., государевой 90 дес., крестьянской 307½ дес.; «лѣсу поверстнаго и болотъ въ длину на тридцать на пять верстъ, а поперегъ на тридцать на одну версту»; кромѣ того, «къ тому же селу и къ деревнямъ» принадлежало 89 пустошей и 10 починковъ, а въ нихъ «пашни паханые и перелогу и лѣсомъ пашеннымъ и непашеннымъ поросло» 678 десятинъ, да поверстнаго лѣсу въ длину на 8 верстъ,

двоюроднаго его брата Василія Михайловича Юрьева, для котораго оно было уже «старинною вотчиной»[1]. Западнѣе, за предѣлами Замосковья, было у Никиты Романовича владѣніе въ Вязьмѣ.

Въ восточной части Замосковья были расположены, между прочимъ, слѣдующія вотчины Никиты Романовича: Петровское, Клины, Смердово (приблизительно на юго-западъ отъ Юрьева-Польскаго), Лычево (на востокъ отъ того же города), Кишлеево (между Юрьевымъ и Владиміромъ), Заколпье, Георгіевское (на западъ отъ Мурома). Сѣвернѣе, около Нерехты, лежала вотчина Никиты Романовича Денисовское. Далѣе, въ сѣверо-восточной части Замосковья, въ уѣздахъ: Галичскомъ, Чухломскомъ и Солигаличскомъ, сосредоточены были весьма значительныя его владѣнія: Анофріево, Шулева, Зосима-Савватій, Никола Мокрый, Степурино, разныя села и деревни Верховской волости, и проч.[2]).

Сохранились свѣдѣнія о земельныхъ владѣніяхъ этого боярина и въ Новгородскомъ краѣ: въ Буряжскомъ погостѣ Шелонской пятины, въ Ивановскомъ погостѣ Вотской пятины и въ Обонежской пятинѣ. Люди его жили и занимались разными промыслами въ самомъ Новгородѣ.

Значительное количество земель принадлежало Никитѣ Романовичу въ южныхъ уѣздахъ. Многія изъ здѣшнихъ владѣній были пріобрѣтены имъ, надо думать, въ пору завѣдыванія обороною южныхъ окраинъ. Въ Каширскомъ уѣздѣ онъ владѣлъ с. Рождественнымъ съ 6 деревнями и 1 пустошью, 1518 десятинами пахатной земли, сѣнокосами, лѣсомъ. Въ Калужскомъ краѣ лежали владѣнія Никиты Романовича: Карамышово, Спасское; въ Рязанскихъ предѣлахъ—весь городокъ Скопинъ, къ западу

а поперекъ на 4½ версты среди пустошей были Шемякино и Никиткино (Выпись изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ, выданная Домнѣ Богдановнѣ, л. 124 слл). Впослѣдствіи Тургиново перешло во владѣніе къ другимъ фамиліямъ. Теперь крупными мѣстными помѣщиками являются Неплюевы. Церковь нынѣ каменная Покрова Богородицы; о прежней напоминаетъ образъ св. великомученика Никиты, почти во весь ростъ, на входной двери въ алтарь праваго придѣла. Село стало и торговымъ. Часть его прежнихъ деревень составляетъ приходъ села Николо-Городищевскаго, бывшаго въ XVII вѣкѣ приселкомъ Тургинова; земля въ этомъ приходѣ вся крестьянская.

[1]) О Хабоцкомъ см. ниже, 58—60.

[2]) Документальныя данныя о перечисленныхъ сейчасъ владѣніяхъ Никиты Романовича относятся также и ко времени его сыновей и даже болѣе позднему. Въ частности о Смердовѣ и Клинахъ см. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Писцовыя книги по Юрьеву-Польскому 12466, лл. 419—424; дѣло упраздненнаго Юрьевъ-Польскаго уѣзднаго суда, по 1-й описи изъ вязки 6 № 87; дѣла молодыхъ лѣтъ по Москвѣ кн. 38, д. 19, лл. 27 об.—23, 102—110; см. также брошюру Г. С. Ш., Юрьевъ-Польскій и Романовскія вотчины Смердово и Клины. М., 1912. О Денисовскомъ Грамоты Коллегіи Экономіи 5364, 5193. О владѣніяхъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ Писцовая книга по Торжку 11463, лл. 814—823, и др.

отъ него—Кремлево, къ востоку отъ того же города—Вослеба; затѣмъ къ югу отъ Данкова—Романово, Мокрое, у Ельца—Черное, между Ельцомъ и Липецкомъ—Студенецъ, къ югу отъ Липецка—Сырское и далѣе—Троицкое [1]).

Земельныя владѣнія Никиты Романовича не ограничивались указанными. Въ общемъ онъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ своего времени, однимъ изъ тѣхъ «сильныхъ людей», на земли которыхъ стремилось крестьянство отъ мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ расчетѣ на болѣе значительную экономическую поддержку. И сами такіе владѣльцы съ успѣхомъ принимали мѣры къ привлеченію въ свои имѣнія крестьянъ изъ округи. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи сохранилось любопытное дѣло отъ 1628 года по челобитью ельчанъ «всякихъ чиновъ людей» на Ивана Никитича Романова и его людей и крестьянъ. Изъ дѣла этого видно, какихъ значительныхъ размѣровъ достигали вывозъ крестьянъ изъ другихъ имѣній уѣзда въ имѣнія Ивана Никитича и отказы крестьянъ отъ другихъ владѣльцевъ для перехода къ нему же [2]). Несомнѣнно, подобныя явленія происходили уже и при Никитѣ Романовичѣ [3]). Многихъ привлекала на его земли та безопасность отъ возмездія за прежнія правонарушенія, которую могъ при желаніи предоставить вліятельный бояринъ поселившимся въ его владѣніяхъ людямъ. Самый фактъ такой возможности отмѣтила народная пѣсня, идеалистически объяснивъ его тѣмъ, что Грозный выдалъ своему любимому шурину особую грамоту, согласно которой

---

[1]) О новгородскихъ владѣніяхъ Никиты Романовича см. Вотчинныя конт. кн. 8/772, лл. 156—158 (ввозная грамота... боярину Никитѣ Романовичу Юрьеву на Васильево помѣсье Грязного въ Бурегахъ), кн. 13/777, лл. 32—35 (двѣ пустоши въ Обонежской пятинѣ) и Подлинныя Писцовыя книги 301, лл. 353 об.—355 (двѣ деревни и пустошь въ Ивановскомъ погостѣ). Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., въ Лѣтоп. занят. Археогр. Ком., XXIV. Ср. Моск. Гл. Архивъ М. Ин. Д., писцов. по Новгор., № 6, л. 508; «Новгор. Писц. кн.», VI, 466, 711; Н. В. Мятлева въ «Извѣст. Рус. Генеалог. Общ.» 1902 г., вып. 2. О Рождественномъ см. «Писцовыя книги XVI в.», т. II, стр. 1488—1489. О южныхъ владѣніяхъ Никиты Романовича см. между прочимъ (относящіяся къ позднему времени) Подлинныя писцовыя книги 229, 230 и 396, а также упоминаемое ниже дѣло, составляющее Приказнаго стола столбецъ № 30.

[2]) Столбецъ Приказнаго стола № 30. Дѣло это изслѣдуется Е. Д. Сташевскимъ. Еще ранѣе этого, «при государевѣ обиранье» (т. е. 1613 г.), сошли изъ Печерниковъ въ рязанскія вотчины Никиты Ивановича казаки и стрѣльцы съ ихъ семьями; хотя эти бѣглецы были потомъ открыты (1641 г.), однако «Скопина городка (принадлежавшаго Никитѣ Ивановичу) приказной человѣкъ тѣхъ казаковъ и стрѣльцовъ не отдалъ». Подлин. писцовая книга 223, лл. 152—152, 164—166.

[3]) Прямыя указанія сохранились о выходѣ къ Никитѣ Романовичу крестьянъ изъ разныхъ деревень Воловицкой волости Тверского уѣзда. Писцов. кн. по Твери, 16051/1, лл. 23, 29—31

Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ;
А кто у жива мужа жену уведетъ
И уйдетъ во село во боярское
Ко старому Никитѣ Романовичу—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ [1]).

По смерти Никиты земельныя его владѣнія перешли по обычаю къ его дѣтямъ. Своихъ имѣній дѣти не сосредоточивали въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ. Александръ и Василій Никитичи владѣли, между прочимъ, с. Денисовскимъ, въ Костромскихъ предѣлахъ, и г. Скопиномъ съ селомъ Вослебою, четырьмя деревнями, двумя починками и слободкою; въ Пронскѣ у Александра Никитича стоялъ самый большой въ этомъ городѣ осадный дворъ, занимавшій 726 кв. саженъ [2]). При «Никитичахъ» общая масса земельныхъ владѣній Романовыхъ увеличивалась. Среди вотчинъ, взятыхъ Өеодоромъ Никитичемъ за женою, было извѣстное село Домнино въ Костромскомъ уѣздѣ [3]). Разгромъ фамиліи Романовыхъ Годуновымъ сопровождался, какъ мы видѣли, конфискаціей ихъ земельныхъ богатствъ, но при Лжедмитріи I Романовы были повозстановлены въ своихъ имущественныхъ правахъ.

Въ числѣ другихъ имѣній, Михаилу Өеодоровичу принадлежала въ 1612 году родовая вотчина Романовыхъ, село Хабоцкое, съ деревнями, въ нынѣшней Тверской губерніи, въ Весьегонскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ Бѣжецкимъ. Послѣ Никиты Романовича она была «за сыномъ его за бояриномъ Өедоромъ Никитичемъ Романовымъ», отъ котораго пере-

---

[1]) Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. 3, стр. 232. Ср. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Спб., 1867, IV, 84—85.

[2]) Писцовая (Платежная) книга по Рязани и Ряжску, 7104—7106 гг., кн. 396, л. 494 об. 495; Приправочная книга по Пронску 7105 и 7106 г. кн. 354, л. 9 об.

[3]) Домнино принадлежало уже дѣду Ксеніи Василію Михайловичу, затѣмъ перешло, вмѣстѣ съ другими костромскими владѣніями, къ брату послѣдняго, Юрію; по смерти Юрія его костромская вотчина была раздѣлена между сыновьями Василія, Иваномъ (отцомъ Ксеніи) и Петромъ. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи сохранилась (въ копіи 1684 г.) запись объ этомъ раздѣлѣ. Ивану досталось село Домнино съ 9 деревнями, 11 пустошами «и со всѣмъ съ тѣмъ угодіемъ, что̀ къ тому селу и хъ деревнямъ и хъ пустошамъ истори потягло, куды ходилъ топоръ, и коса, и соха, и плугъ»; къ Петру перешли сельцо Шипилово со всѣмъ, что̀ къ тому селу тянуло; мельница подъ Домнинымъ становилась общей собственностью братьевъ. Позже обѣ указанныя вотчины вновь соединились въ рукахъ Ивана Васильевича. Къ составу Костромской вотчины, принесенной Ксеніею Ивановной въ приданое Өеодору Никитичу, принадлежалъ, между прочимъ, «на Костромѣ въ городѣ позади Здвижонского монастыря дворъ». Въ 1631 году Домнино было пожаловано Мареою Ивановною въ Московскій Новоспасскій монастырь (Грамоты Коллегіи Экономіи, 7878, лл. 52—53; 4982; 5231; 5273).

шла къ Михаилу Ѳедоровичу. За Михаиломъ Ѳедоровичемъ означена она въ описи Бѣжецкаго Верха, произведенной «лѣта 7120-го (1612) іюля въ 20 день; по грамотѣ бояръ и воеводъ, столника и воеводы князя Дмитрея Михаиловича Пожарсково и по совѣту всея земли», т.-е. въ то время, когда Нижегородское ополченіе, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, готовилось къ выступленію изъ Ярославля къ Москвѣ. Въ этой описи читаемъ: «Станъ Онтоновской. Вотчина Михаила Ѳедоровича Романова село Хабацкое зъ деревнями, а въ томъ селѣ Божіе милосердіе—храмъ Рожества Христова, въ придѣлѣ Николы Чудотворца да Мины Великаго»... Это—единственное упоминаніе въ актахъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ о владѣльцѣ-вотчинникѣ, до его избранія на царство. Въ вотчинѣ поименовано 27 деревень и 41 пустошь. Тутъ встрѣчаются пустоши Кобылкино и Кошкино и деревня Юрьецово, въ названіяхъ этихъ ясно отразилась изстаринная принадлежность вотчины предкамъ Романовыхъ; названія, съ небольшими измѣненіями, сохраняются доселѣ [1]).

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, по Торжку Писцовая-дозорная книга 7120 (1612) г., № 11463, лл. 672, 814—823. См. Приложеніе, № II. Деревня Юрьецово, продолжая именоваться въ послѣдующихъ описяхъ XVII вѣка Юрьицово, названа въ Офицерской описи 1763 г. Юрьевцово, нынѣ удерживается наименованіе Юрьецево и Юрицево; рядомъ течетъ Юрьевскій ручей. Въ Офицерской описи значатся также пустоши Кобылиха (прежнее Кобылкино) и Кошкино. Нынѣ пустошь Кобылиха слыветъ также и Копылиха, пустошь Кошкино—теперь пахатное поле, у него течетъ Кошкинъ ручей (принадлежитъ дер. Струбище). Вотчина Хабоцкое съ деревнями вѣдалась на Московскомъ Старомъ Государевомъ Дворѣ (на Варваркѣ), при чемъ нѣкоторое время «въ обиходъ государыни великія старицы иноки Мароы Ивановны», послѣ смерти которой Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и патріархомъ Филаретомъ она была пожалована (1 ноября 1631 г.) Московскому Знаменскому монастырю, на этомъ старомъ Государевомъ Дворѣ. Тогда въ церкви имѣлись изъ священническихъ облаченій: «ризы да стихарь—полотняные, оплечье выбойчатое, двои патрахили, двои поручи выбойчатыя—строенье великія государыни иноки Мароы Ивановны», а на колокольнѣ висѣли колокола съ надписью: «далъ къ церкви Василій Михайловичь Юрьевъ» (Писцовыя книги, по Торжку 1612, № 11465, л. 965; переписн. кн. 1646 г., № 25, лл. 415, 448, 450, 462; Грамоты Коллегіи Экономіи, по Бѣжецку, № 1362/258, списокъ изъ писцовой книги 1631 г. 14 сент.; Офицерская опись 1763 г. № 281; Историч. описаніе Моск. Знам. мон., что на Старомъ Госуд. Дворѣ. М., 1866, гл. VII. Въ «Сборникѣ» Архива переиздается Жалованая грамота 1 ноября 1631 г. (на Хабоцкое). Весь приходъ нынѣшняго села Хабоцкаго—изъ бывшихъ государственныхъ деревень (16), названія у которыхъ старинныя. Часть его прежнихъ деревень постепенно отошла къ сосѣднему погосту Шаблыкина, у котораго теперь въ приходѣ 9 деревень бывшихъ государственныхъ, три бывшія частновладѣльческія, двѣ деревни — Захарьиха и Михалиха—изъ бывшихъ удѣльныхъ. Нынѣшняя церковь въ Хабоцкомъ каменная, построена въ перв. полов. XIX в., въ честь Рождества Христова, вмѣсто прежней, деревянной, сгорѣвшей въ 1808 г. Прихожанъ 3800 человѣкъ обоего пола; земля крестьянская. Въ Шаблыкинѣ прихожанъ 2250. Занятія—земледѣліе и отхожіе промыслы (Сборникъ Статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи, Весьегонскій уѣздъ; Клировыя вѣдомости и Лѣтописи церквей въ этихъ приходахъ).

По сосѣдству съ Хабоцкимъ лежала вотчина Шереметевыхъ Шаблыкино [1]).

Въ качествѣ землевладѣльцевъ, Романовы умѣли внушить большую любовь своимъ людямъ; подвигъ Сусанина является тому довольно убѣдительнымъ доказательствомъ [2]); да и раньше, еще въ пору слѣдствія надъ Романовыми, поведеніе людей ихъ при допросахъ свидѣтельствовало о томъ же: изъ нихъ «помираху многія на пыткахъ, государей своихъ не оклеветаху» [3]). Благодаря нахожденію значительныхъ земельныхъ владѣній Романовыхъ во многихъ мѣстностяхъ страны, число людей, лично знавшихъ эту фамилію, зависимыхъ отъ нея и матеріальными интересами связанныхъ съ нею, было очень велико. Всѣ эти условія служили не малой поддержкой для сторонниковъ избранія царя изъ дома Романовыхъ. Многочисленныхъ родственниковъ Михаила могла склонять въ пользу его избранія, помимо прочихъ соображеній, можетъ быть, и надежда на то, что въ случаѣ его воцаренія обширныя имѣнія, коихъ онъ являлся собственникомъ или наслѣдникомъ, перейдутъ къ нимъ. Страленбергъ разсказываетъ, что одно

На отношенія рода Романовыхъ къ этой вотчинѣ указываетъ и то, что въ старомъ Синодикѣ ближайшаго къ ней монастыря—Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева—записаны: «Родъ государыни и великія монахи Мареы Іоанновны», «Родъ Міхаила Юрьевича Романова» и «Родъ Романовыхъ». Въ Родѣ Мареы Ивановны записаны имена: «царицы и великія княгини Мареы, княгини Татіаны, Өеодора, Міхаила, Анөіма, Аөанасіа, Маріи, Захаріа, Іоанна, схимонахи Мареы». Въ «Родъ Міхаила Юрьевича Романова» занесены имена: «Міхаила, Романа 2, Іоанна 2, Даніила, Нікиты, княгини Өотіны, Александра, Міхаила, Василіа, Лва». Въ «Родѣ Романовыхъ» находятся имена: «Діміитріа, Іакова, Іоанна, Андреа, Григоріа, Андреа, Романа, Анастасіи, Өеодора, Симеона, Өеодора». Архивъ монастыря, Синодикъ 1685, лл. 24—25; онъ составленъ изъ прежнихъ. Другой подобный экземпляръ взятъ въ библіотеку Тверского музея. Есть извѣстіе (Игум. Антоній, Историческое описаніе Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря. Тверь, 1833 г., 43), что іеромонахъ, впослѣдствіи игуменъ этого монастыря, Іона, былъ духовникомъ Мареы Ивановны.

[1]) Она, по указанной въ предыдущемъ примѣчаніи дозорной книгѣ 1611 г., № 11463, принадлежала Ивану Петровичу Шереметеву (л. 633). Ср. Барсукова, Родъ Шереметевыхъ, II.

[2]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, № 50; см. также № 92. Костомаровъ въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ» (Отечественныя Записки, 1862, № 2) отрицалъ, что подвигъ Сусанина имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности. Мнѣніе Костомарова вызвало рядъ основательныхъ возраженій (между прочимъ, Соловьева въ газетѣ «Наше Время» 1862, № 76; см. также Исторію Россіи Соловьева, кн. II, стр. 1396—1404), обстоятельный сводъ и разборъ которыхъ сдѣланъ въ трудѣ В. А. Самарянова, Памяти Ивана Сусанина, Кострома, 1882 и (второе, исправленное и дополненное изданіе) Рязань, 1884; послѣ того Д. И. Иловайскій, Смутное время. М., 1894, 316—318. Обстоятельный обзоръ различныхъ редакцій преданія о подвигѣ Сусанина дается въ приготовляемомъ къ печати «Очеркѣ исторіи города Костромы» Л. Скворцова подъ редакціей чиновника Московскаго Архива Министерства Юстиціи Н. Г. Высоцкаго.

[3]) См. выше, гл. VI.

изъ ограничительныхъ условій, предложенныхъ Михаилу и принятыхъ имъ, обязывало его «свои имѣнія... или своимъ родственникамъ уступить, или къ государственнымъ имуществамъ присоединить»[1]. Въ этомъ сообщеніи какъ бы содержится намекъ на то, что подобный расчетъ дѣйствительно существовалъ въ извѣстныхъ кругахъ, хотя, съ другой стороны, разсказъ Страленберга и не можетъ служить безспорнымъ свидѣтельствомъ въ пользу того мнѣнія, что власть Михаила была ограничена.

Успѣху кандидатуры Романовыхъ на избирательномъ соборѣ содѣйствовало и отсутствіе среди другихъ претендентовъ лица, шансы котораго на престолъ были бы особенно значительны. Здѣсь, между прочимъ, сказывались результаты ослабленія княжатъ, произведеннаго Грознымъ. Послѣ смерти Өеодора Ивановича остались самыми видными фамиліями—изъ княжескихъ всего двѣ: Шуйскіе и Голицыны, да столько же нетитулованныхъ: Годуновы и Романовы. Смутная пора неблагопріятно отразилась и на этихъ фамиліяхъ. Годуновы погибли около трона, на который они взошли, а оставшіеся въ живыхъ изъ этой фамиліи не имѣли значенія. Изъ семьи Шуйскихъ свѣтлая личность молодого народнаго героя Скопина промелькнула блестящей, но короткой вспышкой[2], остальные члены всѣ были увезены въ Польшу. Туда же взяты были и главы остальныхъ двухъ фамилій.

Однако вопреки расчетамъ поляковъ плѣненіе Шуйскихъ послужило къ пользѣ не Польши, а Москвы. Шуйскіе, прямые потомки Владиміра Святого, происходя отъ старшаго брата Александра Невскаго, считали себя имѣвшими родовое преимущество предъ угаснувшимъ домомъ московскихъ царей (какъ шедшихъ отъ Даніила, младшаго сына Невскаго). Сочувствовавшіе Василію Ивановичу очень желали, чтобы, по сверженіи, онъ до-поры до-времени проживалъ съ братьями гдѣ-либо въ безопасномъ мѣстѣ Московскаго государства. Съ удаленіемъ же за границу Шуйскихъ, этихъ самыхъ родовитыхъ кандидатовъ на московскій престолъ, внутренняя династическая распря значительно ослаблялась и облегчался

---

[1] «Seine Güther zur Bezeugung der Gerechtigkeit und Vermeidung aller Processe mit particulair-Leuten, entweder an seine Familie abzutreten, oder solche denen Cron-Güthern einzuverleiben». Strahlenberg, 209; перев. Маркевича, 407.

[2] «На Москвѣ же плачь бысть и стонаніе веліе, яко уподобитися тому плачу, како блаженныя памяти по царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ плакаху». Никонова лѣтопись, VIII, 132, Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XIV, I, 96. Показанія о смерти Скопина-Шуйскаго и разборъ ихъ у В. С. Иконникова, Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, 1879, I, 146—147), его же—Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени. Кіевъ, 1889, 28, и у Д. И. Иловайскаго, Смутное время, 160—161, 297—298.

путь для кандидата, который отвѣчалъ свойствамъ и стремленіямъ людей, подвигнувшихся на спасеніе независимости и устроеніе своего государства. Этому должно было, противъ предположеній польской политики, помогать и удаленіе кн. Голицына и митрополита Филарета. За отсутствіемъ кн. Василія Васильевича родъ Голицыныхъ остался безъ своего руководителя. Будь въ это время въ Москвѣ Филаретъ Никитичъ, трудно было бы сказать утвердительно, не возбудились ли бы опасливыя къ нему отношенія со стороны тѣхъ, кто судилъ его при Годуновѣ и съ кѣмъ онъ долженъ былъ сталкиваться въ правленія Самозванцевъ и Василія Шуйскаго; неизвѣстно, вполнѣ ли благопріятно установились бы отношенія его съ предсѣдателемъ освященнаго собора митрополитомъ Кирилломъ... Опасенія и тренія неминуемо произошли бы еще болѣе сильныя, будь онъ не въ монашествѣ, а оставайся Ѳеодоромъ Никитичемъ. Невольное же постриженіе его властью Бориса и плѣнъ за мужественную защиту интересовъ и достоинства Россіи окружали его теперь ореоломъ мученичества и невольно направляли мысль и симпатіи къ его сыну. Народное чувство и надежды сосредоточивались и находили теперь себѣ надлежащую силу, существенно подкрѣпляемые и притѣсненіями, которыя приходилось претерпѣвать именитымъ плѣнникамъ со стороны Сигизмунда [1].

Кромѣ Михаила Ѳеодоровича находился въ Москвѣ, правда, еще другой представитель рода Романовыхъ, бояринъ Иванъ Никитичъ. Но у Михаила, какъ у сына старшаго въ родѣ, было, по тогдашнимъ понятіямъ [2], больше, чѣмъ у его дяди, правъ на престолъ, поскольку эти права обусловливались родственными отношеніями Романовыхъ къ прежней династіи. Далѣе, Иванъ Никитичъ входилъ въ составъ прежняго боярскаго правительства, столь непопулярнаго и въ земщинѣ, и въ казачествѣ. Мы видѣли выше, что на соборѣ не удержалась кандидатура ни одного титулованнаго кандидата изъ членовъ прежней семибоярщины: освободителямъ и устроителямъ Москвы казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ возводить на престолъ кого-либо изъ тѣхъ, кто впустилъ въ нее поляковъ, на очищеніе отъ которыхъ русской столицы потребовались столь тяжелыя

---

[1]) Наше изслѣдованіе—Царь Шуйскій, I, 8, 21—22, 31, 72—73, томъ II, кн. 1, № 1, кн. 2, № 1.

[2]) Ср. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1900, 164—165, 479, 504; В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883 г., 319—356, 820 и слѣд.; М. Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб., 1908 г., 140—148, и др.

жертвы, а Иванъ Никитичъ въ свое время особенно ратовалъ въ пользу того, чтобы впустить польскій отрядъ [1]). На юнаго Михаила и въ этомъ отношеніи не падало ни малѣйшей тѣни [2]).

Молодость Михаила Θеодоровича, которая при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, препятствовала бы избранію его на престолъ въ столь трудную для государства пору, теперь склоняла мнѣнія въ его пользу. Лицамъ и кружкамъ, разсчитывавшимъ сохранить или занять видное положеніе въ будущемъ правительствѣ, она, казалось, обезпечивала гораздо болѣе вліятельную роль, чѣмъ какую они могли играть при лицѣ зрѣломъ [3]). Предположеніе это, въ той или иной степени, можетъ относиться не только къ представителямъ «большихъ родовъ» и вообще членовъ боярской думы и близкихъ къ ней: молодость и неопытность кандидата могли быть восполняемы участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ всего земскаго собора, который, кстати сказать, продолжалъ мѣняясь въ своемъ составѣ, существовать много лѣтъ, во весь первый періодъ царствованія Михаила Θеодоровича, занимаясь дѣлами и внѣшней политики, и внутренняго устроенія. Та же молодость соблюла Михаила отъ личной вражды и личныхъ враговъ. Событіями Смутнаго времени люди зрѣлаго возраста слишкомъ часто ставились въ такія положенія, въ которыхъ надобно было неимовѣрное усиліе и геройство, чтобы не покривить душою, не говоря уже о вожакахъ партій, боровшихся между собою и вызывавшихъ взаимную свару и зависть. Съ полученіемъ власти, казалось, открывался имъ просторъ къ сведенію личныхъ счетовъ съ бывшими соперниками и людьми другихъ круговъ. Живы были въ воспоминаніяхъ способы дѣйствій и Годунова, и Шуйскаго. Никому не желалось повторенія этого. Народная душа устремлялась теперь къ кандидату на царство, нравственно чистому, благородному и близкому къ прежнему царскому роду.

---

[1]) «А дѣлалъ то Иванъ Никитичъ, яко человѣкъ добрый, правдивый, не вѣдаючи брата своего Филарета съ патріархомъ тайнаго совѣту» (чтобъ Владиславу не быть на Московскомъ государствѣ). Акты Западной Россіи, IV, № 209, стр. 475, 471. Ср. Жолкѣвскій, 1871 г., 89—90; Русская Историческая Библіотека, I, 680—683. Поднялось мнѣніе о немъ у москвичей снова уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича.

[2]) Нѣтъ данныхъ, чтобы самъ Иванъ Никитичъ выступалъ съ своей кандидатурой; напротивъ, сохранилось извѣстіе, что онъ содѣйствовалъ избранію своего юнаго племянника. Арсеньевскія шведскія бумаги, 26.

[3]) Извѣстно сообщеніе о письмѣ Θ. И. Шереметева къ кн. В. В. Голицыну, на счетъ сохраненія вліянія при молодомъ Михаилѣ Θеодоровичѣ. На немъ не останавливаемся, такъ какъ со времени Костомарова оно постоянно приводится и комментируется въ наукѣ. Письма не сохранилось; но заключающаяся въ немъ мысль могла принадлежать боярамъ дворцоваго круга и имѣть у нихъ свое значеніе для успѣха кандидатуры Михаила Θеодоровича.

Кромѣ того, имя Михаила напоминало недавно угасшаго народнаго любимца и надежду, Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, отчество приближало къ послѣднему царю, кроткому Ѳеодору Ивановичу, такъ что между ними устанавливалось какъ бы непосредственное преемство [1].

И въ минуты общаго народно-государственнаго и моральнаго подъема могли всѣ добровольно и единодушно склониться лишь предъ тѣмъ, кто по общему сознанію представлялся олицетвореніемъ желаннаго идеала.

VIII.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича и принятіе имъ избранія.

По преданію, занесенному въ одинъ изъ хронографовъ, на соборѣ впервые поставилъ вопросъ объ отрасли царскаго рода, какъ кандидатѣ на престолъ, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а первымъ заявилъ, что слѣдуетъ избирать Михаила Ѳеодоровича Романова, одинъ изъ галицко-костромскихъ дворянъ.

По разсказу этого хронографа, кн. Пожарскій, совѣтуясь съ членами собора объ избраніи «самодержателя всей Россіи», спросилъ ихъ: «есть ли у насъ царское прирожденіе?» Послѣ нѣкотораго общаго молчанія духовныя власти рѣшили соборне обратиться съ молитвою къ Богу и просили сроку до утра. На слѣдующее засѣданіе принесъ и предложилъ «нѣкто дворянска чина Галича града» свою «Выпись о родствѣ царевѣ». Въ ней объяснялось и доказывалось, что лицо царскаго прирожденія—Михаилъ Ѳеодоровичъ: онъ сынъ Филарета Никитича, которому царь Ѳеодоръ, какъ «братаничу своему», вручилъ скипетръ и державу, и племянникъ царя Ѳеодора, по матери сего царицѣ Анастасіи Романовнѣ, которая была супруга царя Ивана Васильевича; посему Михаилъ, заключала Выпись, «да будетъ царь, а опроче ево никто инъ не можетъ быти».

Раздались непріязненные голоса: «Кто то писаніе принесъ, кто и откуда?» Тотчасъ выступилъ «славнаго Дону атаманъ и Выпись предложилъ такову жъ». Кн. Пожарскій спросилъ его: «Атамане, какое вы писаніе предложили?»—«О природномъ государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»,—

---

[1]) «Въ прежереченнаго мѣсто збраго князя Михаила Скопина Богъ воздвиже второго Михаила»... «Воздвиже Богъ... Михаила... дяди своего наслѣдника». Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63. «Обрѣтохомъ боголичного, глаголю, Михаила, воздвижена Богомъ по благонравномъ царѣ Ѳеодорѣ». Русская Историческая Библіотека, XIII, 462.

отвѣчалъ онъ. Прочли писаніе атаманское, «и бысть у всѣхъ согласенъ и единомышленъ совѣтъ» [1]).

Приведенный разсказъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Имъ ясно указано особое значеніе, какое придавалось родственнымъ отношеніямъ кандидата къ послѣднему представителю прежней династіи и вообще праву наслѣдія по ближнему родству: не что иное, какъ родство, привело общее вниманіе и мнѣніе къ Михаилу Θеодоровичу. Намѣчаются разсказомъ тѣ двѣ народныя силы, которыя дѣйствовали въ ту пору: помѣстное дворянство съ его сѣверовосточнымъ ополченіемъ подъ водительствомъ князя Пожарскаго и казачество, первенствовавшее въ ополченіи кн. Трубецкого. Въ разсказѣ нельзя также не замѣтить косвеннаго указанія на то, что въ дѣлѣ избранія Михаила Θеодоровича большое значеніе имѣли связи бояръ Романовыхъ по землевладѣнію. Предложеніе избрать Михаила вноситъ дворянинъ изъ Галича, т.-е. уроженецъ и представитель тѣхъ краевъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, находились крупнѣйшія романовскія владѣнія и гдѣ Романовы были вполнѣ своими людьми; Марθа Ивановна, старинная костромская помѣщица, стояла въ родствѣ съ галицко-костромскими дворянами и во время собора жила съ сыномъ въ своихъ костромскихъ вотчинахъ и въ костромскомъ домѣ. Большими земельными пространствами, какъ было выше указано, владѣли Романовы на югѣ; въ верхнихъ предѣлахъ Донского бассейна развернулась популярность Никиты Романовича, подкрѣпленная отношеніями съ казацкой средой Филарета Никитича. Быстро и энергично поддерживаетъ заявленіе галицкаго дворянина именно представитель Дона.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что хотя въ хронографическомъ разсказѣ и много дѣйствительныхъ историческихъ чертъ, однако точнымъ изображеніемъ происходившаго на соборѣ при обсужденіи кандидатуры Михаила Θеодоровича онъ служить, разумѣется, не можетъ, и вообще на этотъ счетъ ничего не сохранилось протокольно-достовѣрнаго.

Сообщеніе о «выписяхъ» галицкаго дворянина и донского атамана, ихъ содержаніи и подачѣ на соборѣ—правдоподобно. То, что тамъ излагалось, не составляло домышленія какого-нибудь исключительнаго кружка;

---

[1]) Изъ хронографа кн. Оболенскаго. Хронографъ хранится въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачева (М., 1850, кн. 1, отд. VI, 35—38), гдѣ издавался И. Е. Забѣлинымъ этотъ хронографъ, данное мѣсто, по цензурнымъ условіямъ того времени, не было помѣщено; оно издано Забѣлинымъ въ приложеніи № XVII къ сочиненію «Мининъ и Пожарскій», по третьему изданію, М., 1896 г., стр. 299—300; переиздано въ Сборникѣ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи, 449—450.

судя по памятникамъ, оффиціальнымъ и частнымъ, русскимъ и иностраннымъ, разсказы о передачѣ символовъ власти царемъ Ѳеодоромъ Никитѣ Романовичу и о родствѣ Романовыхъ и самого Михаила Ѳеодоровича были извѣстны всѣмъ, кто только интересовался вопросомъ о престолонаслѣдіи. Конечно, далеко не всѣмъ они могли быть пріятны. Живѣе принималось къ сердцу дѣло Михаила Ѳеодоровича въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Романовы были своими людьми. Слишкомъ обыченъ былъ фактъ, что крѣпостные и подвластные хвастались значеніемъ своихъ господъ [1]); отблескъ славы вліятельнаго помѣщика падалъ и на сосѣдей, которые могли быть соединены съ нимъ и другими интересами. Изъ галичанъ, очевидно участвовавшихъ на соборѣ, извѣстенъ Смирной Свиньинъ [2]). Вотчина дворянина съ этой фамиліей была въ Галицкомъ уѣздѣ вблизи имѣній Романовыхъ. Замѣтимъ, что калужскій гость, Смирной Судовщиковъ съ товарищами, потомъ принесъ на соборъ сходныя писанія отъ Калуги и Сѣверскихъ городовъ; а въ Калужскомъ краѣ у бояръ Романовыхъ были, какъ извѣстно, также крупныя земельныя владѣнія. Высказываніе на соборѣ мнѣній, подобныхъ выраженнымъ въ записи, не было, очевидно, дѣломъ единичнымъ.

Чрезъ своихъ видныхъ членовъ соборъ знакомился съ мнѣніями лицъ и не входившихъ въ его составъ. Келарь Троицко-Сергіевой лавры Авраамій Палицынъ, членъ собора, жившій въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, на Троицкомъ подворьѣ, разсказываетъ [3]) о себѣ, что къ нему на подворье приходили «многіе дворяне и дѣти боярскіе и гости многихъ городовъ,

---

[1]) Человѣкъ кн. Д. М. Пожарскаго Михалко Злой въ Переяславлѣ Рязанскомъ не исполнилъ требованія (1615 г.) присланнаго изъ Москвы за сборомъ казенныхъ доходовъ Унковскаго, похваляясь, что «государь де ихъ князь Дмитрій Пожарскій указываетъ на Москвѣ государю и вездѣ онъ князь Дмитрій Пожарской», а не государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и кричалъ на Унковскаго: «ты, страдникъ, посланъ не отъ государя съ наказомъ и съ росписью, посланъ ты отъ князя Дмитрія Пожарскаго»; у приставовъ онъ отбилъ крестьянъ сосѣдняго монастыря, называя ихъ закладниками Пожарскаго. С. Б. Веселовскій, Акты подмосковныхъ ополченій, № 116.

[2]) Имени галицкаго дворянина, подавшаго на соборѣ «Выпись», преданіе не сохранило. Быть можетъ, это былъ тотъ галичанинъ Смирной Свиньинъ, который потомъ, въ концѣ апрѣля, состоялъ въ посольствѣ собора къ государю въ Троице-Сергіевъ монастырь съ просьбой объ ускореніи прибытія въ столицу (Дворцовые Разряды, I, 1189). Впослѣдствіи, въ 1648 г., за Смирнымъ Ивановымъ сыномъ Свиньинымъ зарегистрировано помѣстье въ Парфеньевскомъ окологородьѣ (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, подлинная межевая книга 108 лл. 798—800); въ Парфеньевѣ были владѣнія и Романовыхъ (переписная книга по Галичу, 7217, л. 5).

[3]) Авраамій Палицынъ, Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М., изд. 2, стр. 291, Русская Историческая Библіотека, XIII, 1235; С. И. Кедровъ, Авраамій Палицынъ какъ писатель, Русскій Архивъ, 1886, II, 504—506.— Въ настоящее время этого монастыря въ Кремлѣ нѣтъ.

и атаманы, и казаки» съ устными и письменными заявленіями о желательности избранія Михаила, и Палицынъ съ радостью передавалъ ихъ совѣты всему собору. Обращеніе къ этому посредничеству было естественно: популярность троицкихъ властей поддерживалась воспоминаніями о патріотической дѣятельности ихъ въ событіяхъ смуты. По своимъ прежнимъ разнообразнымъ сношеніямъ съ земщиной и съ казацкой средой Палицынъ имѣлъ теперь въ Москвѣ общеніе съ людьми того и другого міра.

Палицынъ и тому подобныя лица вращались внѣ собора преимущественно въ средѣ среднихъ и низшихъ слоевъ населенія. Другіе, напримѣръ бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ, дѣйствовали болѣе въ верхнихъ слояхъ общества. Живя въ Кремлѣ, Шереметевъ еще до вступленія своего въ соборъ былъ обо всемъ освѣдомленъ и могъ осторожно вести бесѣды съ нѣкоторыми изъ знати, въ качествѣ родственника Романовыхъ, ознакомляя ихъ также со взглядами митрополита Филарета и инокини Марѳы; по допущеніи его на засѣданія собора, его дѣятельность могла получить болѣе широкое примѣненіе. Возникло предложеніе, конечно, не осуществившееся, вызвать на соборъ самого Михаила. Изъ Костромы, кромѣ близкихъ къ Марѳѣ Ивановнѣ ея родственниковъ Салтыковыхъ, участвовали на соборѣ дворяне и духовные, въ томъ числѣ архимандритъ Ипатьевскаго монастыря и игуменъ Костромского Богоявленскаго монастыря. Бывшіе на соборѣ костромичи «находили Михаила по его лѣтамъ очень разсудительнымъ» [1]).

---

[1]) Присутствіе духовныхъ лицъ изъ Костромы: Утвержденная грамота, 76. О Ѳ. И. Шереметевѣ и объ отзывѣ костромскихъ дворянъ у Strahlenberg'a, Stockholm, 1730, 203—209. О предложеніи вызвать Михаила говорятъ и Страленбергъ (207), и русскіе дворяне, захваченные шведами въ плѣнъ (Арсеньевскія шведскія бумаги, 30—31); неудачу предложенія первый объясняетъ нежеланіемъ Марѳы отпустить сына и уклончивостью Шереметева, вторые—нетерпѣливымъ требованіемъ казаковъ скорѣе окончить дѣло избранія. Поэтому попытку можно пріурочить и ко времени, когда съѣхались представители прежняго правительства.

Страленбергъ ведетъ разсказъ на основаніи источниковъ, которые выходили изъ Шереметевскаго дома и которыхъ онъ самъ не видалъ, и изображеніе имъ роли Шереметева крайне преувеличено. Напримѣръ, «представлять сенаторамъ и воеводамъ» письмо митрополита Филарета (если таковое дѣйствительно было прислано изъ Маріенбургскаго замка, а не относилось къ какой-либо ранней перепискѣ) Шереметевъ, какъ человѣкъ осторожный и практичный, едва ли бы и рѣшился: предложеніе Филарета избрать кого-либо изъ собственной среды могло стать извѣстнымъ польскому правительству, которое, конечно, не замедлило и имѣло бы тогда основаніе по-своему расправиться съ «измѣнникомъ». Хорошо извѣстно, какъ крѣпко смотрѣли въ Польшѣ за заключенными Шуйскими; не мирволили и въ надзорѣ за главами Великаго посольства. Въ косвенное подтвержденіе своего мнѣнія, что Филаретъ Никитичъ «изъ плѣна руководилъ всѣмъ», К. Н. Бестужевъ-Рюминъ сообщалъ въ своихъ «Письмахъ»:

О поддержкѣ кандидатуры со стороны духовенства сохранилось, кромѣ извѣстія о дѣятельности Палицына, преданіе о видѣніи митрополиту во время избирательнаго собора. Передавалось, что «митрополитъ однажды пришелъ очень рано на соборъ и, клятвенно удостовѣряя, разсказывалъ, что онъ имѣлъ откровеніе, и, если соборъ желаетъ имѣть счастливаго правителя, то нѣтъ никого лучше и счастливѣе молодого Романова» [1]). Особенное напряженіе исторической жизни народовъ всегда вызываетъ усиленное обращеніе къ помощи сверхъестественныхъ силъ и средствъ, и въ Смутную эпоху ходило не мало разсказовъ о чудесахъ, предсказаніяхъ, видѣніяхъ [2]). Разсказы оказывали большое вліяніе; ими пользовалось духовенство, стараясь возбудить высшія чувства. Здѣсь также важно было воспоминаніе, что на Михаила указывалъ еще патріархъ Гермогенъ.

Наконецъ, успѣхъ существенно былъ обезпеченъ тѣмъ, что за Михаила Ѳеодоровича явно высказались главы правительства, вожди Трубецкой и Пожарскій. Приглашая города присылать выборныхъ съ нака-

---

«въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ Москвѣ, существуетъ дѣло Ѳедьки Щербачева, перебѣжчика, который видѣлъ Филарета въ Маріенбургѣ»; «помнится, дѣло въ Московскомъ столѣ и относится, кажется къ 1614 году»; дѣло это имъ было списано, списокъ взялъ у него Костомаровъ и не возвратилъ (Письма о Смутномъ времени. Спб. 1898 г., 33, 64). Дѣло это объ измѣнникѣ Ѳедькѣ Щербачевѣ находится въ Приказномъ столѣ Архива, № 3, части № 11, и относится къ осени 1615 года. Пойманный Щербачевъ на разспросѣ показалъ: Имѣя много исковъ въ воровствѣ, убѣжалъ съ товарищами въ Литву, въ Варшавѣ объявилъ королю, что они пріѣхали къ нему служить, за что король далъ имъ по 15 р.; королевичу онъ сказалъ, что «ему русскіе люди всѣ рады; а такова онъ слова у русскихъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ ни у кого не слыхалъ, чтобы русскіе люди королевичу были рады». Хотѣлъ онъ взяти «у Филарета митрополита къ государю грамоту, чѣмъ бы было ему вина своя покрыти». Несмотря на вниманіе къ нему короля и королевича, этого ему не удалось. «А Филарета митрополита онъ, Ѳедька Щербачевъ, видѣлъ въ Аршевѣ мимоходомъ, данъ-де ему дворъ и приставы приставлены, чтобъ русскихъ людей къ нему не припущать». И «ноября въ 16 день 7124 (1615) г. бояре приговорили измѣнниковъ Ѳедьку Щербачева и Проньку Гвоздева за ихъ измѣну и за отъѣздъ въ Литву казнити смертію— по Можайской дорогѣ посадити на колъ». Въ томъ же столбцѣ имѣется нѣсколько сходное дѣло. Вологодскій помѣщикъ Павелъ Хмѣлевскій задумалъ съ товарищами уѣхать въ Литву. «А ѣхать было имъ—показывалъ Хмѣлевскій на пыткѣ—для того, какъ бы имъ Филарета митрополита выкрасть, а думалъ онъ, Хмѣлевскій, отъѣхать съ кручины, что у него сего лѣта казаки отгромили осмеро лошадей». За это «генваря въ 24 (7122/1614 г.) государь указалъ Хмѣлевскаго сослать въ сибирскіе города». Очевидно, всѣ эти и подобныя лица не могли служить цѣлямъ передачи писемъ. О пребываніи Филарета въ Польшѣ и литература о томъ въ нашемъ изслѣдованіи— Царь Василій Шуйскій, I, 59—60, 95, 103—104, т. II, кн. 2, стр. 16. О мѣстѣ жительства Шереметева во время собора см. выше гл. III.

[1]) Strahlenberg, 207, переводъ Маркевича, 406.

[2]) Напримѣръ, Русская Историческая Библіотека, XIII, 176—186, 235—242, 243—248, 951—955, 1247—1248 и др.

зами, чтобы они могли «о государственномъ дѣлѣ говорити вольно и безстрашно», князья, видимо, давали собравшимся полную волю выражать свои мысли. Если кн. Пожарскій, еще въ качествѣ военачальника въ Ярославлѣ, долженъ былъ дѣйствовать, остерегаясь «междоусобныхъ смутныхъ словесъ», то тѣмъ болѣе осторожно старался онъ, очевидно, держать себя на соборѣ, чтобы не раздражать отношеній своимъ вмѣшательствомъ. Земская мысль о правѣ кандидата изъ «царскаго прирожденія» выступала чрезъ него на соборѣ постепенно. Не безъ причины, преданіе, записанное, очевидно, «съ народнаго голоса», рѣшеніе вопроса въ данномъ направленіи выставляетъ въ значительной степени дѣломъ кн. Пожарскаго; и народная пѣсня приписываетъ именно ему первое указаніе выбрать царемь изъ «дому Романова, Михаила сына Ѳеодоровича». Оба вождя выразили съ своими войсками полную вѣрноподданническую покорность Михаилу Ѳеодоровичу, когда онъ еще только ѣхалъ къ Москвѣ [1]).

---

[1]) См. выше, гл. IV—V и въ концѣ настоящей главы. Разсказы шведскихъ вѣстниковъ (Арсеньевскія шведскія бумаги, 27), будто Трубецкой и по преимуществу князь Пожарскій открыто высказывались и дѣйствовали противъ Михаила въ пользу иностранныхъ кандидатовъ,—понятны. Подобные разсказы очень обезоруживали шведовъ. Вѣстники говорятъ это въ 1614 году, т.-е. въ такую пору, когда оба вождя дали присягу Михаилу и когда Пожарскій преслѣдовалъ польско-литовскіе отряды Лисовскаго, а Трубецкой уже примѣнялъ свои силы противъ шведовъ. Отмѣтимъ, что въ концѣ собора и въ соборномъ посольствѣ отмѣчается большая роль архіепископа рязанскаго Ѳеодорита и зарайскаго протопопа Дмитрія (Прибавленія къ Рязанскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ, 1871 г., № 15, и Аверина біографія прот. Дмитрія), съ которыми Пожарскій былъ въ большой дружбѣ еще со времени, когда онъ служилъ въ Зарайскѣ воеводою; Ѳеодоритъ подписалъ соборную грамоту и кн. Трубецкому на Вагу. Польскіе источники приписывали съ укоромъ значеніе Минину (Соловьевъ, II, 1084, изд. 4, IX, 55), а Мининъ и Пожарскій въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ были не разлучны. Нельзя не обратить вниманія также на слѣдующее доношеніе земскаго избирательнаго собора Михаилу Ѳеодоровичу въ концѣ марта 1613 года: «И до насъ, холопей твоихъ, послалъ бояринъ князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой да столникъ князь Дмитрей Пожарской, для твоихъ государевыхъ обиходовъ, отписывать дворцовыхъ селъ пашенныхъ и посошныхъ и оброчныхъ, по приговору Кирилла, митрополита ростовскаго и ярославскаго, и всего освященнаго собору и по совѣту всеа земли; и послѣ того отъ насъ, богомольцовъ и холопей твоихъ, къ сборщикомъ писано, чтобъ они однолично съ запасы ѣхали къ Москвѣ тотчасъ наскоро». Дворцовые Разряды, I, 1083—1084. Вмѣсто первыхъ словъ: «и до насъ» и проч. въ черновой стояло, но зачеркнуто: «мы, холопи твои, Дмитрей Трубецкой да Дмитрей Пожарской, для твоихъ государевыхъ обиходовъ, послали сборщиковъ напередъ сего». Тамъ же, 1 примѣчаніе. Объ описи отчины Михаила Ѳеодоровича с. Хабацкаго по грамотѣ князя Пожарскаго нами уже упоминалось.

Обвиненіе обоихъ этихъ вождей, хорошо знавшихъ настроеніе земскихъ и казацкихъ войскъ, и особенно обвиненіе кн. Пожарскаго, нелицемѣрнаго выразителя и исполнителя земскихъ стремленій, что оба эти «руководители собора» «были скорѣе противниками кандидатуры царя Михаила, чѣмъ сторонниками ея», намъ лично представляется самымъ несправедливымъ дѣломъ въ современной литературѣ. Относи-

Длившіеся между сторонниками разныхъ кандидатуръ споры начали смущать самихъ членовъ собора, которымъ стало желательно совершить наконецъ дѣло избранія. Медлительность рѣшенія вызывала недовольство въ народѣ и въ казачествѣ[1]). А казачество не терпѣло ея ни въ чемъ; и если оно, отказываясь отъ сына второго Лжедмитрія, склонялось на сторону одного Михаила, то не затѣмъ, чтобы голоса его не слушали.

Открытое и согласное заявленіе представителей земщины и казачества въ пользу одного кандидата облегчило собору дѣло избранія, и къ 7 февраля успѣхъ кандидатуры Михаила Θеодоровича былъ предрѣшенъ.

«Для большого укрѣпленія» дѣла сочли надобнымъ, въ видахъ осторожности, окончательное избраніе отложить на двѣ недѣли[2]). Этимъ временемъ воспользовались для того, чтобы довершить составъ участвующихъ въ избраніи и убѣдиться, какъ оно будетъ принято на мѣстахъ. Къ боярамъ, оставившимъ Москву по ея освобожденіи, было послано приглашеніе «на спѣхъ» вернуться. По всѣмъ городамъ, кромѣ дальнихъ, отправили тайно «вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей» разузнать[3]) «во всякихъ людѣхъ мысли ихъ про государское обираніе». Прибытіе знати не могло не подогрѣть прежней разности во взглядахъ[4]). Однако, родственныя Михаилу Θеодоровичу

тельно Трубецкого можно говорить только за первое время, когда ставилась его кандидатура и когда онъ былъ, конечно, вообще противъ каждаго кандидата, а не лично собственно противъ Михаила Θеодоровича.

[1]) О настроеніи и рѣшимости членовъ собора, у кн. Катырева-Ростовскаго (Русская Историческая Библіотека, XIII, 706); о дѣйствіяхъ казачества—сообщенія, хотя опять преувеличенныя относительно ихъ силы, у тѣхъ же шведскихъ вѣстниковъ (Арсеньевскія шведскія бумаги, 27). По этимъ вѣстямъ, нетерпѣливая толпа требовала избранія Михаила и потому, что онъ «прежнему великому князю царю Θедору Ивановичу ближе всѣхъ сродни, и упомянутый царь Θедоръ Ивановичъ, умирая, поручилъ и приказалъ царство отцу этого Михаила—Филарету, который теперь въ плѣну въ Польшѣ». Шведы и поляки, поддерживаемые искусственными вѣстями русскихъ, очень желали бы въ избраніи видѣть дѣло лишь низшихъ классовъ, главнымъ образомъ казаковъ, и нѣкоторыхъ родственниковъ Михаила (тамъ же, 25, 26; Дополненія къ Актамъ Историческимъ, II, № 12, стр. 30; Соловьевъ, II, 1073, 1084, изд. 4, 14, 43, 55) и тѣмъ льстить себя надеждой въ непрочность избранія и царствованія Михаила Θеодоровича. Сужденіе ихъ столь же вѣрное, насколько вѣрными оказались эти ихъ надежды. О вѣстникахъ см. также выше, въ IV главѣ.

[2]) О дальнѣйшемъ главнымъ образомъ: Московскій Архивъ Министерства Юстиціи: Книга по справкамъ Разряднаго архива, № 1. Дворцовые Разряды, I, съ приложеніями; Утвержденная грамота объ избраніи, изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 43 и слѣд.; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, №№ 1, 2, 3, 4 и слѣд.; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63, XIV, I, 129—131; Русская Историческая Библіотека, XIII, 1235—1248, и др.

[3]) А также, быть можетъ, съ цѣлью и склонять и объединять мнѣнія населенія.

[4]) Отраженіе этого, очевидно, въ показаніяхъ, хотя въ значительной части весьма невѣроятныхъ и намѣренно неточныхъ, въ разспросныхъ рѣчахъ шведами Калитина. Арсеньевскія шведскія бумаги, 26—27.

лица, какъ Иванъ Никитичъ, князь Борисъ Лыковъ, Борисъ Михайловичъ Салтыковъ и другіе, прямо высказались за него. Дѣло было настолько предрѣшено, что направленіе не измѣнилось бы даже при наличности недовольства главы прежняго боярскаго правительства кн. Мстиславскаго. Для примиренія интересовъ могла здѣсь пригодиться дѣятельность такихъ лицъ, какъ Шереметевъ. А отвѣты, привозимые посланными въ города, свидѣтельствовали о глубокомъ повсемѣстномъ сочувствіи къ избранію Михаила. Широкое народное расположеніе къ фамиліи дѣлало свое дѣло.

Въ серединѣ двухнедѣльнаго промежутка наступилъ Великій постъ. Всѣ члены собора говѣніемъ приготовлялись къ завершенію «великаго дѣла» избранія царя. Если въ теченіе избирательной дѣятельности собора боролись между собою земные интересы, играли преобладающую роль соображенія чисто практическаго свойства, то въ идеѣ своей соборное избраніе являлось, по понятіямъ людей того времени, ни чѣмъ инымъ, какъ способомъ проявленія воли Божіей, кому быть царемъ, средствомъ познанія этой воли[1]). Только такой взглядъ на значеніе соборнаго избранія и могъ помирить съ мыслью о выборномъ царѣ сознаніе тогдашняго общества, воспитаннаго на представленіяхъ совсѣмъ иного порядка. И обстановка, въ которую старались поставить засѣданіе собора, соотвѣтствовала такому пониманію значенія избирательной дѣятельности: общій постъ предшествуетъ открытію его засѣданій; общее говѣніе—окончательному избранію царя.

21 февраля утромъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи всѣхъ членовъ избирательнаго собора, при громадномъ стеченіи народа, было совершено молебствіе о дарованіи «на Московское государство государя царя праведна и свята, и благочестива, и благородна, и христолюбива, чтобъ, по милости Божіи, впредь царская степень утвердилася на вѣки». Затѣмъ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ происходили и предшествующія засѣданія собора[2]), было приступлено къ окончательному избранію государя. Къ этому моменту болѣе, чѣмъ къ какому-либо иному, приложимы показанія

---

[1]) Утвержденная грамота, 56—58; Акты Археогр. Экспедиціи, II, 21—23; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, V, 63, и др.

[2]) Что окончательное избраніе Михаила произошло именно во дворцѣ, а не въ храмѣ (какъ можно заключить изъ Утвержденной грамоты), записалъ Арсеній, архіепископъ елассонскій: «въ большомъ московскомъ дворцѣ, въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа изо всѣхъ городовъ Россіи». А. А. Дмитріевскій, Архіепископъ елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи, Труды Кіевской Духовной Академіи, 1898, V, 123, отдѣльное изданіе, Кіевъ, 1899 г., 172. Это было въ воскресенье недѣли Православія.

оффиціальныхъ актовъ о единодушіи, наблюдавшемся на соборѣ и въ населеніи относительно кандидатуры Михаила. Шансы его на избраніе оказались столь значительными, что противникамъ было уже безполезно возвышать теперь свой голосъ. Близость долгожданнаго момента, когда русская земля перестанетъ быть безгосударной, должна была преисполнять и членовъ собора, и народныя массы особымъ энтузіазмомъ по отношенію къ лицу, которому, какъ выяснилось, судьба указала занять престолъ русскій. Мнѣнія были поданы членами собора по чинамъ[1]), и всѣ—за Михаила. Нѣкоторымъ членамъ собора было поручено отправиться на Красную площадь, залитую народомъ, и съ Лобнаго мѣста объявить о состоявшемся избраніи[2]). Народъ и воины, «яко отъ единыхъ устъ, всѣ возопиша: Михайло Өеодоровичъ да будетъ царь и государь Московскому государству и всея Русскія державы!» Въ Успенскомъ соборѣ и по всѣмъ храмамъ столицы были отслужены молебствія. Населеніе цѣловало крестъ по записи новоизбранному царю, его будущимъ царицѣ и дѣтямъ, клятвенно обѣщаясь никакого иного государя «не хотѣти и не обирати и не искати». По городамъ были разосланы грамоты съ извѣщеніемъ объ избраніи Михаила Өеодоровича; къ грамотамъ прилагалась крестоцѣловальная запись для принесенія присяги, и вскорѣ изъ городовъ стали поступать сообщенія о томъ, что новому государю «крестъ цѣловати почели... всѣ радостными душами»[3]).

---

[1]) Кромѣ того, что это былъ обычный порядокъ подачи мнѣній на соборахъ XVII вѣка, объ этомъ можно заключить и изъ разсказа Авраамія Палицына, Сказаніе о осадѣ Троицкаго монастыря, 293, Русская Историческая Библіотека, XIII, 1237.

[2]) Едва ли можно принять сообщеніе Палицына (тамъ же, стр. 292 и 1236), а съ его словъ и «Книги о избраніи на царство Михаила Өеодоровича» (М., изданіе 1856 г., стр. 12), что депутація эта была послана «къ вопрошенію всего воинства и всенароднаго множества о избраніи царскомъ»: ей было поручено, конечно, «возвѣстить о состоявшемся рѣшеніи». Въ составъ депутаціи входили: рязанскій архіепископъ Өеодоритъ, келарь Троицко-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ, архимандритъ Московскаго Новоспасскаго монастыря Іосифъ и бояринъ Вас. Петр. Морозовъ. Нѣтъ сомнѣнія, эти лица наиболѣе опредѣленно высказывались за Михаила Өеодоровича и на соборѣ. Бояринъ Морозовъ былъ съ нимъ въ родствѣ; Новоспасскій монастырь служилъ усыпальницей Романовыхъ; Өеодоритъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ переносилъ мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву и долженъ былъ близко знать Романовыхъ и по ихъ обширнымъ имѣніямъ въ Рязанскихъ предѣлахъ; о своемъ энергичномъ содѣйствіи избранію Михаила Өеодоровича Палицынъ самъ записалъ въ своемъ повѣствованіи. Возложеніе же на нихъ почетнаго порученія обусловливалось, конечно, прежде всего важностью тѣхъ учрежденій, которыхъ они въ большинствѣ были представителями. Рязанская епископія въ іерархическомъ отношеніи занимала тогда одно изъ первыхъ мѣстъ.

[3]) Что касается, такъ называемыхъ, «ограничительныхъ условій», то послѣ тщательнаго анализа ихъ и ихъ источниковъ проф. А. И. Маркевича (Журн. Мин.

Удалившись въ свои костромскія вотчины, Михаилъ съ матерью вѣроятнѣе всего жили въ селѣ Домнинѣ. Отсюда ими было совершено паломничество въ Макарьевскій Унженскій монастырь[1]); послѣ чего они поселились въ г. Костромѣ, гдѣ у Мареы былъ домъ. Къ нимъ было отправлено многочисленное посольство[2]) изъ людей разныхъ чиновъ бить челомъ о принятіи соборнаго избранія. Въ посольствѣ состояли: архіепископъ рязан-

Нар. Просв., 1891, IX—X) и замѣчаній Д. И. Иловайскаго (Смутное время, 319—322) не дано по существу чего-либо измѣняющаго. Авторъ недавно появившагося изслѣдованія «Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка» (М., 1912) Г. Г. Тельбергъ приходитъ относительно записи Михаила Өеодоровича къ тому заключенію, что, если мы остановимся на «*гипотезѣ* о ея судебномъ по преимуществу значеніи, то практику политическихъ дѣлъ въ царствованіе Михаила Өеодоровича приходится учесть, какъ одно изъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу существованія такой записи» (стр. 300). Противъ категорическаго отрицанія существованія формальнымъ ограниченій С. Ө. Платоновымъ (Московское правительство при первыхъ Романовыхъ, Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1906, XII) возражалъ В. П. Алексѣевъ (Вопросъ объ условіяхъ избранія на царство Михаила Өеодоровича Романова, Русская Мысль, 1909. XI). Приходится констатировать, что самый фактъ существованія ограничительныхъ условій не представляется безспорнымъ, и свидѣтельства, во многомъ противорѣчащія одно другому, не даютъ возможности точно установить, въ чемъ эти ограничительныя условія заключались. Обстоятельства, при которыхъ происходило воцареніе Михаила, несравненно менѣе благопріятствовали полученію боярствомъ съ новаго государя извѣстныхъ обязательствъ, чѣмъ, напримѣръ, обстоятельства воцаренія Василія; въ той картинѣ избранія Михаила и послѣдующихъ отношеній его съ московскими учрежденіями, которая рисуется на основаніи сохранившихся источниковъ, нелегко, даже предположительно, указать моментъ, когда могли бы завязаться переговоры о формальномъ ограниченіи власти новаго царя, и съ увѣренностью назвать лицъ, которыя бы вели эти переговоры. Практика правительственной дѣятельности въ царствованіе Михаила Өеодоровича не даетъ безспорныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія ограничительныхъ условій. Въ содержаніи Утвержденной грамоты объ избраніи, подписанной и членами боярской думы, нѣтъ даже намека на ограниченіе власти Михаила.

[1]) См. Л. Скворцовъ, Одинъ изъ безвѣстныхъ дѣятелей Смутнаго времени (докладъ въ Костромской Ученой Архивной Комиссіи, помѣщенный въ Поволжскомъ Вѣстникѣ, въ началѣ 1910 г., отдѣльный оттискъ, стр. 3) и П. М. Любомировъ, Легенда о старцѣ Давидѣ Хвостовѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1911 г., XII, 329.

[2]) Въ наказѣ посольству собора писалось: «Ѣхати къ государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу всея Русіи въ Ярославль или гдѣ онъ, государь, будетъ». Дворцовые Разряды, I, 31. На этомъ основаніи въ исторической наукѣ постоянно разсказывается, что собору и посольству не было извѣстно мѣстопребываніе Михаила Өеодоровича; это повторяется и тѣми, кому извѣстны сообщенія о сношеніяхъ Шереметева и собора съ Мареой Ивановной... Дорога въ Кострому была тогда чрезъ Ярославль: онъ и означается въ наказѣ, на него и отправляется посольство; объявлять же во всеуслышаніе о дѣйствительномъ мѣстопребываніи избраннаго въ цари было опасно. Иное дѣло, когда посольство возвращалось, сопровождая Михаила: при нихъ двигалась большая охрана военно-служилыхъ и изъ казаковъ. Замѣтимъ, что въ составъ посольства входили Шереметевъ и архимандритъ Ипатьевскаго монастыря и что оно нашло при Мареѣ и Михаилѣ братьевъ Салтыковыхъ, членовъ собора.

скій и муромскій Өеодоритъ, нѣсколько архимандритовъ, келарь Троицкаго монастыря, соборные протопопы, бояре Ө. И. Шереметевъ и кн. В. И. Бахтеяровъ-Ростовскій съ товарищами, и всякихъ чиновъ люди. Посольству были вручены для передачи Михаилу Өеодоровичу и инокинѣ Марөѣ грамоты отъ собора. Архіепископу Өеодориту и боярину Шереметеву данъ былъ наказъ, что̀ говорить новоизбранному царю и его матери. Вечеромъ 13 марта посольство подошло къ Костромѣ и остановилось въ близлежащемъ селѣ Новоселкахъ. Освѣдомились о времени пріема; Михаилъ Өеодоровичъ изъявилъ согласіе принять посольство на слѣдующій день. Наиболѣе приличествующимъ мѣстомъ для торжественной встрѣчи новоизбраннаго царя съ прибывшими представлялся пригородный Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью отправился туда[1]), и 14 марта утромъ посольство въ полномъ составѣ, «учредивше чины по достоянію и земше честный крестъ» и принесенныя изъ Москвы чтимыя иконы, приступило къ выполненію возложенной на него миссіи. Не доходя до монастыря, оно встрѣтилось и соединилось съ многолюднымъ крестнымъ ходомъ, вышедшимъ изъ города. При приближеніи процессіи «въ той святой обители быша звоны великіе». Михаилъ съ матерью вышелъ навстрѣчу за монастырскія стѣны. Послѣ того, какъ Михаилъ приложился къ иконамъ, архіепископъ Өеодоритъ и бояринъ Шереметевъ передали ему и его матери «отъ всего Московскаго государства грамоты» и обратились съ рѣчами по наказу; просьба о принятіи царства была поддержана «съ великими слезами» всѣми собравшимися [2]).

Михаилъ, услышавъ «такое къ себѣ непреложное моленіе», «отрицашеся со многими слезами и рыданіемъ и гнѣвомъ». И мать его «по тому же исполнився многихъ слезъ, съ великимъ плачемъ и рыданіемъ» отказала

---

[1]) Недавно И. В. Баженовъ выступилъ съ защитой того мнѣнія, что Михаилъ съ матерью уже съ самаго прибытія въ Кострому поселились въ Ипатьевскомъ монастырѣ (Костромскія Епархіальныя Вѣдомости, 1911, №№ 17 и 18, и докладъ на XV Всероссійскомъ Археологическомъ съѣздѣ); мнѣніе это нельзя признать обоснованнымъ. См. докладъ Л. Скворцова, напечатанный въ «Поволжскомъ Вѣстникѣ», 1912 г., №№ 1719 и 1721.

[2]) Ходъ переговоровъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ изложенъ въ грамотѣ посольства въ Москву (Дворцовые Разряды, I, 52—66; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, № 10) и въ Утвержденной грамотѣ (50—68), близко къ ней въ Книгѣ о избраніи на царство Михаила Өеодоровича (13—24). Утвержденная грамота не можетъ считаться надежнымъ источникомъ для изображенія переговоровъ между посольствомъ и Михаиломъ съ матерію: въ стремленіи за полнотою изложенія она дѣлаетъ многочисленныя и обширныя заимствованія изъ грамоты 1598 г. объ избраніи Бориса Годунова. Самая трудная миссія выпала въ Ипатьевскомъ монастырѣ Өеодориту. Его біографія: «Өеодоритъ, архіепископъ рязанскій и муромскій» (Рязанскія

благословить сына на царство. Едва упросили ихъ войти за процессіей въ соборную церковь св. Троицы. Многіе изъ пришедшихъ съ посольствомъ не проникли въ храмъ и размѣстились внѣ его, въ предѣлахъ монастырскихъ стѣнъ и даже за стѣнами. Въ храмѣ было отслужено молебствіе, затѣмъ возобновились просьбы къ Михаилу и Мароѣ о принятіи избранія. И снова посольство встрѣтилось съ рѣшительнымъ отказомъ съ ихъ стороны. Если обычай и приличіе не позволяли изъявить сразу согласіе на принятіе столь исключительнаго почета, то нѣтъ сомнѣнія однако, что соображенія, которыя приводила Мароа, а за нею и Михаилъ, въ объясненіе своего отказа, могли заставить ихъ дѣйствительно много колебаться прежде, чѣмъ дать окончательный отвѣтъ въ положительномъ смыслѣ.

Мароа ссылалась на молодость Михаила, дѣлавшую для него непосильнымъ бремя правленія, на то, что «Московскаго государства многіе люди... въ крестномъ цѣлованіи стали нестоятельны», «всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Указывала она также на невозможность вслѣдствіе крайняго разоренія и опустошенія государства и обѣднѣнія служилыхъ людей противостоять внѣшнимъ врагамъ и «государевы обиходы полнити», служилыхъ людей жаловать; на пребываніе въ плѣну митрополита Филарета, которому польскій король, узнавъ о принятіи его сыномъ избранія на Московское царство, «тотчасъ велитъ... какое зло учинить», и отъ котораго, съ другой стороны, сынъ лишенъ возможности получить благословеніе «на такое великое дѣло». Михаилъ повторялъ часть этихъ доводовъ.

Члены посольства старались разсѣять опасенія сына и матери. Избраніе, говорили они, совершилось по волѣ Божіей, и Богъ пошлетъ царю и царству его «вся благая». Тѣ событія, о которыхъ думала Мароа, упрекая московскихъ людей, что они «въ крестномъ цѣлованіи стали нестоятельны», имѣли мѣсто, когда «волею Божіею, а всѣхъ православныхъ хрестьянъ грѣхомъ, во всѣхъ людехъ Московскаго государства была рознь и межьусобство», теперь же «Московскаго государства люди наказалися», «учинилися межъ себя въ соединеніе и въ братствѣ и въ любви по прежнему», обѣщались единодушно стоять за вѣру православную и за царя Михаила Θеодоровича,

---

Епархіальныя Вѣдомости, 1871 г., прибавленія къ нимъ), гдѣ подробно, изложены и переговоры. Съ Θеодоритомъ былъ его ближайшій сотрудникъ зарайскій протопопъ Дмитрій, котораго онъ потомъ послалъ съ отвѣтной грамотой къ собору. Біографія его К. И. Аверина, Историческое извѣстіе о жизни и дѣяніяхъ Дмитрія, протоіерея Зарайскаго Николаевскаго собора, современника и сотрудника Дмитрія Михайловича Пожарскаго, съ точнымъ спискомъ его почерка. М., 1837 г. Свѣдѣнія о Θ. И. Шереметевѣ во II книгѣ Рода Шереметевыхъ, А. Барсукова.

«служити и прямити» ему во всемъ, противъ недруговъ его и измѣнниковъ «битися до смерти», о другомъ государѣ не помышлять, и на всемъ ему томъ, царю Михаилу, крестъ цѣловали «радостными душами». Ни внѣшніе враги, ни измѣнники не будутъ опасны, если Михаилъ Ѳеодоровичъ приметъ избраніе: «услыша его, великаго государя нашего, на Московскомъ государствѣ, всѣ его государевы недруги и измѣнники отъ его царскаго имени страшны будутъ», говорили они. Если же Михаилъ отклонитъ избраніе, враги и измѣнники порадуются, «что мы сиры и безгосударны», и новыя бѣдствія отъ тѣхъ и другихъ обрушатся на страну. Пусть не безпокоятся „великіе государи“ объ участи митрополита Филарета: въ обмѣнъ за него уже послано къ польскому королю много польскихъ и литовскихъ людей, «хто имъ надобенъ», и владыка скоро будетъ «по своей къ Богу великой вѣрѣ и правдѣ» освобожденъ отъ плѣна и всѣхъ скорбей; благословеніе же отцовское на немъ, Михаилѣ, и «нынѣ и всегда есть и будетъ».

Всѣ эти доводы долго не могли убѣдить Михаила и Марѳу снизойти на просьбы посольства и «всенароднаго множества». Шесть часовъ члены посольства и всѣ присутствующіе «съ великимъ слезнымъ рыданіемъ и воплемъ» тщетно умоляли «умилитися надъ остаткомъ роду хрестіанскаго» и принять избраніе: Михаилъ и Марѳа «съ великимъ плачемъ и гнѣвомъ» продолжали отклонять просьбы. Только послѣ того, какъ подняты были вновь иконы и кресты, поднесены къ тому мѣсту, гдѣ находились Михаилъ и Марѳа, и архіепископъ Ѳеодоритъ указалъ Михаилу и его матери, что, если они отвергнутъ избраніе, то за могущее послѣдовать въ безгосударное время разореніе православной вѣры отъ иноземцевъ, за новую гибель и плѣненіе православныхъ христіанъ, за возобновленіе междоусобной брани, за противленіе, наконецъ, волѣ Божіей, Богъ взыщетъ съ нихъ въ день Страшнаго суда—только послѣ этой угрозы инокиня Марѳа «царское свое сердце на милость преложи». Она сказала, что ради многихъ моленій «всего православнаго хрестіанства» она даетъ сына своего, свѣта очей своихъ, на царство. Пусть митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ молятъ Бога о государскомъ его здравіи и о вселенскомъ устроеніи, пусть бояре и всѣ русскіе люди по своему крестному цѣлованію служатъ ему «во всемъ безъ всякаго прозябанія»: «къ ворамъ ни хъ какимъ» не пристаютъ и «воровства никакого» не заводятъ, иноземныхъ государей и Маринки съ сыномъ на Московское государство не обираютъ и въ сношенія съ ними не вступаютъ,—«чтобъ и достоль наша истинная православная хрестьянская вѣра отъ иновѣрцовъ въ попраніи, а Московское государство въ конечномъ разореніи не были». Убѣжденная рѣчь матери подвинула и Михаила

дать согласіе на принятіе царскаго вѣнца: «аще на то будетъ воля Божія, буди тако», сказалъ онъ.

Общею радостью было встрѣчено согласіе Михаила и Мароы. Архіепископъ Өеодоритъ и все духовенство благословили молодого царя на царство. Всѣ просили не медлить съ переѣздомъ въ столицу на радость всѣмъ русскимъ людямъ и на устрашеніе недругамъ и измѣнникамъ. Михаилъ и Мареа милостиво обѣщали, что «походъ ихъ государской будетъ въ царствующій градъ на Москву вскорѣ»[1]). Отслуживъ благодарственное молебствіе, члены собора и народъ разошлись съ великою радостью по домамъ. Въ Москву была отправлена грамота, извѣщавшая, что Михаилъ Өеодоровичъ «по многомъ прошеніи и моленіи», принялъ избраніе и мать благословила его на царство; 24 марта столица торжественно праздновала полученіе этой вѣсти.

Въ отвѣтной грамотѣ посламъ соборъ побуждалъ ихъ «безотступно» просить государя, чтобъ онъ «на свой царскій престолъ, въ царствующій градъ Москву, свой государевъ подвигъ и матери своей... учинилъ вскорѣ». Ту же просьбу соборъ повторилъ Михаилу и Мареѣ, въ грамотахъ на ихъ имя.

Нѣсколько ранѣе, чѣмъ соборомъ отправлены были эти грамоты, государь съ матерью выѣхали (19 марта) въ Москву. Съ прибытіемъ не спѣшили: разоренная столица далеко еще не была готова къ достойному пріему новоизбраннаго государя; весенній путь портился, не былъ упорядоченъ и обезпеченъ запасами. Особенно продолжительная, почти съ мѣсяцъ (21 марта—16 апрѣля), сдѣлана была остановка въ Ярославлѣ. Между государемъ и московскими учрежденіями—сначала земскимъ соборомъ, потомъ преимущественно боярскою думою (Ө. И. Мстиславскимъ съ товари-

---

[1]) Замѣчательно, что все это происходило въ Ипатьевскомъ монастырѣ, который основанъ предкомъ Бориса Годунова, мурзой Четомъ, и служилъ мѣстомъ погребенія Годуновыхъ (Прот. П. Островскій, Историко-статистическое описаніе Костромского первокласснаго каѳедральнаго Ипатьевскаго монастыря. Кострома, два изданія). Послѣ Өеодора Ивановича Годуновъ избраніе на царство принялъ въ подмосковномъ Новодѣвичьемъ монастырѣ; Михаилъ Өеодоровичъ, прямой и законный, по народному сознанію, наслѣдникъ царя Өеодора, сталъ царемъ въ подгородномъ монастырѣ Годуновыхъ. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи хранится опись этого Ипатьевскаго монастыря, гдѣ означены разные вклады Годуновыхъ и вкладъ Михаила Өеодоровича къ образу Троицы, пожертвованному царемъ Өеодоромъ Ивановичемъ. «Да у образа жъ Пресвятые Троицы въ прикладѣ пятдесятъ девять золотыхъ малыхъ, да три золотые большіе противъ меншихъ шти золотыхъ, да у тѣхъ же трехъ золотыхъ три четвероугольные тшицы золотые; вырѣзана подпись: Дан(ь)е блаженные памяти Государя Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всеа Россіи». «Опись Ипатскаго монастыря» 1682 года, хранящаяся въ документахъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа, за № 46, л. 8.

щами)—открылись постоянныя письменныя сношенія по вопросамъ управленія. Многіе члены собора, преимущественно изъ служилыхъ людей, стремясь скорѣе увидѣть царя, ѣхали къ нему навстрѣчу. Сами освободители Москвы, князья Трубецкой и Пожарскій, обратились къ нему съ челобитной о дозволеніи имъ, а также и всѣмъ ратнымъ людямъ, которые принимали участіе въ ея освобожденіи, встрѣтить государя и видѣть его царскія очи [1]).

Съ остановками въ Ростовѣ, Переяславлѣ и въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ царскій поѣздъ двигался къ столицѣ. Изъ Троицы были посланы къ воеводамъ князю Трубецкому, князю Пожарскому и ко всѣмъ ратнымъ людямъ милостивое слово и наказъ собору, чтобы уняты были производившіе по окрестностямъ разбои и безчинства. Изъ послѣдней остановки, въ дворцовомъ селѣ Тайнинскомъ [2]), государь извѣщалъ земскій соборъ: «приходъ нашъ и матери нашея будетъ въ Москвѣ мая во 2 день, въ воскресенье, и вамъ бы про приходъ нашъ было вѣдомо». Въ этотъ день царь съ матерью торжественно въѣхалъ въ свою столицу, радостно встрѣченный земскимъ соборомъ и великимъ множествомъ народа.

Въ томъ же мѣсяцѣ была готова составленная по соборному приговору «на большое утвержденіе и единомысліе» Грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Θеодоровича, и началось рукоприкладство подъ ней членовъ собора.

---

[1]) Главы временнаго правительства, недавно именовавшіе себя въ грамотахъ: «По избранію всѣхъ чиновъ людей Російского государства, у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ бояринъ и воевода Дмитрей Трубетцкой, да столникъ и воевода Дмитрей Пожарской съ товарыщи», теперь писали: «Государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу всеа Русіи холопи твои, Митка Трубецкой да Митка Пожарской, челомъ бьютъ. Были мы, холопи твои, на твоей государевѣ службѣ со 119 (1611) году и голодъ, и нужу великую терпѣли» и, помощью Божіею, «твоимъ государевымъ счастіемъ» и «всякихъ служивыхъ людей прямою службою и кровію, Московское государство отъ полскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, и многихъ людей свободныхъ учинили. И нынѣ, государь, приходятъ къ намъ столники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жилцы, и изъ городовъ дворяне, и дѣти боярскіе, которые съ нами, холопи твоими, были подъ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ, государю, чтобъ имъ видѣть твои царскіе очи на встрѣчѣ. И мы, холопи твои, безъ твоего государева указу на встрѣчю къ тебѣ, государю, ѣхать не смѣемъ и ожидаемъ отъ тебя, государя, милости и твоего царскаго указу, какъ ты намъ, холопемъ своимъ, повелишь». Они просили государя велѣти учинить указъ, гдѣ имъ всѣмъ его «царскіе пресвѣтлые очи видѣть на встрѣчѣ, и въ который день, и въ которомъ мѣстѣ». Дополненія къ Актамъ Историческимъ, I, № 166; Дворцовые Разряды, I, 1207. О «походѣ» новоизбраннаго царя изъ Костромы въ Москву см. статью И. Я. Сталлецкаго въ журналѣ «Лѣтопись», 1913, № 4 и сл.

[2]) Дворцовые Разряды, I, 1216; В. К. Клейнъ, Памятники древнерусскаго искусства въ дворцовомъ селѣ Тайнинскомъ. М., 1912.

Въ Грамотѣ этой было записано, что при избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство всеобщимъ упованіемъ было: да «пріиметъ» онъ «скиѳетръ Россійскаго царствія для утвержденія истинные нашіе Православные вѣры, и чтобъ Господь Богъ его государскимъ призрѣніемъ» «вся благая Московскому государству устроилъ». Въ Грамоту внесли обѣты, принятые подданными по отношенію къ новому государю: служить ему и его потомству «вѣрою и правдою, всѣми душами своими и головами» и никого другого на царство не «искати и не хотѣти»; «свыше своего отечества и службы, помимо царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого государь пожалуетъ»; и какъ кому государь царь «на своей государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти». И «быти такъ— говорилось въ Грамотѣ—во всемъ по тому, какъ въ сей Утверженной грамотѣ писано»[1]).

Народное дѣло избранія государя было завершено и освящено торжественнымъ вѣнчаніемъ Михаила Ѳеодоровича на царство, 11 іюля.

---

[1]) Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳеодоровича Романова, Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, 614, 615, 633—635, изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 45, 46, 71—73.

Худож. фототип. К. А. Фишеръ, Москва.

ПРОФЕССОРА Д. В. ЦВѢТАЕВА.

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ, 1610—1910 гг.
I томъ: Историческое изслѣдованіе. Варшава—Москва, 1910 г. (XXIII+ +610 стран., съ нѣсколькими въ текстѣ снимками и планами). Ц. 5 р.

Содержаніе: Введеніе: Задачи и главные выводы и положенія. Изслѣдованіе. Отдѣлъ первый: Царь Шуйскій съ братьями и невѣсткою въ польскомъ плѣну, въ связи съ обстоятельствами времени и русско-польскими отношеніями. Главы I—VII: Выдача царя Василія Ивановича Шуйскаго съ братьями гетману Жолкѣвскому. Шуйскіе подъ Смоленскомъ и дальнѣйшій путь ихъ въ Варшаву; на Варшавскомъ сеймѣ; въ Гостынскомъ замкѣ. Погребеніе тѣла Василія Ивановича въ Варшавѣ и надгробный памятникъ. Выдача останковъ Шуйскаго московскому посольству и торжественное перенесеніе ихъ въ Москву. Перевозъ въ Москву варшавскаго памятника надъ Василіемъ. Отдѣлъ второй; главы VIII и слѣд.: Судьбы мѣстъ погребенія царя Шуйскаго въ Польшѣ въ связи съ исторіей бывшихъ и существующихъ тамъ зданій и учрежденій и съ развитіемъ русско-польскихъ отношеній. Гостынскій замокъ и возникшая въ его развалинахъ нѣмецкая церковь. Варшавская усыпальница, Доминиканскій монастырь, Общество любителей наукъ и его домъ, памятникъ Коперника, Лотерейное управленіе, Медико-Хирургическая Академія, Вторая Мужская Гимназія, Русскія школы и Первая Мужская Гимназія съ ея церковью для русскихъ учащихся въ Варшавѣ.

II томъ: Приложенія къ историческому изслѣдованію.
Книга первая. Варшава, 1901 г., 24+258 страницъ и 16 рисунковъ. Ц. 2 р. 50 к.
Книга вторая. Варшава, 1902 г., 30+389 страницъ и 16 плановъ. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Относящіеся къ предметамъ изслѣдованія документы, планы и рисунки, извлеченные изъ архивовъ и рукописныхъ собраній въ Варшавѣ, Гостынинѣ, Москвѣ, С.-Петербургѣ, Краковѣ, Львовѣ и Римѣ, и обозрѣніе этого матеріала.

Къ исторіи Смутнаго времени. Собраніе документовъ. Выпускъ первый. Москва, 1913 г. Ц. 50 к.

Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованій. Историческое изслѣдованіе. Москва, 1890 г., VIII+782 стр. Ц. 6 р.

Содержаніе: Бытъ иноземцевъ—церковный и гражданскій, общественный и частный; нравы; нѣмецкія слободы (I—IV гл.). Сношенія иноземцевъ съ русскими; обрусѣніе, смѣшанные браки, пропаганда и борьба съ нею; служба и дѣятельность въ качествѣ военныхъ, торговцевъ и промышленниковъ, врачей, художниковъ, мастеровъ и т. п., культурное воздѣйствіе на русскихъ (V—VIII гл.).

Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи. Москва, 1888 г., I, стр. XXII+244. Ц. 2 р.

Содержаніе: Собраніе матеріаловъ изъ архивныхъ дѣлъ и различныхъ рукописей. Дѣла Баумана, Квирина Кульмана, Яна Бѣлободскаго, о пасторахъ, докторахъ, киркахъ, перекрещенцахъ, гугенотахъ, и проч.

Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи XVI и XVII вѣковъ. М., 1886 г. 462+LIX стр. Ц. 3 р. 50 к.

Къ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи. Изъ рѣчи передъ защитой докторской диссертаціи въ Харьковскомъ Университетѣ, Варшава, 1891 г.

Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Въ школѣ. Рѣчи. М., 1907—1911 гг., вып. I—V.

Zur Erinnerung an A. W. Fechner.

И другіе.

У автора, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; а также въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени" (Суворина), Сытина и друг.

Цѣна 75 коп.

